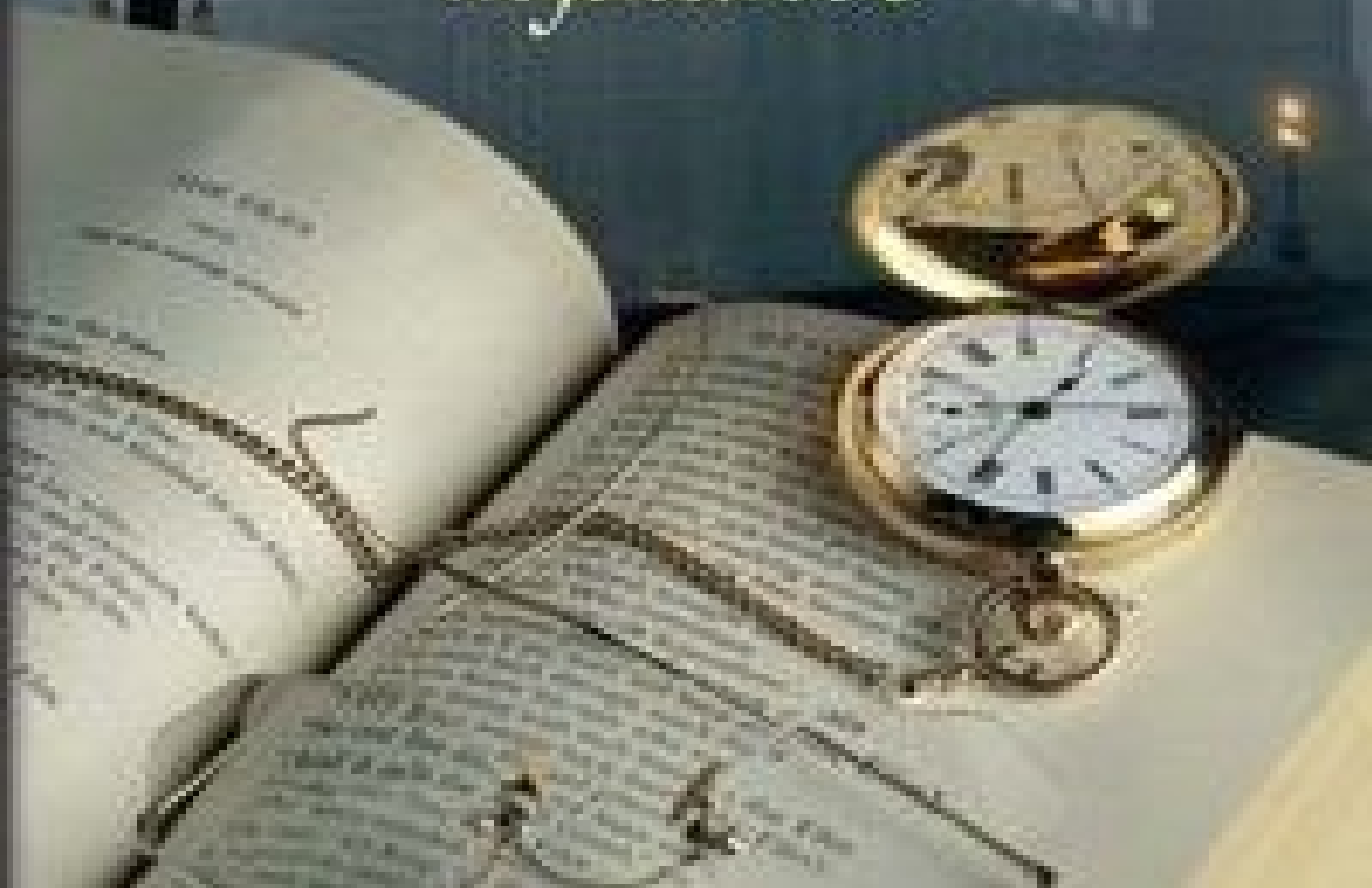


НОВИНКА

# Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

*Страна  
туманов*



## Annotation

«Страна туманов» — поражающий воображение роман великого Артура Конан-Дойля! Главные герои книги — журналист Мелоун и Энди, дочь профессора Челленджера, — становятся свидетелями загадочных событий. Молодые люди, вопреки своему желанию, вынуждены прикоснуться к тайне загробной жизни. Они решают сообщить всему миру о случившихся с ними сверхъестественных происшествиях! Но неожиданное препятствие в лице профессора Челленджера, бескомпромиссного адепта науки, рушит их планы... Сэр Артур Конан-Дойль стал первым писателем, кто, показав читателю затерянный мир, не побоялся шагнуть дальше — в мир потусторонний!

---

- [Глава I В КОТОРОЙ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ПРИСТУПАЮТ К РАБОТЕ](#)
- [Глава II В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ВЕЧЕР В СТРАННОЙ КОМПАНИИ](#)
- [Глава III В КОТОРОЙ ПРОФЕССОР ЧЕЛЛЕНДЖЕР ВЫСКАЗЫВАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ](#)
- [Глава IV В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЮТСЯ СТРАННЫЕ ЗАНЯТИЯ В ХАММЕРСМИТЕ](#)
- [Глава V В КОТОРОЙ НАШИ ДЕЛОВЫЕ ПАРТНЕРЫ ПЕРЕЖИВАЮТ ЕЩЕ ОДНО УДИВИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ](#)
- [Глава VI ГДЕ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С ХАРАКТЕРОМ И ПРИВЫЧКАМИ ПРЕСТУПНИКА](#)
- [Глава VII В КОТОРОЙ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ПРЕСТУПНИК НАКАЗЫВАЕТСЯ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЗАКОНА](#)
- [Глава VIII В КОТОРОЙ ТРОЕ СМЕЛЬЧАКОВ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ТЕМНЫМ ДУХОМ](#)
- [Глава IX В КОТОРОЙ ОБНАРУЖИВАЮТСЯ ВПОЛНЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ](#)
- [Глава X DE PROFUNDIS](#)
- [Глава XI В КОТОРОЙ САЙЛАС ЛИНДЕН ПОЛУЧАЕТ ПО ЗАСЛУГАМ](#)
- [Глава XII В КОТОРОЙ ПРОИСХОДЯТ ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ](#)
- [Глава XIII В КОТОРОЙ В БОЙ ВСТУПАЕТ ПРОФЕССОР](#)

## ЧЕЛЛЕНДЖЕР

- Глава XIV В КОТОРОЙ ЧЕЛЛЕНДЖЕР НЕОЖИДАННО ВСТРЕЧАЕТ НЕОБЫЧНОГО КОЛЛЕГУ
  - Глава XV В КОТОРОЙ ГОТОВИТСЯ КАПКАН НА КРУПНОГО ЗВЕРЯ
  - Глава XVI В КОТОРОЙ ЧЕЛЛЕНДЖЕР ИСПЫТЫВАЕТ САМОЕ СИЛЬНОЕ ПОТЯСЕНИЕ В ЖИЗНИ
  - Глава XVII В КОТОРОЙ ТУМАН ОКОНЧАТЕЛЬНО РАССЕИВАЕТСЯ
-

## **Глава I В КОТОРОЙ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ПРИСТУПАЮТ К РАБОТЕ**

Общеизвестно, что имя профессора Челленджера неоднократно использовалось в новейшей беллетристике самым бестактным образом. Дерзкий автор помещал его в немыслимые романтические ситуации, чтобы поглядеть, как тот к этому отнесется. Реакция последовала незамедлительно. Ученый привлек писателя за клевету, предпринял неудачную попытку конфисковать злополучную книгу, устроил погром на Слоун-стрит, дважды лично угрожал автору и в результате потерял место лектора в Лондонской школе субтропической гигиены. И, однако, можно сказать, что все обошлось еще достаточно мирно.

Дело в том, что за последнее время профессор как-то сник. Огромные плечи его ссутулились. В ассирийской окладистой бороде блеснула седина, взгляд утратил былую агрессивность, а голос хоть и раскатисто гремел по-прежнему, но теперь его хозяин не стремился уже заглушить всех вокруг. И все же профессор оставался опасным, и окружающие с тревогой понимали это. Вулкан не потух, а лишь затаился, о чем говорило постоянное угрюмое ворчание, грозившее новым извержением. Жизнь научила профессора многому, но он продолжал сопротивляться ее урокам.

Перемена произошла в нем после определенного события, а именно — после смерти любимой жены. Маленькая женщина, словно птичка, свила гнездышко в сердце этого великана. Он же, как это часто бывает с сильными людьми, относился с особенной нежностью и заботливостью к этому слабому созданию. Отдавая, она, как все кроткие и тактичные женщины, получала все. И потому, когда жена неожиданно умерла от осложнившегося пневмонией гриппа, ученый, казалось, был сражен навсегда. Но он все же поднялся, печально усмехаясь, как нокаутированный боксер, готовый к новым раундам с Судьбой. Однако это был уже другой человек, и, если бы не помощь и забота его дочери Энид, ученый, возможно, никогда не оправился бы от удара. Именно она, зная, чем можно заинтересовать страстную, склонную к соперничеству натуру отца, подсовывала ему разные факты и информацию и добилась, наконец, того, что он вновь включился в жизнь. Только когда отец опять почувствовал интерес к спорам, вспылал былой ненавистью к журналистам и начал

ворчать почему зря на окружающих, она успокоилась, поняв, что он на пути к выздоровлению.

Энид Челленджер была необыкновенной девушкой и, несомненно, заслужила того, чтобы ей посвятили несколько строк. От отца она унаследовала волосы цвета воронова крыла, а от матери — голубые глаза и белоснежную кожу. Она, пожалуй, не была красавицей, но, где бы она ни появлялась, все взгляды устремлялись к ней. Она казалась тише воды ниже травы, но дух ее был силен. С детства у нее был выбор: либо противопоставить себя отцу и стать личностью, либо уступить его напору и превратиться в марионетку. У нее хватило умения остаться собой, уступая отцу, когда на того накатывало, и проявляя твердость в более благополучные времена. В последние годы, чувствуя, что ей становится все труднее сохранять независимость, она начала работать. Пописывая в лондонские газеты, девушка настолько преуспела в журналистике, что ее имя стало известным на Флит-стрит. В этом предприятии ей очень помог давний друг отца, мистер Эдуард Мелоун из Дейли газетт., имя которого, возможно, уже знакомо читателю. В Мелоуне еще можно было узнать того атлета-ирландца, который в свое время успешно выступал в международном матче регбистов, хотя жизнь изрядно потрепала его. Он изменился с тех пор, как убрал с глаз долой бутсы. Но хотя мускулатура его заметно сдала, а суставы окостенели, мозг по-прежнему работал преотлично. Юноша превратился в мужчину. Внешне он мало переменялся, разве что усы стали погуще, округлилась талия, а лоб прорезали морщины — следы новых условий жизни в послевоенном мире. Он слыл уже известным журналистом и подающим надежды молодым писателем. Многим казалось странным, что Мелоун все еще оставался холостяком, но в последнее время появилась надежда, что Энид Челленджер исправит это упущение. Стоит ли добавлять, что они были большими друзьями?

Был воскресный октябрьский вечер; в нависшем еще с утра над Лондоном тумане поблескивали первые огоньки. Окна четвертого этажа квартиры профессора Челленджера на Викториа-Уэст-Гарденс плотно окутывала туманная мгла. Снизу доносился слабый шум проезжавшего транспорта, но сама улица оставалась невидимой — лишь неясный отблеск говорил о ее существовании. Профессор Челленджер сидел у камина, засунув руки в карманы и вытянув к огню крупные кривоватые ноги. Одет он был с небрежностью истинного гения: рубашка со свободным воротничком, темно-бордовый, завязанный большим узлом галстук и вельветовый пиджак черного цвета. Все вместе, включая окладистую бороду, создавало облик стареющего представителя богемы. Рядом, уже

готовая к выходу, сидела его дочь, на ней было черное платье с укороченной юбкой, круглая шляпка и прочие модные штучки, под которыми женщины умудряются скрывать ту красоту, которой их щедро одарила природа. У окна, держа в руках шляпу, стоял, поджидая ее, Мелоун.

— Энид, мне кажется, нам пора идти. Уже почти семь, — сказал он. Они писали совместно серию статей о лондонских церквях и религиозных сектах и потому каждое воскресенье отправлялись в новое место, готовя очередной материал для газеты.

— До восьми еще уйма времени, Нэд.

— Присаживайтесь, сэр! Присаживайтесь! — загудел Челленджер, пощипывая бороду — явный признак того, что у него портится настроение. — Ничто так не выводит меня из себя, как человек, стоящий у меня за спиной. Несомненный атавизм, страх, что тебя стукнут по голове дубиной или всадят кинжал в спину, но с этим чувством не справиться. Вот так. И ради всего святого, положите шляпу! А то у вас такой вид, будто вы опаздываете на поезд.

— Обычное состояние журналиста. Если мы не будем спешить, поезд уйдет без нас. Энид начала это понимать. Впрочем, в одном вы правы — времени у нас еще много.

— Вам далеко ехать? — спросил Челленджер.

Энид сверилась с записной книжкой.

— Мы уже побывали в семи местах. Прежде всего, в Вестминстерском аббатстве, на самой пышной службе; были также у Святой Агаты, в так называемой .высокой. церкви, и в Тюдоровской — .низкой. Посетили католиков в Вестминстерском соборе, пресвитериан — на Энделл-стрит и унитариев — на Глостер-сквер. Но сегодня нам захотелось чего-то необычного, и мы решили отправиться к спиритуалистам.

Челленджер свирепо фыркнул, как разъяренный бык.

— На следующей неделе вас, пожалуй, потянет в сумасшедший дом, — сказал он. — Не хотите ли вы сказать, Мелоун, что у этих безумцев есть своя церковь?

— Я специально занимался этим вопросом, — ответил Мелоун. — Моя обычная тактика — сначала изучить голые факты и цифры. В Великобритании у нас свыше четырехсот зарегистрированных церквей.

Челленджер расфыркался так, что, казалось, поблизости пасется целое стадо свирепых быков.

— Глупость людская поистине беспредельна! Homo sapiens! Homo idioticus! Кому они там молятся? Духам?

— Вот это нам и предстоит выяснить. Собственно, об этом и будет сама статья. Я разделяю ваше к ним отношение, а вот Аткинсон из больницы Святой Марии, с которым я недавно беседовал, думает иначе. А ведь он восходящая звезда хирургии.

— Слышал о нем. Кажется, специалист по цереброспинальной хирургии? — Совершенно точно. Очень уравновешенный и компетентный. Считается большим специалистом в психических исследованиях — к этой области знания относится и спиритуализм.

— Тоже мне область знания!

— Во всяком случае, так принято считать. Сам он относится к подобным вещам весьма серьезно. Я консультировался с ним, когда мне потребовалась нужная информация. Он знаком с их литературой. И знаете, что он мне сказал? Эти люди — пионеры человечества!

— В Бедламе им место, — прорычал Челленджер. — И при чем здесь литература? Какая еще там у них литература?

— Это особая статья. У Аткинсона по этому вопросу пятьсот томов, и он все же жаловался, что в его библиотеке многое отсутствует. Существует обширная спиритуалистическая литература на французском, немецком, итальянском языках, не считая нашего.

— Слава Богу, что психи водятся не только у нас. Ну и галиматья! — А ты читал что-нибудь, отец? — спросила Энид.

— Вот еще! У меня нет времени, чтобы удовлетворить хотя бы половину моих истинно научных интересов. Какой вздор ты несешь, Энид! — Прости, отец. Но ты был так убедителен... Я подумала, ты что-то знаешь.

Челленджер крутанул своей массивной головой и бросил на дочь испепеляющий взгляд.

— Человек, наделенный логическим умом и первоклассным интеллектом, сразу понимает, где истина, а где — вздор; ему не обязательно углубляться в существо вопроса. По-твоему, я должен досконально изучить математику, чтобы заявить об ошибке человека, доказывающего, что два и два — пять? Может, мне снова засесть за физику и уничтожить набор своих .Principia. из-за того, что какой-то мошенник или дурак утверждает, будто стол может подниматься в воздух, несмотря на существование закона тяготения? Неужели нужно изучить пятьсот томов, чтобы дорасти до уровня полицейского, который всегда разберется, кто перед ним — мошенник или честный человек? Энид, мне стыдно за тебя!

Дочь весело засмеялась.

— Папа, прекрати рычать на меня. Сдаюсь. По правде говоря, я тоже

так думаю.

— И все же их поддерживают весьма достойные люди, — произнес Мелоун. — Что вы скажете о Лодже, Круксе и прочих уважаемых гражданах? — Не стройте из себя дурака, Мелоун. И у великих есть слабые стороны. Своего рода оскомина на здравый смысл. Неожиданно впадаешь в идиотизм. Что и произошло с этими людьми. Нет, Энид, я не знаком с их доказательствами, да и не собираюсь знакомиться: существуют очевидные вещи. Если постоянно пересматривать всякое старье, когда же заниматься новыми проблемами? Все давно ясно, доказательствами здесь служат здравый смысл, английский закон и поддержка всех здравомыслящих европейцев.

— Понятно, — отозвалась Энид.

— Однако, — продолжал профессор, — готов признать, что иногда мы имеем дело с простительными заблуждениями.

Голос его зазвучал тише, а выразительные серые глаза печально уставились в пространство.

— Я знаю случаи, когда мощнейший интеллект — мой собственный, например, — на какое-то мгновение сдавал.

Мелоун почувствовал, что в словах профессора кроется нечто интересное.

— И что же, сэр?

Челленджер колебался. Он, казалось, боролся с собой. Ему было трудно говорить. Но, набравшись мужества, он, как бы откинув от себя сомнения, приступил к рассказу.

— Ты ничего не знаешь об этом, Энид. Это очень личное переживание. Впрочем, наверняка, чепуха. Потом я всякий раз заливался краской стыда, стоило мне только вспомнить, как я чуть было не поверил в этот бред. Даже самых закаленных людей можно заставить врасплох.

— Да, и что же, сэр?

— Все произошло после смерти моей жены. Вы ведь знали ее, Мелоун? И можете понять, каково мне пришлось тогда. Это случилось в ночь после кремации... Не могу вспоминать об этом без ужаса. Бесконечно дорогое крошечное тельце опускалось все ниже, потом его лизнули языки пламени, и дверца захлопнулась.

Беззвучные рыдания сотрясали крупное тело профессора, он прикрыл глаза большими волосатыми руками.

— Зачем я только рассказываю об этом? Ладно, так уж вышло. Пусть это послужит вам уроком. Так вот... Той ночью — после кремации — я сидел в холле. А она, — он указал на Энид, — спала рядышком. Прямо в



кресле, бедная малышка. Вы ведь бывали в нашем доме на Ротерфилд, Мелоун. Там был огромный холл. Я сидел у камина, комната утопала в полутьме, и мой разум тоже погрузился во тьму. Нужно было разбудить дочь и отправить ее в постель, но она так сладко спала, откинувшись в кресле, что я не решился ее беспокоить. Было, наверное, около часу ночи; помнится, луна светила сквозь мутное стекло. Я сидел и думал. А потом услышал... — Что, сэр?

— Звуки. Сначала тихие, вроде тиканья часов. Потом громче и отчетливее: тук-тук-тук. И тут случилась странная вещь — то, из чего доверчивые люди впоследствии создают легенды. Надо сказать, что у моей жены была особенная манера стучать в дверь. Своими маленькими пальчиками она как бы отбивала незатейливую мелодию. Она и меня приучила, и потому мы всегда знали о приходе друг друга. Так вот, мне почудилось — ведь я был тогда как помешанный, — что стуки обрели знакомый ритм. Я пытался выяснить, откуда они доносятся, но так и не сумел. Вы, конечно, можете себе представить, как я старался установить их источник. По моим догадкам, он находился где-то наверху. Я потерял представление о времени. Стук повторился не менее десятка раз.

— Отец, ты никогда не рассказывал об этом!

— Нет. Но я разбудил тебя. И попросил посидеть со мной тихо. — Вот это я помню.

— Мы сидели затаившись, как мышки, но больше ничего не повторилось. Все кончилось. Обычный обман чувств. Может, в дереве завелся жучок, или плющ шелестел снаружи... Ритм мог возникнуть и в моем воспаленном мозгу. Вот так человек впадает в детство и начинает валять дурака. Этот случай стал для меня уроком. Я понял, что чувства могут обмануть даже умнейшего из умнейших.

— Но как вы можете знать, сэр, с точностью, что это не была ваша жена?

— Чушь, Мелоун! Чушь! Я видел, как пламя охватило ее. Ну, что там могло остаться?

— Ее душа. Дух.

Челленджер тоскливо покачал головой.

— Дорогое мне тело распалось на составные элементы: газообразная его часть улетучилась, а твердые частицы выгорели и превратились в прах. Это был конец. Ничего не осталось. Со смертью все кончается, Мелоун. Разговоры о душе — это пережиток анимизма древних. Предрассудок. Миф. Скажу как физиолог: человека можно заставить совершать злодеяния или достичь высот добродетели путем манипуляций с сосудами мозга.

Гарантирую, что в результате операции я превращу Джекиля в Хайда. Другой добьется того же путем гипноза. Алкоголь тоже сойдет. Или сильнодействующие лекарственные препараты. Так что все это заблуждения, Мелоун! Выдумки! Другой жизни нет... ночь — вечная ночь... долгий отдых для усталого труженика. — Печальная философия.

— Лучше печальная, чем лживая.

## Глава II В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ВЕЧЕР В СТРАННОЙ КОМПАНИИ

Любовные дела Энид Челленджер и Эдуарда Мелоуна не должны волновать читателя хотя бы по той причине, что до них нет дела самому автору. Всем молодым людям свойственен инстинкт продолжения человеческого рода. Мы же в своем сочинении пытаемся рассказать о делах не столь банальных и представляющих большой интерес. Об их взаимной склонности мы упомянули лишь для того, чтобы была понятнее их доверительная близость и нежное товарищество. Если англо-кельтский мир и стал в чем-то лучше, так это прежде всего связано с тем, что отошли в прошлое хитрые уловки и ханжество, и теперь юноши и девушки могут беспрепятственно встречаться друг с другом и быть просто друзьями.

Проехав по Эджвер-роуд, такси с нашими искателями приключений свернуло на боковую улочку под названием Хелбек-Террас. Там, в унылой веренице кирпичных домов, ярко светилась одна арка. Такси подкатило прямо к ней, и водитель распахнул дверцу.

— Это и есть Церковь спиритуалистов, — сказал он. Кивком поблагодарив клиентов за щедрые чаевые, он прибавил простуженным голосом человека, добывающего себе пропитание в любую погоду. — Сплошное надувательство, сэр.

Успокоив таким образом свою совесть, он вновь уселся на водительское сидение, и минуту спустя красные огоньки фар уже растаяли в темноте. Мелоун от души рассмеялся.

— *Vox populi*, Энид. Вот вам отношение народа.

— Между прочим, и наше тоже.

— Но мы своей статьей поневоле сделаем им рекламу. Не думаю, чтобы наш водитель одобрил это. Клянусь Юпитером, мы можем не протолкнуться внутрь.

У входа в церковь теснилось множество людей, а человек, стоящий на верхних ступенях, убедительно просил собравшихся разойтись. — Ничего не выйдет, друзья. Сожалею, но ничем не могу помочь. Полиция и так уже грозилась привлечь нас к ответственности за скученность в помещении. — Он позволил себе пошутить: — Никогда не слышал, чтобы у ортодоксальной церкви были такие проблемы. Вот уж нет. — Я приехала из самого Хаммерсмита, — раздался чей-то плачущий голос. Свет упал на

измученное, полное страдания лицо невысокой женщины в черном с ребенком на руках. Она-то и произнесла эти слова.

— Вы к ясновидице? — отозвался привратник с пониманием. — Советую оставить свой адрес, и я сообщу, когда миссис Деббс сможет вас принять. Все лучше, чем мучиться в сутолоке, не зная, дойдет ли до вас очередь. А так она займется лично вами. Не толкайтесь, сэр, это не поможет... А вы кто такие?.. Журналисты?.. — он схватил Мелоуна за локоть. — Вы сказали журналисты? Но ведь пресса нас бойкотирует? Если не верите, раскройте субботний номер Таймс. на той странице, где публикуются расписания церковных служб. О нас ни словечка. А из какой вы газеты? Дейли газетт? Ого, наши акции растут. А ваша дама тоже оттуда?.. Специальная статья? Вот это да! Идите за мной, сэр, и держитесь поближе. Постараюсь что-нибудь для вас сделать. Запирай, Джо! Успокойтесь, друзья, и расходитесь. Ничего не поделаешь! Вот, глядишь, выстроим помещение побольше, тогда милости просим... Сюда, мисс.

Они опять спустились на улицу, обошли здание и приблизились к маленькой дверце, над которой горел красный фонарь.

— Я хочу вывести вас сразу на помост — в зале совсем нет места. — Силы небесные! — воскликнула Энид.

— Там вам будет лучше видно, мисс, а если повезет, медиум скажет вам несколько слов. У тех, кто сидит ближе, всегда больше шансов. Входите, сэр!

Они оказались в небольшой неопрятной комнате с грязно-белыми стенами, сплошь увешанными шляпами и накидками. Сухощавая, сурового вида женщина в очках, из-под которых поблескивали живые глаза, грела над огнем худые руки. Рядом в традиционно английской позе — спиной к огню — стоял грузный человек с бледным лицом, рыжими усами и пытливыми светло-голубыми глазами. Здесь же находились маленький лысоватый мужчина в огромных роговых очках и очень красивый, атлетического сложения молодой человек в синем костюме. — Все уже расселись на помосте, мистер Пибл. Осталось только пять мест для нас. — Эти слова произнес толстяк.

— Знаю, знаю, — отозвался привратник. Он выступил из темноты, и тогда стало видно, какой он нервный и высохший, весь, казалось, состоит из одних жил. — Это журналисты из Дейли газетт, мистер Болсоувер. Они пишут о нас статью. Их имена Мелоун и Челленджер. Познакомьтесь — мистер Болсоувер, наш председатель. А это знаменитая ясновидица, миссис Деббс из Ливерпуля. Рядом с ней мистер Джеймс, а высокий молодой джентльмен — мистер Гарди Вильямс, наш энергичный секретарь. Мистер

Вильямс собирает деньги для нашего строительного фонда. Если мистер Вильямс рядом, не спускайте глаз с карманов.

Все рассмеялись.

— Сбор денег проходит в конце службы, — произнес мистер Вильямс, улыбаясь.

— Лучшим вкладом будет доброжелательная статья, — сказал тучный председатель. — Вы бывали у нас прежде?

— Нет, — ответил Мелоун.

— Выходит, практически ничего о нас не знаете?

— Можно сказать так.

— Значит, зададите нам перцу. Все видят сначала комическую сторону. Думаю, и вы состряпаете что-нибудь презабавное. Я, правда, не понимаю, что такого смешного в общении, скажем, с духом покойной жены, но это уж вопрос вкуса и знаний. Если предмет тебе неизвестен, то о какой серьезности может идти речь? Я не виню этих людей. Мы сами когда-то были такими. Я, например, работал у Бредлоу, и моим непосредственным руководителем был Джозеф Маккейб, и так продолжалось до тех пор, пока мой покойный старик отец не вытащил меня оттуда.

— И правильно сделал, — отозвалась ясновидица из Ливерпуля. — Тогда я впервые почувствовал свои силы. Видел отца, как вас сейчас. — Он был во плоти?

— Точно ничего сказать не могу. Но когда работает сильный медиум, результаты бывают очень впечатляющими.

— Пора! — объявил мистер Пибл, захлопывая крышку часов. — Вы сядете на правый стул, миссис Деббс. Проходите, пожалуйста, первой. За ней вы, господин председатель. Потом вы двое и я. Вы, мистер Вильямс, сядете слева и будете запевать. Зал надо подогреть, а вы это умеете. Итак, прошу! Помост был тоже переполнен, но им удалось пробиться вперед под приветственный дружелюбный рокот. Мистер Пибл протиснулся вбок, кому-то что-то шепнул, и для Энид с Мелоуном нашлись два стула у стены. Укромный уголок вполне устраивал молодых людей: здесь они могли незаметно для окружающих делать записи.

— Что ты думаешь обо всем этом? — прошептала Энид.

— Пока не вдохновляет.

— Меня тоже, — заметила Энид. — Но все равно любопытно. Когда люди относятся к чему-то с увлечением, они всегда интересны, согласны вы с ними или нет, а увлеченность этих людей сразу бросалась в глаза. Зал был набит до отказа, лица присутствующих обратились к помосту, большинство — женских, но мужских тоже достаточно. Все они имели

между собой какое-то неуловимое сходство, оно крылось не в особом отпечатке изысканности или интеллекта, а в безусловной открытости, честности и здравом смысле. Тренированный глаз Мелоуна сразу выделил из толпы мелких торговцев, администраторов магазинов, крепких ремесленников, женщин, измученных повседневными заботами, и немногочисленных молодых людей, пришедших сюда любопытства ради.

Тучный председатель встал и поднял руку.

— Друзья мои, — начал он, — сегодня, в который раз, не все желающие смогли попасть в этот зал. Нам нужно новое помещение, большее. Вопросами строительства у нас ведаёт мистер Вильямс, он же и собирает деньги на эту благородную цель. На прошлой неделе я был в одной гостинице и увидел у конторы объявление: Чеки не принимаются. Этим слов наш мистер Вильямс никогда не произнесет. Попробуйте — и сами убедитесь.

В публике раздался дружный смех.

Да, обстановка здесь совсем не напоминала церковную и была ближе скорее к атмосфере лекционного зала.

— В заключение хочу сказать вам ещё одну вещь. Я не собираюсь сегодня выступать и просижу весь вечер слушателем вот на этом стуле. Только попрошу об одном одолжении. Убедительная просьба ко всем спиритуалистам: не приходите на воскресные вечерние бдения. Мы ждём вас утром, а вечером пусть уж приходят обычные люди со своими вопросами. Пусть вливаются новые силы. Вам истина уже открылась. Возблагодарите за это Господа. И дайте шанс другим. — Председатель опустил на своё место.

Тут на ноги вскочил мистер Пибл. Он, очевидно, был здесь главным распорядителем — такой стихийно возникает в каждом кружке и потихоньку все прибирает к рукам. Худое лицо его восторженно светилось, будто через него пропустили проводок накаливания, или, скорее, целый пучок проводов. Меж его пальцами, казалось, пробегали электрические разряды. — Гимн первый! — взвизгнул он.

Тут вступила фисгармония, и зал поднялся. Мелодичный гимн звучал мощно и стройно:

Мир почувствовал дыханье,

Что доносится с небес,

И восстали души разом,

И надежды луч воскрес!

Особенно проникновенно звучал рефрен:

Мы славим Тебя, Всевышний,

Пустой оказалась могила,  
Радости нашей нет границ,  
О, смерть, ты отступила!

Да, эти люди были искренними. И не походили на умственно отсталых. И все же, глядя на них, Энид и Мелоун испытывали жалость. Грустно, когда тебя обманывают в деле столь личном, когда мошенники играют на самых святых струнах твоей души, используя в нечистых целях любовь к почившим дорогим тебе людям. Что знали эти несчастные о доказательственном праве, о холодной непогрешимости научных законов? Бедные, честные, обманутые люди! — Внимание! — вновь взвизгнул мистер Пибл. — Попросим мистера Манро из Австралии прочитать молитву.

С места поднялся безумного вида старик с взлохмаченной бородашкой и огненным взором. Некоторое время он стоял потупившись, а затем приступил к молитве — незамысловатой импровизации. Мелоуну удалось записать начало: — Отче, прости невежество наше, не ведаем, как надо обращаться к Тебе, но, поверь, делаем это от чистого сердца.

Дальнейшие слова вполне соответствовали зачину. Энид и Мелоун обменялись одобрителем взглядом.

Аудитория исполнила еще один гимн, менее удачный, чем предыдущий, а затем председатель объявил, что сейчас мистер Джеймс Джонс из Северного Уэльса впадет перед ними в транс и передаст послание от своего духа-покровителя, Алаша из Атлантиды.

Мистер Джеймс Джонс — проворный, решительного вида коротышка — выступил вперед и, постояв несколько минут в глубокой задумчивости, вдруг задрожал всем телом и начал вещать. Ничто не говорило о том, что оратором был кто-то, помимо мистера Джонса из Северного Уэльса, разве что его остановившийся, бессмысленный взгляд. Надо сказать, что если поначалу дрожал только мистер Джонс, то пришел черед содрогнуться и всем остальным. Дух из Атлантиды оказался непроходимым тупицей. Он изрекал такие явные глупости, нес такой откровенный вздор, что Мелоун, не удержавшись, прошептал Энид, что если умственное развитие Алаша соответствовало стандарту того времени, то можно только приветствовать гибель Атлантиды. Наконец, еще раз впечатляюще задрожав всем телом, Джонс закончил вещание, и тогда со своего места, не скрывая нетерпения, поднялся председатель. — Сегодня среди нас находится известная ясновидица из Ливерпуля, миссис Деббс. Как многие из вас знают, она щедро наделена экстрасенсорными свойствами, о которых говорил еще Св. Павел, в том числе способностью видеть духов. И хотя в этой области

действуют законы, над которыми мы не властны, дружественная атмосфера очень важна, и потому миссис Деббс надеется на ваше доброе отношение и молитвы, которые помогут ей вступить в контакт с потусторонними астральными существами. Возможно, и мы сможем поприветствовать их в этом зале.

Председатель сел, и тут же под сдержанные аплодисменты поднялась миссис Деббс. Она стояла перед замершим в ожидании залом — высокая, бледная, с тонким хищным лицом, глаза ее остро поблескивали из-под очков в золотой оправе. Затем миссис Деббс склонила голову, как бы к чему-то прислушиваясь.

— Вибрация! — воскликнула она наконец. — Мне нужна подходящая вибрация. Исполните гимн на фисгармонии, пожалуйста.

Раздались звуки гимна О, Иисус, возлюбленный души моей! Аудитория замерла в благоговейном восторге. Зал был плохо освещен, темнота скрадывала углы. Ясновидица стояла, по-прежнему наклонившись вперед и продолжая прислушиваться. Но вот она вскинула голову, и музыка оборвалась.

— Сейчас! Сейчас! Всеу свое время, — проговорила она, обращаясь к невидимому собеседнику. Собравшимся же сказала: — Сегодня не очень подходящие условия для сеанса. Но я постараюсь, и они — тоже. А вначале я скажу вам несколько слов.

Она заговорила. Все, сказанное ею, произвело на двух новичков впечатление полной бессмыслицы. Это была абсолютно бессодержательная болтовня, хотя отдельные фразы поражали своей оригинальностью. Мелоун положил ручку в карман. Зачем записывать слова безумной женщины? Сидящий рядом спиритуалист, заметив такое презрительное отношение, наклонился к нему.

— Она настраивается. Ищет волну, — шепнул он. — Здесь многое зависит от нужной вибрации. Вот, кажется, нашла.

Женщина замолчала посредине фразы и, выбросив вперед длинную руку, указала дрожащим пальцем на полную женщину во втором ряду. — Вы! Дама с красным пером! Нет, не вы! Полная женщина впереди вас. Да, вы! За вашей спиной вырос дух. Это мужчина. Довольно рослый, около шести футов. Высокий лоб, серые, а может, голубые глаза, удлинённый подбородок, каштановые усы, лицо в морщинах. Вы узнаете его? Полная женщина выглядела очень взволнованной, но отрицательно покачала головой.

— Постараюсь вам помочь. У него в руках книга в коричневом переплете с застежкой. Похожа на гротеск. Я вижу надпись Каледонская



страховая компания. Это вам о чем-то говорит?

Полная женщина плотно сжала губы и вновь покачала головой. — Могу еще кое-что добавить. Перед смертью он долго болел, у него была астма.

Дородная женщина оставалась непреклонной, но тут на ноги вскочила небольшого роста, покрасневшая от гнева особа, сидевшая через два стула.

— Это мой муж, мэм. Скажите ему, что я не хочу иметь с ним никакого дела. — После столь решительного высказывания она вновь села на свое место.

— Вы правы. Он движется в вашу сторону. Хотя раньше был ближе к той даме. Он просит простить его. Нехорошо испытывать недобрые чувства к покойнику. Забудьте и простите. Все прошло. Он просит передать вам следующее: Сделай, о чем я тебя просил, и я буду вечно благословлять тебя. Вам это что-нибудь говорит?

Сердитая женщина удовлетворенно кивнула.

— Хорошо. — Неожиданно ясновидица метнула пальцем в толпу, сгрудившуюся у дверей. — Теперь послание солдату.

Стоявший в первых рядах солдат в форме цвета хаки изумленно таращил глаза.

— Какое еще послание?

— От военного. На нем нашивки капрала. Грузный седой мужчина. На воротнике желтые петлицы. Различаю инициалы — Д. Х. Вы его знаете? — Знаю. Но он умер, — ответил солдат.

Он не понимал, куда попал, и значение происходящего было от него полностью скрыто. Соседи торопливо объяснили ему, что могли. — Бог мой! — вскричал солдат и поспешил скрыться под дружный смех. В наступившей паузе Мелон услышал, как медиум тихо бормочет, обращаясь к невидимым собеседникам.

— Не торопитесь! Дождитесь своей очереди! Говорите вы, женщина! Встаньте рядом с ним. Ну, как я могу его иначе узнать? Если бы я могла... Миссис Деббс в эту минуту напоминала билетера в театре, указывающего, кому куда идти.

Ее следующая попытка потерпела неудачу. Солидный мужчина с густыми бакенбардами наотрез отказался от родства с неким пожилым джентльменом. Медиум с удивительным терпением сообщала все новые дополнительные сведения, но так ничего и не добилась.

— Вы спиритуалист?

— Да, уже десять лет.

— Значит, вы знаете, что иногда возникают трудности. — Знаю.

— Напрягитесь. Может, вспомните. А пока оставим все как есть. Мне жаль вашего друга.

Наступила пауза, во время которой Энид и Мелоун успели обменяться впечатлениями.

— Что ты об этом думаешь, Энид?

— Даже не знаю. Совершенно растерялась.

— Думаю, здесь присутствует элемент интуиции в сочетании с полученной на стороне информацией. Не забывай, все эти люди ходят в одну церковь и многое знают друг о друге. А чего не знают, то с легкостью разведывают. — Но, по их словам, миссис Деббс здесь впервые.

— Ее могли проинструктировать. Отлично инсценированный спектакль. А что еще? Только подумай!

— Может, телепатия?

— Частично, может, и так. Послушай! Она опять заговорила. Новая попытка оказалась более успешной. Сидящий в глубине зала мужчина в трауре моментально узнал по описанию и манере выразиться свою жену.

— Она зовет какого-то Уолтера.

— Это я.

— Она называла вас Уот?

— Никогда.

— Теперь называет. Шлю свою любовь Уоту и детям. Я слышу именно эти слова. Она очень беспокоится о детях.

— Она всегда была такой.

— Они там не меняются. Говорит что-то о мебели. Вы ее продали. Это правда?

— Пришлось.

В зале захихикали. Всегда и везде комическое соседствует с трагическим. Как это странно и вместе с тем естественно и трогательно! — Она передает вам следующее: Тот человек расплатится с тобой, и все будет хорошо. Оставайся таким же добрым, Уот, и мы будем здесь еще счастливее, чем на земле.

Мужчина закрыл лицо руками. Видя, что медиум замерла в нерешительности, не зная, кем теперь заняться, рослый молодой секретарь, слегка приподнявшись со своего места, прошептал ей несколько слов. Она искоса, через левое плечо, посмотрела на журналистов и ответила: — Подумаю.

Она несколько туманно описала облик еще двух посланцев иного мира, узанных родственниками с некоторым сомнением. Странно, что

медиум упоминала такие приметы их внешности, которые явно нельзя было разглядеть на столь большом расстоянии. Так, говоря о существе, возникшем в дальнем углу зала, она могла назвать цвет глаз или незначительные особенности наружности. Посчитав это самым уязвимым местом сеанса, Мелоун решил использовать досадный недочет в своих целях. Журналист как раз набрасывал в блокноте свои впечатления, когда голос женщины зазвучал громче, и он, подняв голову, увидел, что сверкавшие из-под очков глаза обратились в его сторону.

— Я обычно работаю только с залом и редко заглядываю на помост, — сказала миссис Деббс, и голос ее гулко отозвался в помещении, — но сегодня к нам пришли новые люди, которым наверняка будет интересно вступить в контакт с духами. Я вижу одного из них за креслом усатого джентльмена, того, что сидит рядом с молодой леди. Да, сэр, именно за вами. Это мужчина, ниже среднего роста, довольно пожилой, думаю, за шестьдесят. Седая шевелюра, нос горбинкой, небольшая козлиная бородка. Как я догадываюсь, он вам не родственник, а скорее друг. Это вам что-нибудь говорит?

Мелоун презрительно покачал головой.

— Чушь! Полная чушь! — пробормотал он.

— Он очень взволнован, ему нужно помочь. Держит в руках книгу, это научная книга. Раскрывает ее, там какие-то чертежи. Возможно, он сам написал ее или учил по ней. Кивает. Значит, учил. Он был преподавателем. Мелоун сидел невозмутимо, всем своим видом показывая, что этот человек ему неизвестен.

— Не знаю, чем могу еще помочь? Может, вот это? У него родинка над правой бровью.

Мелоун вздрогнул как ужаленный.

— Одна родинка? — воскликнул он.

Очки вновь сверкнули.

— Две. Одна большая, другая поменьше.

— Боже! — проговорил, задыхаясь, Мелоун. — Это профессор Саммерли. — Правильно. Он просит передать привет старому... Длинное имя, начинается с буквы Ч.. Трудно разобрать. Вам что-нибудь ясно? — Да.

Через минуту миссис Деббс, повернувшись в другую сторону, уже описывала нового пришельца. Но на помосте позади себя она оставила потрясенного услышанным человека.

В это время сеанс неожиданно для всех, в том числе и для обоих гостей, был прерван. На помост поднялся и встал рядом с председателем высокий бледный бородач, одетый как преуспевающий ремесленник.

Призывая к тишине, он уверенно поднял руку жестом человека, привыкшего владеть вниманием аудитории. Обернувшись, он что-то тихо сказал Болсоуверу. — Перед вами мистер Миромар из Дэлстона, — объявил председатель. — У него для вас сообщение. Мы всегда рады мистеру Миромару. Журналисты могли видеть оратора только в профиль, и все же обоим поразило достоинство, с которым он держался, они залюбовались крупной, благородной формы головой, говорившей о необычайно развитом интеллекте. Когда мужчина заговорил, его голос приятно зазвучал под сводами зала. — Я должен передать вам послание из другого мира. Мне поручено произносить его всюду, где найдутся уши, которые слышат. Сюда я пришел, зная, что встречу здесь понимающих людей. Пославшие меня хотят, чтобы человечество осознало свое истинное положение: тогда его не ждут шок и паника. Я один из тех, кто должен донести это послание до людей. — Боюсь, он псих, — прошептал Мелоун, быстро строча в лежащем на коленях блокноте. Публика в зале, похоже, тоже отнеслась к словам нового оратора несерьезно, некоторые улыбались.

И все же в голосе и манерах мужчины было нечто такое, что заставляло к нему прислушиваться.

— Мы приближаемся к драматической развязке. Идея прогресса была с самого начала материалистической. Все сводилось к тому, чтобы быстрее ездить, быстрее связываться друг с другом, создавать все новые машины. Истинная цель отошла в тень. Однако существует только один подлинный прогресс — духовный. Человечество на словах — за него, а на деле идет совсем другой, ложной дорогой материального успеха.

Верховный Разум осознал, что наряду с повальным равнодушием есть некоторые, кто искренне заблуждаются; веру таких людей следовало оживить, подкрепив новыми свидетельствами. Эти свидетельства не замедлили последовать, и тогда стало очевидно, что жизнь после смерти столь же непреложна, как движение солнца по небу. Однако эти доказательства Божьего промысла были высмеяны учеными, осуждены церковниками, оклеветаны газетчиками и благополучно забыты. Это стало последней и величайшей ошибкой человечества.

Зал заинтересованно слушал. Глубокомысленные измышления утомили бы людей, но здесь все было на редкость доходчиво. По залу прокатился одобрителный гул, послышались аплодисменты.

— Положение казалось безнадежным. Ситуация полностью вышла из-под контроля. Человечество с презрением отбросило помощь небес, и теперь нельзя было избежать страшного урока. И беда разразилась. Десять миллионов молодых людей полегли на поле брани. Вдвое больше остались

изувеченными. Таково было первое Божье предупреждение заблудшим людям. Но и его не услышали. В обществе по-прежнему царил жалкий материализм. Теперь отсрочка, данная человечеству, близится к концу, а перемен нигде не видно, за исключением таких мест, как эта церковь. Народы погрязли в грехе, а грех всегда приходится рано или поздно искупать. Россия стала выгребной ямой. Германия так и не раскаялась в страшном грехе материализма, который стал главной причиной войны. Испания и Италия скатились — одна в пучину атеизма, другая — предрассудков. У Франции нет религиозного идеала. Англия потеряла ориентацию и погрузилась в хаос, в ней расплодились нелепые, оторванные от жизни секты. Америка не сумела реализовать свои превосходные возможности и вместо того, чтобы стать любящей сестрой сокрушенной и израненной Европе, занялась собственным экономическим благоустройством; она отреклась от подписи своего президента и отказалась присоединиться к Лиге Наций — единственной надежде человечества. Все погрязли в грехе, некоторые больше других, и всем без исключения воздастся по делам их. Кара настигнет грешников скоро. Меня просили передать вам слово в слово следующее послание. Я зачитаю его, так как боюсь упустить что-нибудь важное.

Он вынул из кармана лист бумаги и прочел:

— Наша цель не в запугивании людей, мы только хотим, чтобы они одумались и обратились к духовным ценностям. Не страх стремимся мы пробудить в вас, а желание действовать, пока еще есть время. Так дальше продолжаться не может. Если все останется как есть — мир погибнет. Надо разогнать темное облако теологии, заслонившее от человечества Бога. Он сложил бумагу и убрал в карман.

— Вот что я должен был передать вам. А вы расскажите об этом всем, у кого еще не омертвела душа. Взывайте к ним: Покайтесь! Исправьтесь! Время не ждет!

Он умолк и собрался было уходить. Чары разрушились. Слушатели заерзали на своих местах. Из глубины зала послышался голос: — Это конец света, мистер?

— Нет, — резко ответил незнакомец.

— Второе пришествие? — спросил другой.

— Да.

Легко и быстро пройдя меж креслами на помосте, он остановился у двери. Когда Мелоун взглянул попозже в ту сторону, незнакомца уже не было. — Это, видимо, один из фанатиков второго пришествия, — прошептал он Энид. — Таких сект много — христородеффианцы, расселиты,

Библейские ученики. и прочие. Но он выглядит внушительно.

— Очень, — отозвалась Энид.

— Полагаю, что выражу общее мнение, если скажу, что выступление нашего друга было очень интересным, — сказал председатель. — Мистер Миромар сочувствует нашему делу, хотя нельзя сказать, что разделяет наши взгляды полностью. Мы всегда рады видеть и слышать его здесь. Что касается его пророчеств, то, на мой взгляд, человечество уже и так хлебнуло достаточно горя. Да и что можем мы сделать в том случае, если наш друг окажется прав и нас ждут большие испытания? Только стараться выполнять как можно лучше наши повседневные обязанности и жить, твердо надеясь на помощь свыше. Пусть Судный день наступит хоть завтра, — прибавил он, улыбаясь, — сегодня я все равно должен торговать в своем магазинчике в Хаммерсмите. А теперь продолжим наше собрание.

Выступил молодой секретарь, он рассказал о создании строительного фонда и призывал вносить деньги:

— Позор, что так много людей остались сегодня на улице. Мы все здесь исполняем свои обязанности бескорыстно и не берем за это ни пенни. Миссис Деббс тоже приехала сюда за свои деньги. Мы не можем начать строительные работы до тех пор, пока у нас не будет еще одной тысячи фунтов. Среди нас нашелся один, кто заложил свой дом, чтобы помочь нашему делу. Вот это сила духа! А теперь прошу, кто сколько может...

По залу пустили с дюжину тарелок, звон монет сопровождался пением гимна. Энид и Мелун тем временем тихо беседовали.

— Ты ведь знаешь, что профессор Саммерли умер в прошлом году в Неаполе.

— Да. Я очень хорошо помню.

— А .старый Ч. — это, конечно, твой отец.

— Поразительно.

— Бедняга Саммерли. Он не верил в загробную жизнь, а тут объявился сам... во всяком случае, похоже на то.

Тарелки вернулись — по большей части с мелочью. Их водрузили на стол, где опытный глаз секретаря пытался определить, сколько денег все-таки собрали. Затем взлохмаченный старик из Австралии прочитал благодарственную молитву в той же простой бесхитростной манере, что и прежде. И не требовались ни передача апостольской благодати, ни возложение рук, чтобы понять, что слова этого человека идут прямо из сердца и угодны Богу. Затем зал поднялся и, стоя, исполнил заключительный гимн — с западающей в память мелодией и печальным нежным рефреном: Храни нас, Боже, до следующей встречи. Энид с

удивлением заметила, что у нее по щекам заструились слезы. Эта простая церемония, на которой присутствовали душевно здоровые и серьезные люди, произвела на нее большее впечатление, чем пышные богослужения и однообразная музыка в величественных соборах. Толстяка Болсоувера они нашли в холле, там же была и миссис Деббс. — Думаю, вы нас разделаете под орех, — смеялся председатель. — Но мы к этому привыкли, мистер Мелоун. И не в обиде. Но увидите, все изменится. Нас еще оценят.

— Обещаю, что напишу честно.

— Большого и не требуется.

Ясновидица стояла, привалившись к камину, отрешенная и суровая. — Вы, наверное, очень устали, — пожалела ее Энид.

— Совсем нет, юная леди. Никогда не устаю, когда работаю с духами. Они поддерживают меня.

— Разрешите поинтересоваться, — вступил в разговор Мелоун, — знали ли вы профессора Саммерли?

Медиум покачала головой.

— Нет, сэр. Все думают, что я их знаю. Но я никого не знаю. Они просто приходят, и я их описываю.

— А послания, которые они просят передать?

— Я слышу их. Все время слышу. Бедняги хотят, чтобы о них рассказывали, чтобы их заметили. Сами лезут ко мне на помост, дергают за рукава, тянут в разные стороны. Они терзают меня. Я следующий... нет, я... я! Вот что я постоянно слышу. Стараюсь изо всех сил, но все равно не успеваю представить каждого.

— А что вы скажете о пророке? — поинтересовался Мелоун у председателя.

Мистер Болсоувер неодобрительно пожал плечами.

— Он конгрегационалист. Носится по стране, иногда заглядывает к нам. Помнится, именно он предсказал начало войны. Что касается меня, то я человек практический. Зла и сейчас хватает. Нам его отмерили полной мерой, не знаю, осталось ли про запас? Ну, пора расходиться. Спокойной ночи! Постарайтесь написать о нас получше.

— Спокойной ночи, — отозвалась миссис Деббс. — Кстати, девушка, вы сами медиум. Спокойной ночи!

Они вышли на улицу и с удовольствием вдохнули свежий вечерний воздух. После духоты переполненного зала он казался особенно бодрящим. Вскоре они уже были на шумной Эджвер-роуд, где Мелоун остановил кэб и попросил отвезти их на Виктория-гарденс.

## Глава III В КОТОРОЙ ПРОФЕССОР ЧЕЛЛЕНДЖЕР ВЫСКАЗЫВАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ

Мелоун уже садился вслед за Энид в кэб, когда его окликнули. По улице бежал высокий мужчина средних лет. Он был хорошо одет, тщательно выбрит и держался достаточно самоуверенно, как и подобает преуспевающему хирургу. — Привет, Мелоун! Подожди!

— Аткинсон! Энид, позволь представить тебе профессора Аткинсона из госпиталя Св. Марии, о котором я рассказывал твоему отцу. Подбросить вас? Мы едем на Виктория-гарденс.

— Отлично! — Хирург последовал за ними в кэб. — Очень удивился, увидев вас на собрании спиритуалистов.

— Мы были там по делу. Ведь мы с мисс Челленджер — журналисты. — Как же, помню. Все в Дейли газетт? Считайте, что получили еще одного подписчика, — интересно будет узнать, что вы насочиняете о сегодняшнем вечере.

— Придется подождать следующего воскресенья. Материал идет в определенную рубрику.

— Нет, столько ждать не могу. Хочу знать сейчас же.

— Все не так просто. Завтра я внимательно перечитаю свои записи, обдумаю их, сопоставлю с наблюдениями коллеги. У нее очень развита интуиция — важнейшая вещь, когда дело касается религии. — Ну и что же говорит вам интуиция, мисс Челленджер? — Больше положительного. И все же — что за причудливая смесь! — Вы попали в самую точку. Был там несколько раз и всегда уходил полный противоречивых чувств. Не обходится без разных нелепостей, допускаю, что возможен и просто обман, но есть там и нечто поистине чудесное.

— Но вы-то не журналист? Зачем вам туда ходить?

— Интересно. Видите ли, я уже несколько лет изучаю спиритизм. Не могу считать себя его убежденным сторонником, но к числу сочувствующих принадлежу, и у меня хватает ума задавать себе вопрос: может, не только я изучаю это явление, а его субъекты, существа с той стороны, тоже изучают меня.

Мелоун понимающе кивнул.

— Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его



постигать. В нем десятки разных, достойных изучения областей. И всем занимаются только вот эти честные, нищие духом люди, которые, несмотря на все преследования и потери, несут этот груз уже более семидесяти лет. Они напоминают первохристиан. Ведь христианство вначале распространялось среди рабов и низших слоев населения. К господину свет пришел на триста лет позже, чем к его рабу.

— А тот проповедник? — запротестовала Энид.

— Вы говорите о нашем друге из Атлантиды? Жуткий зануда! Не знаю, что и думать об этом. Полагаю, самообман или временное высвобождение дремавшей ранее части личности. Единственное, в чем я убежден: все эти банальности не имеют ни малейшего отношения к жителю Атлантиды. Не стоило отправляться в столь долгое путешествие, чтобы нести такой вздор. А вот мы и приехали! — Я дал обещание отцу этой девушки доставить ее домой в полной сохранности, — сказал Мелоун. — А почему бы вам, Аткинсон, не подняться с нами? Профессор будет рад с вами познакомиться.

— Уже поздно. Он спустит меня с лестницы.

— Вижу, вам наболтали об отце всякой чепухи. На самом деле все не так. Некоторые люди его действительно раздражают, но вы к их числу не относитесь. Может, рискнете?

— После ваших слов — конечно.

И все трое направились по ярко освещенному коридору к лифту. Челленджер, в роскошном голубом халате, с нетерпением ожидал их. Он смерил Аткинсона взглядом боевого бульдога, увидевшего другую собаку. Однако беглый осмотр, видимо, умиротворил его, и профессор прорычал, что рад знакомству.

— Слышал ваше имя, сэр, и знаю о вашей блестящей карьере. Ваша резекция позвоночника в прошлом году заставила меня поволноваться. Неужели вы тоже ходили к этим лунатикам?

— Если вам угодно так их называть... — засмеялся Аткинсон. — А как еще прикажете? Помнится, мой молодой друг (Челленджер иногда величал Мелоуна так, словно тот был подающим надежды школяром) говорил, что вы изучаете этот феномен. — Он оглушительно расхохотался, не скрывая своего презрения. — Изучая человечество, начнем с духов, так, что ли, мистер Аткинсон?

— Не обижайтесь на отца, он ничего в этом не понимает, — вмешалась Энид. — Уверяю, папочка, тебе было бы интересно. — И она представила ему подробный отчет об их приключениях, который профессор то и дело прерывал недовольным ворчанием, хмыканьем и язвительными

замечаниями. Когда же Энид дошла до эпизода с профессором Саммерли, Челленджер взорвался, не скрывая больше своего возмущения. Старый вулкан заклокотал, и слушателей оглушил огненный поток отборной брани.

— Гнусные негодяи! — рычал он. — Даже в могиле нет покоя бедняге Саммерли. У нас с ним возникали расхождения, я был, сознаюсь, не очень высокого мнения о его интеллекте, но поверьте, если бы он действительно восстал из мертвых, то сказал бы что-нибудь повразумительнее. Все это галиматья, неприличная и злая выходка! Это возмутительно — моего друга выставляют на посмешище перед кучкой невежд! Ах, никто не смеялся? Как можно не смеяться, слыша, что образованный человек, с которым даже я общался на равных, несет такую чушь? Нет, чушь! Не спорьте, Мелоун! Я этого не потерплю. Его слова напоминают приписку в письме школьницы-малолетки. Ну, разве можно нести такой бред, находясь в другом измерении? Вы со мной согласны, мистер Аткинсон? Нет? Я думал о вас лучше. — А подробное описание его внешности?

— Боже праведный, что у вас с головой? Разве вы не помните, что наши с профессором имена соседствовали в одной слабенькой беллетристической книжонке, которая почему-то понравилась публике? И думаете, никто не знает, что два молодых идиота болтаются по разным церквям уже несколько недель подряд? Совершенно ясно, что раньше или позже вы должны были забрести и к спиритуалистам. Прекрасный шанс заполучить себе сторонничков. Приманка заброшена, и простодушный Мелоун клюнул на нее! Крючок и сейчас торчит в его глупом языке. Что, Мелоун, правда глаза колет? Но все равно ее надо говорить. — Черные как смоль волосы профессора встали дыбом, глаза метали искры, перебегая с одного участника беседы на другого. — Но нужно выслушать и другую сторону, — сказал Аткинсон. — Свою точку зрения, сэр, вы выразили блестяще. Позволю себе процитировать Теккерея, сказавшего своему оппоненту: Я понимаю вас. Но если бы вы знали то, что знаю я, вы изменили бы свое мнение. Может, и вы, профессор, найдете время получше ознакомиться с предметом; это было бы замечательно: ваше мнение необычайно ценится в научном мире.

— Потому что я занимаюсь полезными делами, а не всякой чепухой. Мой разум, сэр, не виляет и не петляет, он идет прямым путем. Здесь же очевидный обман и мошенничество.

— Думаю, не без этого, — сказал Аткинсон. — Но все же... все же... Послушайте, Мелоун, уже поздно, а ехать далеко. Простите, профессор. Для меня было большой честью познакомиться с вами.

Мелоун тоже откланялся. На улице друзья остановились немного

поболтать, прежде чем разойтись в разные стороны: Аткинсон жил на Уимпл-стрит, а Мелоун в Саут-Норвуд.

— Великолепный старик, — одобрительно сказал Мелоун. — На него нельзя обижаться. В сущности, он никому не желает зла. Потрясающий человек. — Согласен. Но именно такая нетерпимость может заставить меня стать убежденным спиритуалистом. Обычно она принимает форму издевки, реже — громоподобного разноса. Мне больше импонирует последнее. Кстати, Мелоун, хотите помочь вам получше разобраться во всем этом. Вы слышали о Линдене? — Профессиональный медиум? Говорят, величайший мошенник в мире. — Слышал такие отзывы. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Прошлой зимой я вправил ему коленную чашечку, и у нас завязались дружеские отношения. Его трудно заполучить, и билет будет стоить не меньше гинеи, но, если хотите, я постараюсь организовать сеанс. — Лично вы ему верите?

Аткинсон пожал плечами.

— Ну, что тут скажешь! Во всяком случае, за руку я его не поймал. Разбирайтесь сами.

— Я готов, — сказал Мелоун. — Меня это забрало. Да и материал может получиться отличный. Решено: немного разберусь с делами и дам вам знать, Аткинсон. Надо ковать железо, пока горячо.

## Глава IV В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЮТСЯ СТРАННЫЕ ЗАНЯТИЯ В ХАММЕРСМИТЕ

Появившаяся в печати статья за подписью Соавторы. вызвала всеобщий интерес и споры. Ее сопровождало краткое редакционное примечание, которое вполне отражало сомнения рядового читателя и как бы говорило: О таких явлениях следует писать, и они могут кому-то показаться правдоподобными, но мы-то знаем, что это ерунда.

Мелоун получил множество писем, как за, так и против: факт, говоривший, что этот вопрос занимал многих. Предыдущие публикации не вызвали такого всплеска эмоций: ну, рывкнула парочка узколобых католиков или непримиримых евангелистов — теперь же его почтовый ящик ломился от писем. Большинство авторов высмеивало саму мысль о существовании духов, часть из них была от писателей, которые не то что о спиритизме, а даже о правильной орфографии имели весьма смутные понятия. Самим спиритуалистам тоже не все в статье понравилось: Мелоун как журналист не смог отказать себе в удовольствии посмаковать смешные стороны собрания, хотя ничего и не приврал.

Однажды утром на неделе, последовавшей за публикацией, в крошечном рабочем кабинете Мелоуна появился внушительных объемов человек. О его приходе Мелоуна известил курьер редакции, положив на край стола визитную карточку, гласившую: Джеймс Болсоувер, торговец, Хай-стрит, Хаммерсмит. Это был не кто иной, как радушный председатель последнего воскресного собрания. Он укоризненно грозил пальцем, глядя на Мелоуна, но его добродушное лицо расплывалось в улыбке.

— Вот видите, — сказал он, — все вышло, как я предупреждал: вас тоже потянуло на фарс.

— Вы полагаете, что я искажил картину?

— Нет. На мой взгляд, вы с молодой леди сделали все, что смогли. Просто как новичков вас многое озадачивает. Но, если подумать, разве удивительно, что умные люди, покинувшие этот мир, изыскивают способы установить с нами контакт?

— Они иногда говорят такие глупости!

— Умиряют всякие, а не только те, что семи пядей во лбу. На том свете не умнеют. Кроме того, как знать, какие слова нужнее всего? Вчера миссис

Деббс принимала одного священника. У него умерла дочь, и отец прямо помешался от горя. Миссис Деббс передала ему, что дочь счастлива и была бы еще счастливей, если бы не его страдания. Меня это не убеждает, — покачал головой священник. — Такое всякий скажет. Нет, это не моя дочь. И вдруг та попросила его: Умоляю, не надевай воротничок католического священника вместе с цветной рубашкой. Это она, — сказал он и расплакался. — Дочь всегда отчитывала меня за эти воротнички. Жизнь состоит из мелочей, мистер Мелоун, обычных, незначительных, но дорогих нам мелочей. Мелоун недоверчиво покачал головой:

— Каждый может заметить несоответствие между обычной рубашкой и деталью одежды священника.

Мистер Болсоувер рассмеялся:

— Вы крепкий орешек. Говорю не в осуждение — сам таким был. Однако я по делу. Вы человек занятой, я — тоже, поэтому перейдем сразу к главному. Во-первых, всем разумным спиритуалистам понравилась ваша статья. Мистер Алджернон Мейли написал мне, что она принесет несомненную пользу. А если уж он так думает, то нам и Бог велел.

— Мейли? Тот, что адвокат?

— Я бы скорее назвал его религиозным реформатором. Таким он останется в истории.

— А во-вторых?

— Если хотите, мы могли бы познакомить вас с нашим делом подробнее. Вас и молодую леди. Не для рекламы, упаси Бог, а для вашей же пользы, хотя и реклама не помешает. Мы проводим сеансы телекинеза у меня дома без профессионального медиума, и если хотите...

— Очень хочу.

— Тогда приходите оба. У нас практически не бывает людей со стороны. Никаких наблюдателей. Не хотим, чтобы нас сбивали с толку, оскорбляли подозрениями и расставляли ловушки. Всем этим злопыхателям кажется, что у других людей нет нервов. Но вам в здравом смысле не откажешь. А ничего другого и не требуется.

— А то, что я не разделяю вашей веры? Это не помешает? — Ни в малейшей степени. Будьте только доброжелательны и ни во что не вмешивайтесь. Духи не любят агрессивных людей — так же, как и мы, грешные. С ними надо держаться ровно и дружелюбно, как в хорошем обществе. — Обещаю.

— Они, бывает, ведут себя весьма странно, — сказал мистер Болсоувер, — и шутки с ними могут закончиться очень плохо. Духам не дозволено вредить людям, но не забывайте, что нам, людям, свойственно

делать как раз недозволенное, и духи в этом отношении весьма походят на людей. Вы, может быть, еще не забыли, как на одном из сеансов у братьев Давенпорт корреспонденту из Таймс. бубном отрезало голову. Все это, разумеется, прискорбно, но это было, и тут уж ничего не поделаешь. Однако ничего подобного духи не позволяли себе в отношении друзей. Известен и другой назидательный случай. На спиритический сеанс явился ростовщик. Одна из его жертв, доведенных им когда-то до самоубийства, вселилась в медиума, и тот схватил ростовщика за горло, так что он едва не расстался с жизнью. Но мне пора, мистер Мелоун. Сеансы у нас проводятся раз в неделю — уже четыре года как и без единого перерыва. По вторникам, в восемь вечера. Заранее дайте нам знать о своем приходе, и я пришлю мистера Мейли проводить вас. Он может лучше чем я ответить на все ваши вопросы. Итак, до вторника! Всего доброго, — и мистер Болсоувер, ступая, как слон, вышел из комнаты. Пережитой опыт произвел на Мелоуна и Энид гораздо большее впечатление, чем они в этом признавались, но, будучи разумными людьми, они сошлись на том, что надо сначала попытаться объяснить феномен с научной точки зрения, а уж потом допускать вмешательство сверхъестественных сил. Оба преклонялись перед могучим интеллектом Челленджера и испытали на себе сильное влияние его идей. Однако Мелоун в одном из споров все же сказал, что мнение умного человека, ничего не знающего о спиритизме, значит для него меньше, чем мнение рядового человека средних способностей, присутствовавшего на сеансе.

Обычно споры разгорались между Мелоуном и Мервином, редактором газеты Доун, публиковавшей материалы об оккультизме — от тайных знаний розенкрейцеров до удивительных открытий ученых, изучавших пирамиды, или тех, кто доказывал семитское происхождение светловолосых англосаксов. Энергичный коротышка Мервин обладал необычайно острым умом и мог бы достичь на своем поприще головокружительной карьеры, не сделай он своим кумиром истину. Мервин с удовольствием делился с Мелоуном обширными познаниями, найдя в последнем благодарного слушателя, и потому официантам из Литературного клуба стоило немалого труда заставить их покинуть угловой столик, за которым они обычно обедали. Поглядывая из окна на длинную изогнутую линию набережной и на величественную реку с множеством мостов, эти двое неспешно пили кофе и покуривали, обсуждая со всех сторон удивительное явление, открывшее Мелоуну глаза на многое, о чем он ранее не задумывался.

На этот раз слова Мервина вызвали у журналиста сильное

раздражение, можно сказать, даже приступ гнева, ибо приятель вздумал давать ему советы. Мелоун отличался ирландским упрямством, и предостережения Мервина показались ему оскорбительным посягательством на его свободу. — Итак, вы собираетесь присутствовать на домашних сеансах Болсоувера? О них много говорят, хотя мало кому удалось их посетить. Вы, надо признать, удостоились особой чести. Явный знак расположения. — Болсоувер считает, что я объективно описал собрание. — Ваша статья — не блеск, но на фоне той скучищи и бессмыслицы, которыми пестрят газеты, она выделяется: в ней есть такт и чувство меры. Мелоун пренебрежительно отмахнулся.

— Сеансы, подобные тем, что проводит Болсоувер, нельзя отнести к высокому спиритизму. Я бы сравнил их с грубым фундаментом, несомненно необходимым — на нем зиждется здание, — но, поселившись в доме, о нем тут же забывают. Интереснее иметь дело с более тонкими надстройками. Конечно, если доверять жаждающей сенсации желтой прессе, то вершиной сверхъестественного будут именно физические проявления, вроде призраков или домов с привидениями. Физические проявления, ясно, нельзя игнорировать; они даже приносят пользу, привлекая внимание исследователей и побуждая идти в познании дальше. Но лично я, увидев их однажды, не сдвинулся с места, чтобы взглянуть еще раз. А вот чтобы вступить в контакт с более высокими сферами, обойду полсвета.

— Понимаю вас и тоже вижу разницу. Но я-то не верю ни в физические, ни в психические проявления так называемых сверхъестественных сил. — Знаю. Кстати, Святой Павел был величайшим экстрасенсом. Он говорит об этом настолько откровенно, что даже безграмотные переводчики не сумели скрыть истинного значения его слов, хотя весьма преуспели в иносказаниях. — Вы не могли бы процитировать его слова?

— Я неплохо знаю Новый Завет, но не наизусть. Это там, где он говорит, что дар человеческого языка присущ всем непосвященным, но дар ангельского, духовного языка дается лишь избранным. Говоря другими словами, опытный спиритуалист не станет интересоваться объектами чувственного восприятия.

— Посмотрю это место.

— Найдете его в Послании к Коринфянам. У религиозного братства того времени был, видимо, высокий уровень интеллекта, если послания Павла зачитывались на службах и должным образом воспринимались. — Разве это не общепризнано?

— И послания Павла — один из конкретных примеров. Однако я

уклонился в сторону. Мой совет — не относитесь к кружку Болсоувера слишком серьезно. Это честные люди, но мелко плавают. Постоянные поиски физических подтверждений существования сверхъестественных сил похожи на болезнь. Мне знакомы такие люди, в большинстве своем женщины, которые бегают с сеанса на сеанс и всюду видят одно и то же — иногда это подлинное чудо, а иногда и обман. Разве станешь после таких сеансов лучше? Они ничего не дают душе. Нет, если уж стоишь на первой ступеньке, не теряй времени зря, сделай усилие и поднимайся выше.

— Понимаю вас. Но я-то стою на твердой почве.

— Твердой! — вскричал Мервин. — Боже, какая наивность! Однако мне пора ехать в типографию — сегодня вечером выходит моя газета. У нас небольшой тираж — всего десять тысяч, не то что у вас, плутократов утренней прессы, и я практически один делаю номер.

— Но вы хотели меня от чего-то предостеречь?

— Да, действительно, — худое энергичное лицо Мервина посерьезнело. — Если у вас есть твердые религиозные убеждения или укоренившиеся предрассудки, из-за которых вы можете, изучив феномен, разнести его в пух и прах, не лезьте в это дело вовсе — опасно.

— Что вы имеете в виду?

— Они терпимы к честным сомнениям, непредвзятой критике, но если им вредят, они становятся опасны.

— Кто это они?

— Кто? Не знаю, как их назвать. Духи, психические сущности или астральные существа. Как хотите. Неважно, кто они — великодушные или злые, несут возмездие или воздают за добро. Главное — они существуют. — Что за чушь, Мервин!

— Не будьте так самоуверенны, Мелоун.

— Ерунда! Вновь оживилась средневековая чертовщина. Как может такой разумный человек, как вы, верить в эту галиматью!

Мервин улыбнулся своей неподражаемой улыбкой, но глаза его, пытливо смотревшие из-под густых светлых бровей, оставались серьезными. — Не исключено, что вы измените свое мнение. Этот феномен обладает весьма странными свойствами. Хочу как друг предостеречь вас. — Я весь внимание.

Ободренный словами журналиста, Мервин приступил к рассказу. Он знал нескольких людей, которые легкомысленно отнеслись к потусторонним силам, вели двойную игру и серьезно поплатились за это. Среди них были судьи, которые выносили несправедливые приговоры, основываясь на предвзятом мнении; журналисты, писавшие, сенсации



ради, лживые материалы, бросавшие тень на спиритическое движение; или их коллеги, бравшие интервью у медиумов с заведомой целью их высмеять, просто любопытствующие, которые при первом знакомстве с явлением пугались и отшатывались, осудив его, хотя в глубине души понимали, что столкнулись с чем-то серьезным. — Уверяю вас, — отвечив Мелоун, — подобным образом можно объяснить любой трагический случай. Предположим, мистер Джонс назвал Рафаэля мазилой и вскоре после этого умер от грудной жабы. Следовательно, критиковать Рафаэля опасно? Если следовать вашей логике... — Думайте, как хотите.

— А вот другой пример. Возьмем Моргейта. Он материалист и, значит, убежденный противник спиритизма. Но он преуспевает, вот и профессорское звание недавно получил.

— Честный враг — совсем другое дело. Никому не запрещается иметь другие убеждения.

— А что вы скажете о Моргане, который разоблачил нескольких медиумов? — Они были мошенниками, и он только сослужил добрую службу движению. — А Фальконер? Он смешал спиритизм с грязью.

— Ах, Фальконер! А знаете ли вы что-нибудь о его частной жизни? Нет? Уверяю вас, он получил по заслугам. И не знает за что. Но когда-нибудь эти джентльмены, сопоставив факты, возможно, что-то поймут. Правда, будет уже поздно.

И Мервин рассказал страшную историю о человеке, употребившем свой незаурядный талант на то, чтобы пригвоздить спиритизм к позорному столбу, хотя и не сомневался в честности исповедующих его людей. Он поступил так из корыстных соображений. Конец этой истории был настолько страшен, что Мелоун взорвался.

— Прекратите, Мервин, — выкрикнул он с негодованием. — Я напишу то, что думаю, — меня ничем не собьешь. И не пытайтесь запугать, ни вы, ни ваши духи — никто не заставит меня изменить свое мнение. — Никто вас и не заставлял...

— А как прикажете вас понимать? То, что вы говорите — суеверие чистой воды. Будь это правдой, вас всех надо было бы привлечь к суду. — Привлекали, и не раз. Но мы здесь ни при чем. Однако, Мелоун, я только предупредил, а там — дело ваше. Поступайте, как считаете нужным. Всего доброго! Всегда можете застать меня в Доуне. Звоните. Существует один безошибочный прием, позволяющий со стопроцентной точностью выяснить, есть ли в интересующем вас человеке ирландская кровь. Поставьте его перед вращающейся дверью, с одной стороны которой написано к себе, а с другой — от себя. Англичанин — существо разумное

— поступит, как ему подсказывают. Ирландец же, в котором чувство независимости всегда берет верх над здравым смыслом, обязательно сделает наоборот. То же самое случилось и с Мелоуном. Предостережение, сделанное Мервином из самых лучших побуждений, пробудило в журналисте дух противоречия. Поэтому, когда он заехал за Энид, чтобы вместе с ней отправиться на сеанс к Болсоуверу, зародившаяся было в нем симпатия к спиритуалистам заметно поубавилась. Провожая молодых людей, Челленджер весь изошелся в насмешках, его лицо приняло выражение, появлявшееся у него в особенно озорном настроении — борода торчала вперед, глаза были полузакрыты, а брови топорщились. — Дорогая Энид, обязательно прихвати с собой сумочку: попадется приличный экземпляр эктоплазмы, не забудь про отца. У меня всегда наготове микроскоп, химические реактивы и все остальное. А вдруг повезет, и ты сумеешь прихватить с собой небольшое привидение. Буду рад любому пустячку. Громовой хохот профессора сопровождал парочку до самого лифта. То, что мистер Болсоувер называл магазинчиком, оказалось старомодной бакалейной лавкой, расположенной в многолюдном районе Хаммерсмита. Башенные часы ближайшей церквушки как раз пробили три четверти, когда такси подъехало к лавке. В ней еще толпился народ, и потому Энид и Мелоун не вошли внутрь, а стали прогуливаться взад-вперед по улице. Тут подкатило другое такси, из которого выбрался крупный мужчина в твидовом костюме с неровно подстриженной бородой. Взглянув на часы, он тоже стал мерить шагами тротуар. Заметив молодых людей, подошел к ним.

— Позвольте узнать, не вы ли тот журналист, что собрался посетить наш сеанс... Ага, я так и подумал. Вы мудро поступили, не войдя в лавку: похоже, у старины Болсоувера выдался тяжелый денек. Пошли ему сил Господь, он стоит того.

— А вы, полагаю, мистер Алджернон Мейли?

— Да. Я тот джентльмен, чья доверчивость вызывает сильное беспокойство у некоторых моих друзей, о чем они частенько мне говорят. — После этих слов он оглушительно расхохотался, и смех его был так заразителен, что молодые люди присоединились к нему. Беспокойство за мистера Мейли действительно казалось смешным, учитывая его атлетическое, несмотря на некоторую рыхлость, сложение, а также могучий бас и мужественное, хотя и несколько простоватое лицо.

— Наши противники клеймят нас как могут, — сказал он. — Интересно, как поступите вы.

— Не станем притворяться, — произнесла Энид. — Пока мы не ваши

единомышленники.

— Ничего. Здесь требуется время. Но дело стоит того. Я и сам не сразу уверовал. Нельзя осуждать людей за их сомнения, зато за огульное отрицание — можно. Теперь я, как видите, стою горой за спиритизм, потому что знаю — в нем истина. Между верой и знанием — большая разница. Читая лекции, я никогда не стремлюсь сразу убедить слушателей. Не верю в стремительные обращения: они поверхностны и неубедительны. Я пытаюсь только предельно ясно рассказать о сути дела. При этом говорю обо всем правдиво, особо останавливаясь на том, почему мы считаем, что тут кроется истина. На этом моя миссия заканчивается. Люди могут принять мое сообщение к сведению или сразу отвергнуть. Мудрее всего поступит тот, кто будет сам исследовать указанные мною тропы. Никогда не давлю на слушателей и не вербую сторонников. В конце концов это их дело, а не мое.

— Разумно, — отозвалась Энид, которую подкупила искренность нового знакомого. Теперь они стояли у ярко освещенной витрины лавки Болсоувера и могли хорошо рассмотреть друг друга. У мистера Мейли оказался высокий лоб, внимательные серые глаза, взгляд задумчивый и пытливый, за рыжеватой бородкой угадывался волевой подбородок. Основательный человек, ничего не скажешь, и совсем не похож на фанатика. Не таким представляла его себе девушка. В последнее время имя Мейли, упорно отстаивавшего свои убеждения, частенько мелькало в газетах, и, услышав его, отец всякий раз презрительно фыркал.

— Интересно, — обратилась Энид к Мелуону, — что случилось бы, окажись мистер Мейли в запертой комнате один на один с отцом?

Мелуон засмеялся:

— Похоже на школьный вопрос: что будет, если всепокрушающая сила натолкнется на неодолимое препятствие?

— Вы дочь профессора Челленджера? — любопытствовал Мейли. — Он знаменитость в научном мире. Как далеко могла бы шагнуть наука, осознай она свою ограниченность!

— Не понимаю вас.

— Наш материализм питается научными достижениями. Наука создает нам комфортабельное существование — то, что нам, в сущности, не очень-то и нужно. В остальных отношениях она вообще стала сущим проклятием, создавая ложное впечатление, что способствует прогрессу. На самом же деле мы непрерывно откатываемся назад.

— Позволю себе не согласиться, мистер Мейли, — вступил в разговор Мелуон, не в силах более терпеть категоричность его суждений. — А

телеграф? Радиосигналы SOS, спасшие множество жизней? Разве они не благодеяние для человечества?

— Не спорю, случаются и удачи. Сам не могу обойтись без настольной лампы, а ведь она тоже продукт научного прогресса. Как я уже говорил, наука принесла нам комфорт и относительную безопасность. — В таком случае, зачем заниматься ее уничтожением?

— Он скрывает от нас истинные ценности и самую цель жизни. Ведь не для того же нас поместили на эту планету, чтобы мы мчались на машинах со скоростью пятьдесят миль в час, перелетали через Атлантический океан и переговаривались между собой по телеграфу или радио? Все это не главное в жизни и место ему на периферии нашего сознания. Ученые же нарочито концентрируют внимание людей на этих материальных победах, заставляя нас забыть нашу основную задачу.

— Не совсем понимаю вас.

— Согласитесь, что цель путешествия важнее скорости. Точно так же важен не способ, каким вы передаете сообщение, а его содержание. Так называемый прогресс может в любой момент обернуться страшным бедствием, ибо мы забыли, что единственно возможный прогресс — преуспевать в том, для чего Бог послал нас в этот мир.

— А для чего?

— Подготовиться к будущей жизни. Нужно постоянно тренировать разум и дух, ведь то и другое находится у нас в полном запустении. С годами мы должны становиться лучше, добрее, великодушнее, отзывчивее, терпимее. Земля — это своеобразная фабрика душ, но сейчас она выпускает брак. Однако что это я? — он снова залился своим заразительным смехом. — Кажется, начинаю читать лекции прямо на улице. Вот она, привычка. Как утверждает мой сын, нужно только нажать третью пуговицу на моем жилете, и я тут же начинаю вещать. Но вот идет ваш избавитель, старина Болсоувер. Почтенный лавочник, заметив их через окно, поторопился выйти навстречу, на ходу развязывая фартук.

— Добрый вечер! Прошу заходить — нечего стоять на холоде. Да и время подошло. Не стоит заставлять ждать. Мой девиз, да и наших гостей тоже — точность во всем. Мои помощники закроют лавку. Пожалуйста сюда, только не споткнитесь о мешки с сахаром.

Они пробрались между ящиками с сухофруктами, головками сыра и, протиснувшись наконец между двумя огромными бочками — причем особенно трудно пришлось тучному бакалейщику, — оказались перед дверью, ведущей в жилую часть дома. Поднявшись по узкой лестнице, Болсоувер отворил еще одну дверь, и они вошли в просторную комнату, где

уже собралось несколько человек, сидевших вокруг стола.

Среди них была и миссис Болсоувер — такая же дородная, жизнерадостная и добродушная, как и ее муж. Три их дочери были очень похожи на своих симпатичных родителей. Там же сидела пожилая дама, видимо, родственница хозяев и еще две довольно невзрачные женщины, которых представили как спиритуалисток и добрых соседей. Единственный мужчина — седовласый крепыш приятной наружности, с насмешливыми живыми глазами — сидел в углу за фисгармонией.

— Мистер Смайли, наш музыкант, — представил его Болсоувер. — Не знаю, что бы мы без него делали. Вы ведь слышали про необходимость предварительного настроя. Мистер Мейли может многое об этом рассказать. Дорогие дамы, нет нужды представлять вам мистера Мейли, нашего доброго друга. А это мисс Челленджер и мистер Мелоун, журналисты. Семейство Болсоувер просияло навстречу вошедшим радостными улыбками. Но тут, окинув их суровым взглядом, поднялась пожилая дама. — Добро пожаловать, молодые люди, — отчеканила она. — Вам здесь рады и рассчитывают на ответное уважение. Но знайте — мы глубоко чтим тех, кто снисходит к нам с сияющих высот, и не хотим, чтобы над ними глумились. — Уверяю вас, мы здесь с самыми честными намерениями. — Мы уже научены горьким опытом. Этот случай с Мэдоу — вы помните, мистер Болсоувер? — никак не забудется.

— Успокойтесь, миссис Селдон. Больше такого не повторится. Нас всех потрясла эта история, — обратился мистер Болсоувер к гостям. — Мэдоу пришел сюда как гость и, когда выключили свет, стал тыкать пальцем в соседей. Те же, ничего не подозревая, решили, что это действия потусторонних сил. Позже он издевался над ними в газете, хотя единственным мошенником был он сам.

Мелоуна шокировал этот рассказ:

— Уверяю вас, мы на такое не способны.

Пожилая дама опустила на стул, продолжая бросать подозрительные взгляды на нашу парочку. Болсоувер засуетился, подготавливая все необходимое.

— Проходите сюда, мистер Мейли. Вы, мистер Мелоун, садитесь между моей женой и дочерью. А вам куда угодно, молодая леди? Энид вся напряглась от волнения:

— Я хотела бы сесть рядом с мистером Мелоуном.

Болсоувер хмыкнул и подмигнул жене:

— Конечно, мы понимаем.

Все расселись по местам. Мистер Болсоувер выключил электрический

свет, оставив гореть одну свечу в центре стола. Вот сцена, достойная кисти Рембрандта, — отметил про себя Мелоун. Все утонуло во мраке; желтый мерцающий свет тускло освещал только лица сидевших у стола — мужественную, грубоватую физиономию Болсоувера и всего его добропорядочного семейства; умное лицо миссис Селдон; внимательные глаза и рыжую бородку Мейли; усталые, потертые лица женщин из Спиритуалистического общества и, наконец, тонкий благородный профиль сидевшей рядом девушки. Казалось, весь необъятный мир вдруг сузился до размеров этого кружка, всецело сосредоточенного на одной цели.

На столе лежали разные предметы, изношенность которых говорила о долгой и верной службе. Среди них были издававшие звуки рупор, бубен, музыкальная шкатулка и всякие прочие мелочи.

— Никогда не знаешь, что понадобится, — сказал Болсоувер, указывая на них. — Если нужная вещь будет отсутствовать, Уи Ван просто с ума сойдет... Здесь такое может начаться!

— Она с характером, — подтвердила миссис Болсоувер.

— А что ты хочешь, дорогая? — сказала суровая дама. — К скольким ей вот так приходится приходить! Я частенько задаю себе вопрос, почему она вообще к нам является?

— Уи Ван — наш гид, маленькая девочка, — объяснил Болсоувер. — Вы услышите ее голос.

— Надеюсь, она сумеет прийти, — сказала Энид.

— Она ни разу не подводила, кроме того случая, когда этот негодяй Мэдоу отодвинул рупор, и тот оказался вне круга.

— А кто у вас медиум? — спросил Мелоун.

— Сами не знаем. Все стараются понемногу. Думаю, и я помогаю. И, конечно, женушка.

— Мы работаем на семейном подряде, — вступила та в разговор, и все рассмеялись.

— Разве не всегда бывает один, главный, медиум?

— Обычно, но не всегда, — раздался уверенный бас мистера Мейли. — Это доказал Кроуфорд на сеансах у Голлера, когда, взвесив участников до и после сеанса, установил, что каждый потерял за это время от полуфунта до двух, а медиум, мисс Кэтлин, примерно десять или двенадцать. Здесь же мы имеем дело с регулярными сеансами... Сколько вы уже этим занимаетесь, мистер Болсоувер?

— Полных четыре года.

— За это время каждый участник успевает развить в себе достаточную медиумическую силу, и поэтому все выкладываются равномерно, а не

черпают силу только из одного источника.

— Простите, что черпают?

— Животный магнетизм, эктоплазму — словом, энергию. Это, пожалуй, самое подходящее слово. Христос тоже употреблял его. Много энергии потерял я. По-гречески это звучит дина-мис, что переводчики неправильно переводят как сила. Мы узнали бы много интересного, если бы Новый Завет перевел человек, не только хорошо знающий греческий, но и преуспевший в изучении оккультных наук. Кое-что в этом направлении сделал добрейший Эллис Пауэлл. Его смерть была большой потерей для человечества.

— Да уж, — почтительно поддакнул Болсоувер. — И еще, мистер Мелоун, хочу обратить ваше внимание на следующие вещи. Видите белые пятна на рупоре и бубне? Это фосфоресцирующая краска, она наносится на предметы, чтобы легче следить в темноте за их передвижениями. А это наш обеденный стол из прочного английского дуба. Можете осмотреть его. Хотя то, что вы увидите, никак от стола не зависит. А теперь, мистер Смайли, тушим свет, а вас попросим сыграть Утес вечности.

В темноте раздалась музыка, и собравшиеся запели. Их пение отличалось мелодичностью, у девушек был отменный слух и приятные голоса. Гимн звучал торжественно и величаво, трогая до глубины души, и вскоре смысл слов как бы отступил, оставив одну только музыку.

Руки певцов, согласно правилам, лежали на столе, запрещалось также скрещивать ноги. Мелоун, слегка касаясь руки Энид, ощущал, как она дрожит, — нервы девушки напряглись до предела. Болсоувер своим добродушным голосом разрядил обстановку.

— Все в порядке, — сказал он. — Сегодня отличные условия. В воздухе уже ощущается холодок. Призываю вас помолиться вместе со мной. Простая, идущая от сердца молитва торжественно зазвучала в темноте — почти полной, если не считать слабого блеска догорающей свечи. — Отец наш небесный, — раздалось во тьме. — Непостижимый для нас и Вездесущий, сделай так, чтобы Зло не коснулось нас сегодня вечером, и мы вступили в связь, пусть только на время, с теми, кто пребывает на более высокой ступени бытия. Ведь Ты — отец всем нам. Позволь на краткий миг пережить радость братского общения и узнать больше о вечной жизни, ожидающей нас. Это поможет Твоим детям прожить достойно отпущенное им время в этом бренном мире.

В заключение Болсоувер вместе с остальными членами кружка прочитал Отче наш. Затем воцарилось выжидательное молчание. Снаружи доносился уличный шум, иногда скрип автомобильных тормозов.

В комнате же никто не нарушал тишины. Энид и Мелоун, держась настороже, напряженно вглядывались в темноту.

— Ничего не поделаешь, — произнес наконец Болсоувер. — Это требовательная публика. Нужно еще музыки. С ее помощью они настраиваются на нужную волну. Сыграйте нам еще, мистер Смайли.

Фисгармония вступила вновь. Музыка еще не смолкла, когда одна из женщин вскрикнула:

— Довольно! Тише! Они здесь!

Все замерли, но ничего не произошло.

— Вот! Вот! Я ощущаю присутствие Уи Ван. Она в комнате. Поверьте мне. Вновь тишина, и наконец вот оно, чудо, — впрочем, чудо только для гостей, для постоянных членов кружка — вполне рядовое событие. — Добрый вечер! — зазвенел нежный голосок. Раздались ответные приветствия, дружелюбный смех. Все заговорили разом: Добрый вечер, Уи Ван! — Вот и ты! — Я знала, что ты придешь! — Умница, девочка! — Желаю всем доброго вечера! — повторил голосок. — Уи Ван рада видеть Папочку, и Мамочку, и всех остальных. О, какой великан с бородой! Мейли! Мистер Мейли, я ведь уже видела вас. Мейли — великан, а я малышка. Рада вас видеть, мистер Великан!

Энид и Мелоун сидели как громом пораженные. Но общение между невидимым существом и остальными членами кружка проходило так непринужденно, что напряжение быстро спало. Голосок был очень высокий и тонкий — такой фальцет взрослому не доступен. Нежный голос девочки. Да, именно так. Но среди присутствующих не было никакой девочки, разве только она пробралась в комнату, когда потушили свет? Что ж, возможно. Однако голос шел из центра стола. Как ребенок попал туда?

— Успокойтесь, мистер, — проговорил голосок, как бы отвечая на мысли Мелоуна. — Папочка сильный. Он поднял Уи Ван и поставил на стол. А вот сейчас я покажу вам такое, чего Папочке не сделать.

— Смотрите, рупор поднялся в воздух, — вскричал Болсоувер. Фосфоресцирующее пятно бесшумно взмыло вверх. Теперь оно покачивалось над головами людей.

— Поднимись выше и постучи по потолку, — попросил Болсоувер. Пятно послушно поплыло выше, и все услышали металлическое постукивание. Затем снова послышался голосок:

— Какой умный Папочка! Взял удочку и забросил рупор к потолку. Но как ему удастся говорить таким голосом? Что вы думаете, молодая леди? А это вам подарок от Уи Ван.

Что-то мягкое упало на колени Энид. Девушка ощупала подарок. —



Это цветок — хризантема. Спасибо, Уи Ван.

— Дар небес? — спросил Мейли.

— Нет, мистер Мейли. Она стояла в вазе на фисгармонии. Поговорите с нашей девочкой, мисс Челленджер. Связь не должна прерваться. — Кто ты, Уи Ван? — спросила Энид, не сводя глаз со светящегося пятна над своей головой.

— Маленькая темнокожая девочка. Мне восемь лет.

— Что ты говоришь, милочка? — вмешалась мать семейства, урезонивая девочку своим глубоким грудным голосом. — Тебе было восемь, когда мы познакомились, а ведь с тех пор прошло много лет.

— Это для вас много. Для меня — миг. Пока я работаю на вас, мне всегда будет восемь лет. Когда же кончу, сразу вырасту. У нас здесь другое время. Мне все время восемь лет.

— Обычно они взрослеют точно так же, как мы на земле, — сказал Мейли. — Но если им поручают работу, которую должен исполнять непременно ребенок, они не взрослеют до ее завершения. Что-то вроде задержанного развития. — Вот-вот. Именно задержанного развития, — гордо подтвердил голосок. — Этот великан всегда учит маленькую девочку изысканным английским выражениям.

Все засмеялись. Общение было удивительно легким и искренним. Мелоун расслышал шепот Энид.

— Ущипните меня, Эдуард, а то мне кажется, что я сплю. — Меня тоже нужно ущипнуть.

— А песенку ты споешь, Уи Ван? — спросил Болсоувер.

— А то как же! Уи Ван споет для вас. — Она начала петь какую-то простенькую песенку, но вдруг, слабо пискнув, замолкла, тут же раздался стук упавшего на стол рупора.

— Ушла энергия, — констатировал Мейли. — Думаю, пение поможет. Смайли, сыграйте Дивный Свет, укажи нам путь!

Вновь зазвучало чарующее пение. Оно еще не прекратилось, как чудеса возобновились, но опять только для гостей, для всех остальных это было, видимо, делом привычным.

Хотя светящееся пятно свидетельствовало, что рупор по-прежнему лежит на столе, два голоса, мужской и женский, подхватили мелодию. Последние звуки смолкли, и в комнате вновь воцарилось напряженное, молчаливое ожидание.

Его прервал низкий мужской голос. Говорил образованный англичанин: ни его интонацию, ни саму манеру выразиться Болсоувер никогда бы не смог воспроизвести.

— Добрый вечер, друзья. Сегодня неплохая энергия.

— Добрый вечер, Люк! Добрый вечер! — послышалось со всех сторон. — Это наш покровитель, — объяснил Болсоувер. — Высокий дух из шестой сферы. Советы его всегда поучительны.

— Вам я, может быть, и кажусь высоким, но бесконечно мал для направляющих меня! Не своей мудростью делюсь я с вами. Не заблуждайтесь. Я только передатчик.

— Он всегда держится скромно, — сказал Болсоувер. — Никакого хвастовства. Это только подчеркивает его величие.

— Вижу среди вас двух новых людей. Добрый вечер, мисс. Вы, полагаю, ничего не знаете о собственной энергии и вашем предназначении. Ничего, скоро узнаете. Добрый вечер, сэр. Вы находитесь в преддверии величайшего открытия. Может быть, хотите задать мне вопрос? Я вижу, вы делаете записи. Мелоун действительно пытался как мог стенографировать в темноте происходящее.

— Так о чем же мне рассказать вам?

— О любви и браке, — предложила миссис Болсоувер, кокетливо подталкивая локтем мужа.

— Хорошо, постараюсь кое-что объяснить. Но долго говорить не смогу: к вам здесь установилась целая очередь. Комната кишит духами, жаждущими пообщаться с вами. Прежде всего хочу, чтобы вы поняли: для каждого мужчины есть только одна женщина, а для каждой женщины — только один мужчина. Встретившись, они больше не расстаются и, став одним целым, парят в вечности. Все предыдущие союзы случайны и бессмысленны. Раньше или позже каждый находит свою половину. Не обязательно на земле, возможно, в следующей сфере, где мужчины и женщины общаются между собой точно так же, как и на земле. Главное — у каждого мужчины и каждой женщины есть тот родной человек, с которым они обязательно воссоединятся. В будущей жизни сохраняется лишь пятая часть земных браков. Все остальные — случайны. Настоящий брак — союз душ. Плотское общение — всего лишь материальный символ любви, равным счетом ничего не значащий, смешной и даже вредный, если отсутствует то главное, что он символизирует. Моя мысль ясна? — Пределно ясна, — отозвался Мейли.

— У многих на земле не те спутники жизни. У некоторых их нет вообще, и это даже лучше. Но со временем каждый обретет супруга. Будьте в этом уверены. А возможно, с вами останется и ваш прежний спутник. — Хвала Богу! Слава Всевышнему! — прокричал другой голос. — Вы ошибаетесь, миссис Мелдер. К этому Он не имеет ни малейшего

отношения. Все решает любовь, истинная любовь, только она соединяет. Он живет своей жизнью. Вы — своей. Может, даже на разных планетах. Но однажды вы встретитесь, и к вам вернется ваша юность.

— Когда вы употребляете слово любовь, подразумеваете ли вы сексуальный союз?

— Вот куда нас занесло, — пробормотала миссис Болсоувер. — Дети здесь не родятся. Такое бывает только не земле. Об этом говорил и великий Учитель: В воскресении ни женятся, ни выходят замуж.... Конечно, нет! У нас вершатся союзы душ — чистые, глубокие, блаженные, когда сливаются полностью помыслы и чувства, но сохраняется индивидуальность. На земле с этим высоким супружеством может сравниться разве что первая пылкая страсть, когда влюбленные даже не помышляют о физической близости, настолько возвышенно их чувство. Позже они приходят к плотскому выражению любви, но сердца их знают, что тот нежный союз душ был во сто крат прекраснее. Итак, я ответил вам. Какие будут еще вопросы? — А если женщина любит одновременно двух мужчин? — спросил Мелоун. — Такое редко встречается. Обычно она сердцем чувствует, кого на самом деле предпочитает. В противном случае эта двойственность означает, что женщина еще не встретила свою настоящую любовь, ее будущий возлюбленный обитает в высшей сфере. Конечно, если она... Голос оборвался, и рупор упал на стол.

— Поем Ангелы витают над нами, — выкрикнул Болсоувер. — А ну-ка, Смаيلي, вдарьте по этой старой фисгармонии. Энергия почти на нуле. Музыка отгремела, и в глубокой тишине раздался полный отчаяния голос. Никогда Энид не слышала ничего более печального. Разве что стук падающих на крышку гроба комьев земли. Вначале послышалось несвязное бормотание. Потом слова молитвы, видимо, на латыни, потому что два раза говорящий употребил слово **Domine** и один раз **peccavimus**. Чувство бесконечной тоски и одиночества разлилось в комнате.

— Господи, что же это такое? — воскликнул Мелоун.

Все озадаченно молчали.

— Какой-нибудь горемыка из низших сфер, — предположил Болсоувер. — Обычно советуют не иметь с ними дела. А мне бы так хотелось помочь ему. — Правильно, Болсоувер, — одобрил Мейли. — Действуйте не мешкая. — Чем мы можем помочь тебе, друг?

Молчание.

— Он сам не знает. Наверное, не понимает, что с ним происходит. Где Люк? Он скажет, что делать.

— Что случилось, друзья? — послышался приятный голос

наставника. — Здесь какой-то бедняга. Хотелось бы помочь ему.

— Ах, да. Он недавно пришел из вашего мира, — сказал Люк сочувственно. — И, конечно, растерян. Ничего не понимает. Он из тех, что попадают к нам с полученным в церкви твердым представлением о том, что должны здесь увидеть. Но у нас все иначе, и новички теряют голову. Первое время они совершенно беспомощны, потом некоторые привыкают, приспособливаются и начинают жить как все. Другие же упорствуют в своих заблуждениях, не могут свыкнуться и продолжают блуждать неприкаянными, как этот человек. В прошлой жизни он был религиозным фанатиком — ограниченным и упрямым. Зерно невежества, посеянное на земле, возшло здесь скорбью. — Что его так тяготит?

— Он не знает, что мертв. Блуждает как в тумане. Все кажется ему страшным сном. После его смерти прошли годы, ему же они кажутся вечностью. — Почему вы не объясните ему ситуацию, не подскажите, что делать? — Мы не можем. Мы...

Рупор упал.

— Смайли, скорее музыку. Нужно прибавить энергии.

— Высшим духам нельзя общаться с теми, кто привязан к земле, — объяснил Мейли. — У них разные энергетические зоны. Мы ближе к этим несчастным и скорее можем им помочь.

— Правильно! Именно вы — почти выкрикнул Люк. — Поговорите с ним, мистер Мейли. Вам знакомы такие, как он.

— Друг, позволь сказать тебе несколько слов, — громко и отчетливо произнес Мейли. — Бормотание прекратилось, и у всех появилось ощущение, что несчастный замер, прислушиваясь. — Нам очень жаль тебя. Знай, ты умер. Ты видишь нас и не можешь уразуметь, почему мы не видим тебя. Но ты на том свете, в потустороннем мире. Ты ожидал другого, потому и не догадался, где находишься. Ты думал, что тебя встретят иначе. Но там все оказалось не так. Ты должен понять, что все — благо, что Бог — добро и что тебя ожидает блаженство в том случае, если ты возвысишься духом, будешь молиться о помощи и думать не только о своем печальном положении, но и о тех страдальцах, которые так же скитаются, объятые мраком. Несколько минут тишины, и вновь голос Люка.

— Он услышал вас и благодарит. Прозрение постепенно приходит к нему. Со временем он обретет и большее знание. Он спрашивает, может ли прийти еще.

— Конечно! Конечно! — возопил Болсоувер. — У нас уже есть несколько подопечных, которые раз от разу становятся все более сведущими. Да благословит тебя Бог, дружище! Приходи, когда хочешь.

Лепет прекратился, а к присутствующим пришло сладостное чувство покоя и умиротворения. Тут раздался тоненький голосок Уи Ван: — Осталось еще много энергии. Тут Красное Облако. Если Папочка пожелает, он может что-нибудь показать.

— Красное Облако — индеец и тоже наш гид. Незаменим, когда нужно продемонстрировать какое-нибудь физическое действие. Ты здесь, Красное Облако?

Три громких стука, словно били молотком по дереву, раздались в тишине.

— Добрый вечер, Красное Облако!

Новый гость заговорил отрывистыми фразами, медленно и с трудом выговаривая слова.

— Здравствуй, вождь! Как здоровье скво? Детишек? Никак в вигваме новые лица?

— Они здесь в поисках истины, Красное Облако. Покажи им, что ты умеешь делать.

— Попробую. Подождите минутку. Буду стараться.

Вновь тягостное ожидание, а затем новые чудеса.

Во мраке появилось смутное мерцание, что-то вроде струйки светящегося дыма. Сначала она вилась от одной стены к другой, а затем закрутилась в центре комнаты. Постепенно струйка как бы сгущалась, превратившись наконец в яркий кружок размером с сигнальный фонарь. Он не отбрасывал света и потому особенно резко выделялся в темноте. Кружок подплыл к самому лицу Энид, и Мелоун мог его хорошо рассмотреть.

— Но его держит чья-то рука! — воскликнул он с вновь вспыхнувшим подозрением.

— Конечно. Это материализованная рука, — сказал Мейли. — Я тоже ясно вижу ее.

— Хотите, чтобы она коснулась вас, мистер Мелоун?

— Да, если можно.

Свет погас, и почти тут же Мелоун ощутил чье-то прикосновение. Он подставил свою ладонь и отчетливо почувствовал, как на нее легли три пальца — теплые, гладкие, средней величины. Мелоун сжал руку, и пальцы как бы растаяли в ней.

— Она исчезла, — задыхаясь от волнения, проговорил журналист. — Что поделаешь! У Красного Облака бывают такие промашки. Но его световые эффекты великолепны.

Тут же, как бы в подтверждение этих слов, началась еще более поразительная игра света. По комнате медленно поползли разной величины

облачка и заплясали крошечные искорки, похожие на светлячков. Тогда же молодых людей обдал ледяной порыв ветра. Нельзя было приписать его обману чувств: у Энид даже сдуло на лоб прядь волос.

— Вы, наверное, ощутили порыв ветра? — спросил Мейли. — Некоторые из огоньков могут сойти за языки пламени. После этого Троица уже не покажется вам таким уж невозможным феноменом.

Бубен взмыл вверх; по светящемуся пятну было видно, как он описывал круги под потолком. Затем бубен опустился ниже и поочередно коснулся голов всех присутствующих. И, как бы успокоившись, с мелодичным звоном водворился на место.

— Почему бубен? Почему используется один только бубен? — спросил Мелоун.

— Удобен и компактен, — объяснил Мейли. — И всегда укажет звоном, где находится. А что вы еще можете предложить? Разве только музыкальную шкатулку.

— Наша шкатулка проделывает иногда удивительные вещи, — похвасталась миссис Болсоувер. — Ей ничего не стоит взмыть под самый потолок. А ведь она тяжеловата.

— Девять фунтов, — уточнил Болсоувер. — Однако, судя по всему, наше время подошло к концу. Не думаю, что мы сегодня еще что-нибудь высидим. Сеанс прошел неплохо, можно сказать, на хорошем среднем уровне. Перед тем как включить свет, надо немного обождать. Ну, что скажете, мистер Мелоун? Если вас обуревают сомнения, выкладывайте сразу. А то есть у вас, журналистов, одна неприятная черта: сначала ни гугу, только улыбки и рукопожатия, а потом дома вы расслабляетесь, еще раз прокручиваете все в голове и пишете, что мы жулики.

Кровь застучала в висках у Мелоуна, он провел рукой по пылающему лбу. — Не знаю, что и думать, — признался журналист, — но вечер произвел на меня сильное впечатление. Можно сказать, потряс. Кое-что я читал, но увидеть самому — совсем другое дело. Однако больше всего меня убеждают ваша искренность и душевное здоровье. В этом невозможно усомниться. — Неплохо. Вы делаете успехи, — сказал Болсоувер.

— Я пытаюсь понять, какие вопросы могут возникнуть у моих читателей, не присутствовавших на сеансе. Нужно постараться заранее ответить на них. Во-первых, все происходило как-то необычно, по-домашнему, что ли. О духах принято думать несколько иначе.

— Теории следует основывать на фактах, — сказал Мейли. — До сих пор человечество подгоняло факты к уже готовым теориям. Надо

учитывать, что сегодня мы имели дело — это ни в коем случае не бросает тень на наших добрых хозяев — с невысокими духами, имеющими вполне определенные функции. Их нельзя назвать типичными обитателями потустороннего мира, как нельзя назвать портового грузчика типичным англичанином.

— А Люк? — возразил Болсоувер.

— Он, конечно, находится на более высокой ступени. Вы его слышали и можете сами судить. Еще вопросы, мистер Мелоун?

— Если можно. Почему все вершится в темноте? Это может вызвать определенные подозрения. Почему спиритизм так тяготеет к мраку? — Не всегда, а только в случае работы с предметами. Тогда полная темнота действительно необходима. Это связано с причинами химического порядка. Фотограф ведь тоже проявляет пленку в темной комнате. В основе фотографирования лежит перенос на светочувствительную пленку тончайшей материальной субстанции с человеческого тела; затем в темной комнате она проявляется и закрепляется. Нечто подобное происходит и здесь. Теперь понятнее?

— Пожалуй, да. Но все равно жаль. Здесь самое уязвимое место. — Иногда кое-что получается и на свету, — сказал Болсоувер. — Может, Уи Ван еще не ушла? Обождите минутку. Где у нас спички? — Он зажег свечу, после долгого сидения в темноте все отчаянно заморгали. — Сейчас посмотрим.

Среди прочих предметов, которыми забавлялись неведомые силы, было деревянное блюдо. Болсоувер пристально смотрел на него; остальные стали глядеть туда же. Все уже поднялись, но с места не двигались. До блюда было около трех футов.

— Уи Ван, ну, пожалуйста, — попросила миссис Болсоувер. Мелоун не верил своим глазам. Блюдо зашевелилось. Оно дрожало, затем, мелко застучало по столу, как крышка на кипящем чайнике. — Подними его, Уи Ван! — просили все, радостно аплодируя. При свете ярко горевшей свечи было отчетливо видно, как блюдо поднялось и стояло, пошатываясь, на ребре, как бы пытаясь удержать равновесие.

— Наклони его три раза, Уи Ван.

Блюдо три раза наклонилось, потом упало и больше не двигалось. — Рад, что вы видели это своими глазами. Самая простая и убедительная форма телекинеза.

— В это невозможно поверить! — воскликнула Энид.

— Совершенно согласен, — отозвался Мелоун. — Мои представления о возможном значительно расширились, и вы, мистер Болсоувер,

способствовали этому.

— Рад слышать, мистер Мелоун.

— Но мне все-таки непонятно, что за силы стоят за увиденным нами. Что же касается самого явления, то теперь у меня нет ни малейшего сомнения в его существовании. Я знаю, что оно есть. Желаю вам всем спокойной ночи. Ни мисс Челленджер, ни я никогда не забудем этот вечер, проведенный под крышей вашего дома.

Когда молодые люди вышли на улицу и вдохнули свежий морозный воздух, им показалось, что они попали в другой мир. Здесь сновали такси, отвозившие праздных людей в места развлечений, в театры и кино. К ним подошел Мейли, как и они, поджидавший кэб.

— Могу представить себе ваши чувства. Глядя на этих суетливых самодовольных людей, вы поражаетесь, как мало знают они об истинном многообразии жизни. Вам хочется остановить их, рассказать, образумить. Однако в ответ они назовут вас обманщиками или безумцами. Смешно, не правда ли?

— Мои мысли в полном смятении.

— Завтра все придет в норму. Любопытно, как мимолетны такие впечатления. Еще станете убеждать себя, что вам все приснилось. Ну что ж, прощайте. Если я вам понадоблюсь, всегда к вашим услугам. Всю дорогу домой друзья — язык не поворачивается назвать их влюбленными — промолчали. Выйдя из кэба, Мелоун проводил девушку до дверей квартиры, но войти не посмел. Он чувствовал, что сейчас не смог бы вынести насмешек Челленджера, обычно только забавлявших его. Вроде тех, что услышал краем уха.

— А, Энид... Так где ж привиденьице? Вытряхивай его прямо на пол, дай-ка взглянуть.

Вечерние приключения завершились, как и начались, громовым хохотом профессора, который сопровождал Мелоуна до самого лифта.



## Глава V В КОТОРОЙ НАШИ ДЕЛОВЫЕ ПАРТНЕРЫ ПЕРЕЖИВАЮТ ЕЩЕ ОДНО УДИВИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Мелоун сидел за боковым столиком в курительной комнате Литературного клуба. Перед ним лежали записи Энид, сделанные ею после сеанса; в них было много тонких наблюдений, и Мелоун занимался тем, что сводил их впечатления воедино. У камина несколько мужчин курили и болтали. Они нисколько не мешали журналисту — у того, как у многих его коллег, работа особо спорилась на людях, в живой обстановке. Но тут кто-то, заметив его присутствие, перевел разговор на спиритизм, и тогда заинтересованный Мелоун, откинувшись в кресле, прислушался.

Говорил известный романист Полтер. За этим неглупым человеком водилась одна странность: его абсолютно не волновало, на чьей стороне истина, и он всегда был готов употребить всю мощь своего интеллекта, чтобы отстаивать, забавы ради, заведомо ложные взгляды. Сейчас он разглагольствовал пред благоговейно внимавшей ему, хотя и не во всем с ним согласной, аудиторией.

— Наука, — говорил он, — постепенно выметает из нашей жизни паутину заблуждений и предрассудков. Мир похож на старый захламленный чердак, который наконец-то осветило солнце науки, и пыль послушно стала оседать на пол.

— Говоря о солнце науки, — задал кто-то коварный вопрос, — вы, наверное, подразумеваете ученых вроде сэра Вильяма Крукса, сэра Оливера Лоджа, сэра Вильяма Баррета, Ломброзо, Рише и тому подобных? Полтер не привык к такого рода выпадам и потому разозлился. — Вовсе нет, сэр, об этих субъектах я и не помышлял, — отрезал он. — Ни одного из них нельзя назвать настоящим ученым, потому что, несмотря на всю известность, у каждого очень мало последователей.

— Они не ученые, а маньяки, — вставил свое слово художник Поллифакс, раболепно преданный Полтеру.

Однако сбить с толку независимого журналиста Миллуорти — а именно он вступил в спор с писателем — было не так-то просто.

— Галилей слыл безумцем в свое время, — возразил он. — А как издевались над Гарвеем, впервые заговорившим о циркуляции крови! — Сейчас для нас важнее циркуляция Дейли газетт, — заметил остряк

Меррибл, — она явно под угрозой. Если в ней печатают такую ерунду, значит, издателям абсолютно наплевать, где правда, а где ложь. — Этими спиритуалистами должна заниматься только полиция, — сказал Полтер. — Зачем зря тратить силы и направлять человеческую мысль по ложному следу? Вокруг столько требующих скорейшего разрешения проблем. Надо заниматься делом, а не пустяками.

Сидевший тут же и все это время молчавший Аткинсон вдруг заговорил: — А мне кажется, нашим ученым мужам следовало бы уделить больше внимания парапсихологии.

— Напротив, гораздо меньше.

— Меньше уж некуда. Они полностью игнорируют проблему. Не так давно я наблюдал несколько случаев телепатической связи, о чем собирался доложить членам Королевского научного общества. Мой коллега Вильсон, зоолог, тогда же написал статью по своей теме. Обе работы были посланы одновременно; его доклад утвердили, а мой нет. А знаете, как называлась его статья? Репродуктивная система навозного жука.

Раздался дружный смех.

— Правильный выбор, — сказал Полтер. — Существование навозного жука, по крайней мере, не вызывает сомнений. Чего нельзя сказать о всех этих духах.

— Думаю, вы основательно знакомы с предметом, раз ваши утверждения столь категоричны, — озорно заметил Миллуорти, тихий молодой человек с приятными манерами. — А вот у меня все не хватает времени. Не скажете ли, какую из трех книг профессора Кроуфорда вы считаете самой удачной? — Никогда не слыхал о таком ученом.

Миллуорти изобразил на своем лице сильнейшее удивление. — Как же! Он признанный авторитет в этой области. Его книги знакомят читателя с данными лабораторных исследований. Не знать его работы и обсуждать спиритизм — все равно, что беседовать о зоологии, не читая Дарвина.

— Нельзя сравнивать науку и шарлатанство.

— Судить о вещах, которые специально не изучал, — какая уж тут наука? — возмутился Аткинсон. — Именно такие пустые разговоры натолкнули меня на мысль познакомиться со спиритизмом поближе: ведь известные ученые-спиритуалисты терпеливо и серьезно доискивались истины. Многим потребовалось около двадцати лет, чтобы прийти к определенному выводу. — Чего стоят все их умозаключения, если сделанный вывод абсурден! — Каждый из них выдержал долгую внутреннюю борьбу, прежде чем уверовал в истинность спиритизма. Я знаю нескольких таких людей — у них за плечами долгий путь познания.

Полтер всплеснул руками:

— Если так им удобнее, пусть верят в своих привидений, но только не пытаются сбить с толку меня — я хочу твердо стоять на земле. — Скорее увязать в грязи, — возразил Аткинсон.

— Лучше увязать в грязи со здравомыслящими людьми, чем витать в облаках с психами, — сказал Полтер. — Я знаком с несколькими спиритуалистами и убежден, что половина из них дураки, а другая — плуты. Сначала Мелоун прислушивался к разговору с интересом, но потом в нем стало нарастать раздражение. И вдруг он взорвался.

— Послушайте, Полтер, — сказал он, разворачивая стул в сторону спорщиков. — Именно такие, как вы, тупицы и олухи, тормозят прогресс. По вашим собственным словам, вы ничего об этом не читали и, могу поклясться, ничего не видели. Тем не менее вы, пользуясь своим положением и именем, заслуженным на совсем другом поприще, изо всех сил стараетесь дискредитировать людей, которые серьезно и обстоятельно исследуют эту проблему.

— Вот как? — отвечивал Полтер. — Не знал, что вы принимаете этот вздор так близко к сердцу. В своих статьях вы не осмеливаетесь этого признать. Значит, вы сами спиритуалист. Но это перечеркивает ценность статей.

— Я не спиритуалист, но подхожу к проблеме непредвзято. Этим и отличается моя позиция от вашей. Вы называете этих людей обманщиками и дураками, но я-то знаю, что среди них есть такие, которым вы и в подметки не годитесь.

— Успокойтесь, Мелоун! — вмешалось сразу несколько человек, но разъяренный Полтер уже вскочил со стула.

— Из-за таких, как вы, клуб скоро опустеет! — воскликнул он, выходя из комнаты. — Во всяком случае, моей ноги здесь больше не будет. Зачем мне выслушивать оскорбления!

— Что вы натворили, Мелоун!

— Еле удержался, чтобы не вышвырнуть его за дверь. Таким, как он, плевать на человеческие чувства и убеждения. Этот преуспевающий выскочка думает, что для нас его присутствие большая честь.

— Узнаю ирландский темперамент! — сказал Аткинсон, похлопывая журналиста по плечу. — Придите в себя, неугомонный дух, и успокойтесь! Кстати, я хотел поговорить с вами. Даже немного задержался, ожидая, когда вы покончите с делами.

— Разве здесь можно работать? — кипятился Мелоун. — Особенно когда этот осел бубнит за спиной.

— Я не задержу вас долго. Известный медиум Линден, тот, о котором я вам уже говорил, проводит сегодня сеанс в Психотерапевтическом колледже. У меня есть лишний билет, пойдете?

— Еще бы!

— Могу поделиться еще одним. Оставил его для Полтера, но он сегодня невыносим. Линден ничего не имеет против скептиков, но не терпит агрессивных людей. Кому бы отдать билет?

— Мисс Челленджер пошла бы с удовольствием. Вы ее знаете, мы вместе работаем.

— Прекрасно. Вы ей сообщите?

— Конечно.

— Сеанс начнется в семь часов. Психотерапевтический колледж, не забудьте. Тот, что находится в районе Голландского парка. — Я знаю, где это. Спасибо. Мисс Челленджер и я придем вовремя. Итак, наша парочка вновь отправилась на поиски новых спиритуалистических приключений. Они выбрали на Уимпоул-стрит Аткинсона и поехали дальше через шумный с оживленным автомобильным движением центральный район, вытянувшийся от Оксфорд-стрит и Бейсуотера до Ноттинг-Хилла и величественных зданий Голландского парка. Такси остановилось у одного из особняков — большого красивого дома, стоявшего несколько в стороне от дороги. Им открыла дверь вышколенная горничная. В холле мягкий матовый свет падал на блестящую гладь линолеума, освещая в углах статуи из белого мрамора и безукоризненно отполированные предметы из дерева. Женское чутье подсказало Энид, что она оказалась в хорошо оборудованном солидном учреждении с талантливым руководством. Это .руководство. в лице приятной дамы, по-видимому шотландки, встретило их в холле. Дама приветствовала Аткинсона как старого друга, а тот представил ее журналистам как миссис Огилви. Мелоун знал и раньше, что она вместе с мужем создала это уникальное заведение, ставшее центром психических исследований и весьма дорого им вставшее в плане не только материальных, но физических и душевных затрат.

— Линден с женой уже пришли, ждут наверху, — сказала миссис Огилви. — По его словам, условия для сеанса подходящие. Остальные — в гостиной. Не хотите ли к ним присоединиться?

На сеанс собралось довольно много народу, среди них были как известные специалисты в области парапсихологии, так и новички, заинтригованно глазевшие по сторонам. Стоявший у двери высокий мужчина повернулся, и молодые люди увидели открытое рыжебордое лицо Алджернона Мейли. Они обменялись рукопожатиями.

— Углубляете познания, мистер Мелоун? О предыдущем сеансе вы написали весьма объективно. Хотя вы и неопит, но, попав в святилище, ведете себя достойно. Вы чем-то напуганы, мисс Челленджер?

— Думаю, мне не о чем беспокоиться, если вы рядом, — ответила девушка.

Мейли засмеялся.

— То, что вы увидите сейчас — материализация духа, — довольно впечатляющее зрелище. Для вас, Мелоун, оно будет весьма поучительным, так как подкрепляется фотографиями и прочим. Кстати, закажите себе снимок. Знаменитый Хоуп работает наверху.

— А вот фотографии я всегда считал фальшивками.

— Напротив, здесь как раз трудно придаться — доказательство налицо. Я присутствовал при дюжине разбирательств, и каждый раз правда оказывалась на нашей стороне. Опасно другое — жаждущие сенсации пройдохи-журналисты, которые публикуют фотографии, сопровождая их безграмотными пояснениями. Вы здесь кого-нибудь знаете?

— Никого.

— Высокая красивая дама — герцогиня Россландская. Вон те пожилые супруги у камина — лорд и леди Монтнуар. Искренние, доброжелательные люди. Не многие аристократы позволяют себе так серьезно и непредвзято относиться к спиритизму. А вот эта разговорчивая женщина — мисс Бэдли, светская дама; она посещает все сеансы — типичная любительница острых ощущений. Всегда ярче всех, громче всех, но за этим — пустота. Тех двух мужчин не знаю. Кажется, научные сотрудники из университета. Тучный мужчина, что стоит рядом с дамой в черном, сэр Джеймс Смит; в последней войне они потеряли двух сыновей. А высокий, смуглый, загадочного вида человек — отшельник Барклей, он выходит из своей комнаты только для того, чтобы поучаствовать в сеансах.

— А мужчина в роговых очках?

— Высокомерный осел по фамилии Уитерби, заблудившийся в темных лабиринтах масонства и теософии. Один из тех, что разглагольствуют, благоговейно понизив голос, о неких тайнах, которые на самом деле таковыми не являются. Такие, как он, считают спиритизм с его действительно глубокими и неразгаданными тайнами явлением вульгарным, ибо он приносит утешение простым людям. Любит читать книги, посвященные культу Афины Паллады, древним и существующим поныне шотландским ритуальным обрядам и фигуркам Бафомета. Элифас Леви — его пророк.

— Звучит весьма научно.

— Полный бред. А, здравствуйте. Вот и наши общие друзья. Пришли Болсоуверы, оба разгоряченные, румяные и добродушные. В спиритизме нет деления на классы, в нем уравниены все, и уборщица с даром медиума почитаема больше миллионерши. Герцогиня как раз обратилась к ним с просьбой разрешить ей как-нибудь присутствовать у них на сеансе, когда в комнату торопливо вошла миссис Огилви.

— Кажется, теперь все в сборе, — сказала она. — Пора подниматься наверх.

Медиум и его жена ожидали их на втором этаже, в просторной уютной комнате, с расставленными вкруговую стульями. Небольшой пятачок комнаты был обгорожен портьерами, образуя кабинку. Мистер Линден оказался весьма учтивым, полноватым человеком с крупным, тщательно выбритым лицом. Его голубые глаза задумчиво взирали на мир, а светлая копна кудрявых волос дыбом стояла на макушке. Медиум был человеком средних лет. Жена выглядела моложе, на ее лице застыло выражение недовольства, обычное для измученных бытом домашних хозяек, но взгляд пронизательных глаз мгновенно теплел и преображался, стоило ей только посмотреть на обожаемого супруга. Она должна была по ходу дела вносить нужные пояснения и следить за состоянием мужа, когда он впадал в транс.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил медиум. — Хорошо, если мужчины и женщины будут сидеть вместе. Не кладите ногу на ногу, это мешает циркуляции. Если материализация удастся, прошу не прикасаться к оболочке — вы можете навредить мне.

Ищейки. из университета переглянулись. Их недоверчивые взгляды не ускользнули от Мейли.

— Такое бывает, — пояснил он. — Я сам присутствовал при двух случаях сильных кровотечений у медиумов.

— А что является причиной? — поинтересовался Мелоун. — При материализации используется эктоплазма медиума. Поэтому неосторожное обращение бьет по нему. Если повреждается кожа, у медиума будет синяк. Если слизистая — кровотечение.

— А если ничего нет, то ничего и не будет, — сказал, усмехнувшись, университетский соглядатай.

— Постараюсь вкратце объяснить вам, что здесь произойдет, — сказала миссис Огилви, когда все расселись. — Мистер Линден не будет уединяться в кабинке, а останется снаружи, благо хорошо переносит красный свет, так что вы сможете воочию удостовериться, что во время сеанса он не поднимется со своего стула. Миссис Линден, находясь по другую сторону кабинки, будет следить за течением событий. А теперь

можете осмотреть кабинку. Кроме того, попрошу кого-нибудь из присутствующих запереть дверь, а ключ оставить у себя.

Кабинка представляла из себя что-то вроде сооруженной из портьер палатки; стояла она на плотном деревянном настиле. Университетские сотрудники обшарили все вокруг, всюду совали свой нос и даже попрыгали на досках. Однако ничего подозрительного не обнаружили.

— А зачем нужна кабинка? — шепотом спросил Мелоун у Мейли. — Служит резервуаром для эктоплазмы — испаряясь с тела медиума, она конденсируется в ней. Иначе рассеялась бы по всей комнате. — А может, и не только для этого, — ехидно заметил один из университетских, услышав их краем уха.

— И такое мнение есть, — философски отозвался Мейли. — Поэтому я всегда одобряю проверки и наблюдения. Но сейчас, когда медиум находится снаружи, это обвинение бездоказательно.

На том и сошлись.

Медиум сидел по одну сторону палатки, его жена — по другую. Свет выключили, оставив только одну крошечную лампочку красного цвета, позволявшую различать лишь контуры предметов. По мере того как глаза привыкали к темноте, стали проступать и детали.

— Вначале немного ясновидения, — объявила миссис Линден. Ее поза — руки на коленях и уверенная осанка посвященной — заставили Энид улыбнуться и вспомнить миссис Джарли с ее восковыми фигурками. Линден, пока еще не входя в транс, начал вещать. Получалось это у него не очень хорошо. Возможно, мешала разношерстность собрания — слишком много разнонаправленных волевых импульсов сконцентрировалось в относительно небольшом пространстве. Именно так объяснил это сам Линден, давший несколько никем не uznанных портретов. Но Мелоуна больше шокировало другое. Он видел, как активно подсказывали медиуму гости. Конечно, вины Линдена здесь не было, но подсказки портили впечатление. — Вижу кареглазого молодого человека с длинными усами. — Это снова ты, дорогой? — вскричала мисс Бэдли. — Он хочет что-нибудь передать?

— Шлет вам привет и просит сказать, что никогда не забудет. — Узнаю его. Он весь в этих словах! Моя первая любовь, — оповестила она громким шепотом собравшихся. — Он приходит всегда, не пропуская ни одного сеанса. Мистер Линден каждый раз вызывает его из мрака. — Слева возник юноша в военной форме. Над его головой вижу символ, похожий на православный крест.

— Джим! Это же Джим! — выкрикнула леди Смит.

— Да. Он кивнул.

— Это, наверное, пропеллер, а не крест. Он ведь служил в Военно-воздушных силах, — сказал сэр Джеймс.

Мелоун и Энид не могли скрыть своего разочарования. Мейли чувствовал себя неловко.

— Пока все идет неважно, — шепнул он Энид. — Но подождите немного. Увидите, дело поправится.

Дальше, действительно, положение несколько выправилось, и в одном из описаний Мелоун почти узнал профессора Саммерли. Но мысль о том, что Линден мог присутствовать на предыдущем сеансе, заставила журналиста отнестись к его словам скептически. Работа миссис Деббс казалась Мелоуну более убедительной.

— Подождите, — повторил Мейли.

— Медиум переходит к материализации, — объявила миссис Линден. — Просьба при появлении фигур ни в коем случае не прикасался к ним руками. Только если разрешит Виктор — наставник медиума.

Тем временем сам медиум, усевшись поглубже в кресло, глубоко задышал, выдыхая воздух через рот. Наконец он затих, челюсть отвисла — по-видимому, впал в бессознательное состояние. Вдруг он заговорил, но его голос принадлежал теперь, казалось, человеку более утонченному и образованному. — Добрый вечер! — сказал он.

По комнате прошелестело:

— Добрый вечер, Виктор!

— Сегодня не очень хорошая вибрация. Мешает некоторый скептический настрой, но он, к счастью, не доминирует, и потому постараемся добиться результатов. Мартин Лайтфут делает все, что может.

— Это его помощник, индеец.

— Думаю, стоит завести граммофон, музыка всегда помогает. — Лучше всего духовный гимн, но можно и светскую музыку. Поставьте что-нибудь на ваше усмотрение, миссис Огилви.

Раздался скрежет — иголка не сразу встала на место. Но вот зазвучал гимн Веди нас, Чудный свет. Присутствующие стали тихо подпевать. Затем миссис Огилви сменила пластинку, поставив Боже, мы находим поддержку в прошлых веках.

— Они часто сами меняют пластинки, — сказала миссис Огилви, — но сегодня слабая энергия.

— Все в порядке, — произнес тот же голос. — Энергии хватило бы и сегодня, миссис Огилви, но мы бережем ее для материализации. Мартин говорит, что все идет успешно.



Портьера у входа в кабинет заколыхалась, раздуваясь, как от ветра. И действительно, почти сразу же все присутствующие почувствовали его ледяной порыв.

— Как холодно, — прошептала Энид, дрожа всем телом.

— На самом деле холодно — это не субъективная реакция, — пояснил Мейли. — Что и доказал в свое время мистер Гарри Прайс, замерив температуру. То же проделал и профессор Кроуфорд.

— Боже! — послышался сдавленный голос. Он принадлежал поклоннику масонства, любителю всего таинственного, который, наверное, впервые встретился с подлинной тайной. Портьеры раздвинулись, и из кабинета бесшумно выскользнула человеческая фигурка в черном одеянии. Дрожа и как бы страшась происшедшей с ней метаморфозы, она замерла как раз между хорошо видимым в кресле медиумом и вскочившей со своего места миссис Линден. Последняя как могла старалась успокоить и ободрить видение. — Не волнуйтесь так, дорогая. Все в порядке. Вас никто не обидит. — Она из тех, кто здесь впервые, — объяснила миссис Линден гостям. — Много пугает ее. И это естественно. Мы бы тоже испугались, перенесись мы мгновенно в их мир. Все хорошо, дорогая. К вам постоянно прибывают силы. Все идет нормально.

Видение приблизилось к людям. Все замерли, не сводя глаз с одинокой фигурки. Мисс Бэдли нервно захихикала. Охваченный ужасом Уитерби откинулся назад и тяжело задышал. Мелоун и Энид не испытывали страха, а, напротив, сгорали от любопытства. С улицы доносился однообразный шум. Там шла обычная жизнь, здесь же они находились с глазу на глаз с таинственным призраком. Поразительно!

Видение медленно двигалось по кругу. Вот оно поравнялось с Энид, оказавшись как раз напротив источника света. Наклонившись вперед, девушка могла отчетливо разглядеть женский силуэт. Это была пожилая женщина, черты ее лица становились видны все отчетливее.

— Это Сьюзен! — воскликнула миссис Болсоувер. — О, Сьюзен, узнаешь ли ты меня?

Фигурка повернулась к ней и утвердительно кивнула.

— Конечно же, дорогая, это твоя сестра Сьюзен! — вскричал и ее муж. — Она всегда ходила в черном. Поговори с нами, Сьюзен!

Видение покачало головой.

— В первый раз они никогда не говорят, — объяснила миссис Линден. Ее спокойствие и деловитое отношение к происходящему контрастировало с нервической реакцией остальных.

— Боюсь, она долго не продержится. Вот... уже исчезла. Фигурка,

сделав несколько неловких шагов в направлении кабинки, как бы провалилась под землю — во всяком случае, так показалось гостям. Больше они ее не видели.

— Нужна музыка! — решила миссис Линден.

Все облегченно вздохнули и зашевелились. Зазвучала приятная мелодия. Неожиданно портьеры вновь раздвинулись и показалось еще одно видение. Это была совсем юная девушка с длинными распущенными волосами. Она быстро и решительно направилась в середину круга.

Миссис Линден удовлетворенно засмеялась.

— Вот теперь будет интереснее, — сказала она. — К нам пришла Люсиль. — Добрый вечер, Люсиль, — приветствовала девушку герцогиня. — Мы виделись месяц назад, когда медиум проводил сеанс на Малтреверс-Тауэр. — Конечно, я помню вас. К вам еще приходил маленький мальчик Томми. Нет, не называйте его мертвым. В нас больше жизни, чем в людях. Мы и живем веселее, резвимся, шалим. — Люсиль говорила звонким голосом, ее английский язык был безупречен. — Сейчас я вам покажу, что мы здесь можем делать, — сказала она и заскользила по полу в грациозном танце, весело насвистывая мелодию. — Бедная Сьюзен еще не может так танцевать. У нее нет практики. А Люсиль научилась владеть новым телом.

— Ты помнишь меня, Люсиль? — спросил Мейли.

— Конечно, мистер Мейли. Вас нельзя забыть: вы такой большой, да еще с рыжей бородой.

Тут Энид второй раз в жизни пришлось ущипнуть себя, чтобы увериться, что она не спит. Откуда взялось это изящное создание, усевшееся теперь на стул в центре круга? Что это? Действительно ли материализованная эктоплазма, служащая временным пристанищем духа умерших людей? Обман чувств? Жульничество? Нужно было выбирать что-то одно из трех. Обман чувств отпадал сразу: не могло же всем померещиться одно и то же! Жульничество? Но видения разительно отличались друг от друга. Девушка была значительно выше пожилой женщины и в отличие от той обладала белокурыми волосами. Кроме того, перед сеансом кабинку тщательно обследовали и тогда же убедились, что ее устройство исключает возможность обмана. Оставалось только признать, что все происходит на самом деле. А если так, какие увлекательные перспективы сулит подобное открытие! Человечеству поистине следовало бы бросить все и заняться этим феноменом.

Между тем естественность Люсиль успокоила даже самых впечатлительных и нервных людей, все постепенно освоились и

почувствовали себя свободно. Девушка с готовностью отвечала на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. — Где ты жила, Люсиль?

— На этот вопрос лучше отвечу я, — вмешалась миссис Линден. — Нужно экономить энергию. Люсиль жила в Америке, ее родной штат — Южная Дакота, она умерла в возрасте четырнадцати лет. Кое-что из приведенных ею данных мы перепроверяли.

— Ты рада, что умерла, Люсиль?

— Мне здесь лучше. Но жаль мамочку.

— Она ничего не знает о тебе?

— От бедной мамочки меня отделяет стена из предрассудков. Мне трудно пробиться к ней.

— Ты счастлива?

— Очень.

— А это не грех, что ты приходишь к нам?

— Раз Бог позволяет, значит, не грех. А вот вам грешно сомневаться в Нем.

— Какую ты исповедовала религию?

— Католичество.

— Это правильная религия?

— Все религии правильные, если помогают человеку стать лучше. — Значит, безразлично, к какой церкви принадлежать?

— Важно, что люди делают, а не во что верят.

— Расскажи еще что-нибудь, Люсиль.

— У меня мало времени. К вам хотят прийти многие. Если я истрочу всю энергию, не останется другим. Знайте только — Бог очень добр. Вы, несчастные люди, даже не представляете, как Он благостен и великодушен: у вас на земле так сумрачно и неприветливо. Но это для вашей же пользы. Вам дается шанс заслужить небесное блаженство. А попав сюда, вы поймете, как Он велик и прекрасен.

— Ты видела Его?

— Что вы! Как можно видеть Бога? Он снаружи нас и внутри, Он всюду — Его невозможно лицезреть. Но я видела Христа. Он был в сиянии. А теперь прощайте... — Девушка шагнула в сторону кабинки и растворилась в темноте. Мелоун не знал, какое потрясение приготовила ему судьба на сегодняшний вечер. Из кабинки медленно вышла женщина. Невысокого роста, смуглая, довольно плотная. Миссис Линден сказала ей несколько ободряющих слов, а затем подошла к журналисту.

— Она пришла к вам. Войдите в круг и приблизьтесь к ней. Мелоун сделал несколько шагов вперед, всматриваясь со страхом в лицо призрака.

Расстояние между ними было не более фута. Что-то знакомое угадывалось в очертаниях крупной головы, тяжелой, осанистой фигуры. Он приблизился почти вплотную к видению, напрягая зрение изо всех сил. Ему показалось, что черты лица призрака постоянно изменяются, как будто кто-то невидимый продолжает лепить его.

— Мама! — крикнул он. — Мама!

В ту же секунду женщина в радостном порыве простерла к нему руки. Движение было столь резким, что она потеряла равновесие и растаяла. — Она первый раз появилась перед людьми, поэтому и не могла говорить, — деловито пояснила миссис Линден. — Это была ваша мать. Мелоун вернулся на свое место совершенно ошеломленный. Всю силу таких явлений понимаешь, когда дело касается лично тебя. Его мать! Спустя десять лет после смерти она снова стояла перед ним. Мог бы он поклясться, что это действительно была его мать? Нет, не мог бы. Но сердце говорило: да, это она. Мелоун был потрясен до глубины души.

Но вскоре новые чудеса захватили его. Из кабинки быстрым шагом вышел молодой человек и напрямик направился к Мейли.

— Привет, Джок! Привет, старина! — радостно встретил его Мейли. — Мой племянник, — представил он собравшимся юношу. — Всегда приходит, когда Линден проводит сеанс.

— Энергия убывает, — прозвучал чистый юношеский голос. — Мне придется скоро уйти. Я так рад нашей встрече, дядя. Отлично вижу тебя при этом свете, лучше, чем ты меня.

— Знаю, Джок. Вы можете видеть и в полной темноте. Я беседовал с твоей матерью, говорил, что видел тебя. Она страшится таких встреч, твердит, что это большой грех.

— Я так и предполагал. Она думает, что здесь не обошлось без дьявола. О, как жалки и убоги такие представления! В конце концов люди поймут... — юноша не выдержал и разрыдался.

— Не осуждай свою мать, Джок, она ведь искренне верит в это. — Я и не осуждаю. Со временем она узнает правду. Близится день, когда истина откроется всем, и тогда рухнут прогнившие церкви, никто не будет рабски исповедовать их жестокие учения, в которых Бог выглядит карикатурой на себя.

— Джок, ты стал еретиком!

— Любовь, дядя, любовь! Только она принимается в расчет. Верь во что хочешь, но только будь добр и милосерден, как заповедал Христос. — Вы видели Христа? — спросил кто-то из присутствующих. — Еще нет. Но, надеюсь, такое время придет.

— Он разве не на небе?

— Небесных сфер много. Я поднялся невысоко. Но здесь все равно чудесно.

Во время этой беседы Энид подалась немного вперед. Глаза ее привыкли к темноте, и теперь она видела гораздо лучше. Девушка могла поклясться, что стоящий в нескольких футах от нее мужчина не был человеком, но в чем заключалась разница, ответить не смогла бы. Станным бледно-желтым оттенком лица он резко отличался от сидевших в комнате мужчин и женщин. Держался этот юноша тоже как-то неестественно, напоминая походкой движения больных людей, затянутых в корсет.

— А теперь, Джок, — попросил Мейли, — расскажи что-нибудь нам всем. Ну, хотя бы о своей жизни там.

— Нет, дядя, не могу.

— Ну, пожалуйста, Джок, нам так хочется послушать тебя. — Просвещайте людей. Говорите им, чем является смерть на самом деле, — заговорил призрак. — Бог хочет, чтобы люди узнали об этом. Потому Он и посылает нас. Смерти нет. Вы как бы переходите в другую комнату. Трудно поверить, что ты умер. Я сам долго не верил, пока не увидел старого Сэма — уж в его-то смерти сомневаться не приходилось. И тогда я явился своей матери. Но она, — голос юноши дрогнул, — не признала меня. — Не расстраивайся так, дорогой Джок, — сказал Мейли. — Она еще придет к высшей мудрости.

— Просвещайте людей! Учите их! Это важнее всего на свете. Если бы газеты, оставив всего на неделю болтовню о футболе, уделили бы такое же внимание спиритизму, люди узнали бы наконец истину. Всеобщее невежество... Что-то яркое метнулось в направлении кабинки, мгновенная вспышка — и юноша исчез.

— Энергия кончилась, — сказал Мейли. — Бедный мальчик держался до конца. Похоже на него. Он и умирал так же.

Все молчали. Зазвучала музыка. Портьеры заколыхались — кто-то пытался выйти из кабинки, но миссис Линден, вскочив со стула, воспрепятствовала этому. Медиум впервые за весь сеанс зашевелился в кресле и застонал. — Что случилось, миссис Линден?

— Неполная материализация — у этого призрака отсутствовала нижняя часть лица. Кто-нибудь мог испугаться. Думаю, на сегодня достаточно. Энергия почти на нуле.

Сказано — сделано. Понемногу комната осветилась. Медиум лежал, откинувшись в кресле, лицо его было бледным, на лбу выступил пот. Жена

суетилась вокруг него, расстегивая воротничок и смачивая водой лицо. Гости, разбившись на группы, обсуждали увиденное.

— Потрясающе! — восклицала миссис Бэдли. — Неповторимое зрелище! Жаль только, что мы не увидели частично материализованный дух. — Нет уж, спасибо, — сказал мистик, потерявший большую часть своего высокомерия. — Для моих нервов это слишком.

Аткинсон подошел к ученым.

— Что вы об этом думаете? — спросил он.

— В Масклин-Холле сеанс прошел удачнее, — ответил один. — Помилуй, Скотт! — оборвал его другой. — Это несправедливо. Ты сам признал, что кабинка пуста.

— То же самое можно сказать и о сцене Масклин-Холла. — Но у Линдена нет своей сцены. Он не может использовать театральную машинерию.

— **Populus vult decipi**, — ответил первый, пожав плечами. — Остаюсь при своем мнении. — И он направился к выходу с видом человека, которого не так просто обмануть, а его менее скептический друг поспешил за ним, продолжая спорить.

— Ну, что вы на это скажете? — сказал Аткинсон. — Есть такой тип ученых, которые невосприимчивы к новому знанию и закоснели в предрассудках. Они изо всех сил напрягают свои мозги, чтобы отыскать боковые пути, хотя перед ними — прямая дорога. Когда человечество вступит в царство разума, эти люди будут плестись в хвосте.

— Нет, — проговорил Мелоун, смеясь. — Замыкать шествие будут епископы. Так и вижу, как они, сбившись в кучу, идут, путаясь в сутанах, и последними входят в царство истины.

— Что-то уж больно сурово, — не одобрила Энид. — Среди них много хороших людей.

— Конечно, много. Но здесь причины чисто психологического порядка. Все они пожилые люди, их мозг поражен склерозом и с трудом воспринимает новое. В этом нет их вины, но факт остается фактом. Что вы замолчали, Мелоун?

А тот вновь увидел пред собою маленькую приземистую фигурку, вспомнив, как радостно, заслышав его голос, простерла она к нему из темноты руки.

## Глава VI ГДЕ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С ХАРАКТЕРОМ И ПРИВЫЧКАМИ ПРЕСТУПНИКА

Оставим на время наших героев, с которыми мы совершили увлекательное путешествие в зыбкий и туманный, но бесконечно важный для человечества мир иного опыта и иной мысли, и перейдем теперь от исследователей к исследуемым. Войдем в дом Линдена и всмотримся в жизнь профессионального медиума со всеми ее светлыми и темными сторонами.

Чтобы попасть к нему, пройдем по шумной Тоттенхэм-Корт-роуд, где разместились крупные мебельные магазины, и свернем на тихую, ведущую к Британскому музею улочку, сплошь застроенную однообразными унылыми домами. Улица эта именуется Туллис-стрит, а дом под номером сорок именно тот, который нам нужен. Он ничем не выделяется среди остальных — такой же серый и невыразительный. Поднимемся по ступеням к потемневшей от времени двери, откуда через окошечко робкий посетитель может увидеть лежащую в передней на маленьком круглом столике огромную Библию в позолоченном переплете и взбодриться духом.

Откроем безотказным ключом воображения запертую дверь и, пройдя через сумрачный холл, поднимемся наверх по узкой лестнице. Хотя почти десять часов утра, мы найдем знаменитого чудесника еще в спальне. Не надо забывать, что вчера вечером он провел трудный сеанс — для восстановления сил требуется время.

Когда мы так бесцеремонно растворили дверь в спальню, медиум сидел в постели, облокотившись на подушки, на коленях — поднос с завтраком. Если бы сейчас его увидели те люди, что молились вместе с ним в спиритуалистических церквях или благоговейно внимали ему на сеансах, где он демонстрировал величайшие способности духа, то они, вероятно, не смогли бы сдержать улыбки. При тусклом утреннем свете лицо его казалось болезненно бледным, а кудрявые волосы нелепой копной вздымались над высоким, говорящим об остром уме лбом. Распахнутый ворот ночной рубашки открывал массивную, бычью шею, а широкие грудь и плечи свидетельствовали о недюжинной силе. Он жадно поглощал завтрак, одновременно беседуя со своей черноглазой живой женошкой, присевшей на край постели. — Так ты считаешь. Мэри, что все прошло

неплохо?

— Сносно, Том. Там были двое, они всюду совали носы, вынюхивали и выпытывали. Называют себя учеными. Боюсь, в присутствии таких пройдох даже у библейских патриархов опустились бы руки. Какой уж тут союз сердец, о котором говорится в Библии.

— Ты абсолютно права! — в сердцах воскликнул Линден. — Герцогиня была довольна?

— Думаю, очень. И Аткинсон, хирург, тоже. Был еще новый гость, журналист Мелоун. Лорду и леди Монтнуар, а также сэру Джеймсу Смиту и мистеру Мейли явились их близкие.

— Не удалась часть вечера, посвященная ясновидению. В голову все время лезли их глупые мысли, вроде: Это наверняка мой дядя Сэм. Очень мешает.

— А они-то думали, что помогают. Таких людей много. Других сбивают с толку, а себя только обманывают.

— А вот в транс я вошел легко и рад, что материализация удалась. Но сил потерял много. Сегодня утром я как выжатый лимон.

— Да, тебе прилично досталось. Пожалуй, надо поехать в Маргит отдохнуть.

— Может, на Пасху удастся выкроить недельку. Хотелось бы. Чтение мыслей и ясновидение еще куда ни шло. А вот материализация меня очень изматывает. Но я еще не так плох, как Хэллоуз. Тот, говорят, после сеансов не может перевести дух и валится замертво на пол.

— Говорят, — с горечью подтвердила жена. — Его каждый раз отпаивают виски. Он уже не может обойтись без алкоголя, и скоро у нас будет еще один медиум-пьяница. Все наперед известно. Остерегайся этого, Том! — При нашей профессии нельзя употреблять крепкие напитки и лучше быть вегетарианцем. Но призывать к этому я не могу, потому что сам объедаюсь яйцами и беконом. Господи, Мэри! Уже больше десяти, а я жду утром нескольких клиентов. Надо немного подработать.

— Деньги прямо тают, Том.

— К чему нам лишние деньги? На жизнь есть — и хватит. Сядем на мель — о нас позаботятся.

— Потерявшие силу медиумы никому не нужны. О них быстро забывают. — Забывают богачи, а не настоящие спиритуалисты, — пылко возразил Том Линден. — Стыдно вспомнить, как некая леди или некая графиня, изливавшаяся в благодарности медиуму, даровавшему покой их душам, затем преспокойно давали ему умирать в канаве или гнить заживо в доме престарелых. Взять хотя бы бедного старину Твиди или несчастного



Сомса — жили на нищенскую пенсию, а газеты только и знают, что трезвонят на весь свет, что медиумы купаются в роскоши. Да любой фокусник со своими нелепыми трюками живет лучше нас!

— Не волнуйся, дорогой! — умоляла жена, ласково глядя Линдена по взлохмаченной гриве. — Со временем каждому воздается по заслугам. Линден засмеялся:

— Это во мне бушует валлийская кровь. Бог с ними! Пусть богатые жадничают, а фокусники гребут свои грязные деньги. Они все равно не умеют ими со вкусом распорядиться. Платят налог на наследство — вот и вся радость. Вот если бы у меня были их деньги...

В дверь постучали.

— Сэр, пришел ваш брат Сайлас.

Супруги сокрушенно обменялись взглядами.

— Еще и это, — грустно промолвила миссис Линден.

Линден пожал плечами:

— Успокойся, Мэри. Скажи, что я сейчас спущусь. Поди составь ему компанию, а я присоединюсь к вам через четверть часа.

Указанное время еще не истекло, а он уже вышел в гостиную, где обычно принимал посетителей, и сразу заметил, что разговор у жены с гостем не клеится. Сайлас Линден был крупным человеком могучего телосложения и чем-то неуловимо напоминал старшего брата, хотя в нем отсутствовали приветливость и добросердечие медиума, а в чертах лица читались жестокость и грубость. Голову украшала такая же копна густых волос, но тяжелая нижняя челюсть говорила об упрямстве. Он сидел у окна, сложив на коленях веснушчатые руки. Эти руки составляли главное богатство Сайласа Линдена: он был профессиональным боксером, грозой ринга, и одно время его называли одним из лучших в полусреднем весе. Но это осталось в прошлом, теперь он переживал тяжелое время, о чем свидетельствовали потертый твидовый пиджак и стоптанные ботинки. Впрочем, он нашел выход — тянул деньги с брата. — Салют, Том, — хрипло приветствовал он Линдена и, дождавшись, когда Мэри вышла из комнаты, шепнул: — Не найдется у тебя глотка виски? Голова раскальвается. Вчера встретил в Адмирале Верноне. корешей по клубу. Не видел их сто лет. Здорово кутнули!

— Прости, Сайлас, — ответил медиум, усаживаясь за рабочий стол, — но мы не держим в доме спиртное.

— Какой же ты спиритуалист без спиртного? — топорно сострил Сайлас. — Ладно, давай деньгами. Фунта достаточно — я совсем на мели. Том Линден достал из стола банкноту.

— На, возьми. Пока у меня есть деньги, я тебя не оставлю. Но на той неделе ты получил уже два фунта. Неужели все потратил? — До последнего пенса. Клянусь! — Сайлас положил деньги в карман. — Послушай, Том, хочу поговорить с тобой начистоту, как мужчина с женщиной. — Слушаю тебя, Сайлас.

— Вот, взгляни. — Боксер показал бугорок на руке. — Сместилась кость. Видишь? Теперь ничего не исправишь. Это случилось, когда я в третьем раунде нокаутировал Керли Дженкинса. Хотя лучше сказать, что я нокаутировал себя. И на всю жизнь. Что я теперь могу? Провести показательный бой и только. Для настоящего бокса уже не гожусь. Моя правая вышла из строя.

— Мне жаль, Сайлас.

— А мне как жаль! Но речь о другом. Мне нужно как-то зарабатывать на жизнь. А как? Что может делать бывший боксер? Работать вышибалой в ресторане? Нет уж, дудки! Ты расскажи мне лучше. Том, как стать медиумом? — Медиумом?

— Ну, что ты уставился? Если ты с этим справляешься, то я и давно. — Но ты не медиум.

— Слушай, оставь... Побереги пыл для газет. Мы свои люди. Лучше скажи, как ты проделываешь свои штучки?

— Но я ничего не проделываю...

— За ничего не платят четыре или даже пять фунтов в неделю. Не валяй дурака, Том. Меня не проведешь — не из тех я олухов, что платят денежки, чтобы посидеть часок в темноте. Здесь только ты и я. Ну, как ты это делаешь?

— Что это?

— Ну, хоть постукивания. Раз я видел, как ты, сидя за столом, задавал вопросы, а ответы через стук приходили откуда-то сверху, со стороны книжной полки. Как у тебя получаются такие фокусы?

— Повторяю тебе, я ничего не делаю! Все происходит само собой. — Тысяча чертей! Уж мне-то можешь сказать, Том. Буду нем, как рыба. Надо же мне зарабатывать себе на пропитание...

И тут, второй раз за утро, валлийский темперамент медиума дал о себе знать.

— Наглый, бесстыжий подонок! Вот такие, как ты, и позорят спиритизм. Неужели ты думал, что я обманываю людей? Вон из моего дома, неблагодарная свинья!

— Прошу без оскорблений! — прорычал вымогатель.

— Вон отсюда, а то не посмотри, что ты мой брат, и спущу с

лестницы! Сайлас стиснул кулаки, глаза его налились кровью. Но мысль о предстоящей выпивке несколько успокоила его.

— Ладно, уйду, — проворчал боксер и направился к двери. — И без твоей помощи обойдусь. — Но когда он стоял уже на пороге, обида вдруг перевесила в нем благоразумие. — Чертов лицемер! Жалкий фокусник! Я еще сравняюсь с тобой!

И он с силой захлопнул за собой дверь.

Миссис Линден вихрем ворвалась в комнату.

— Гнусный негодяй! — выкрикнула она. — Я слышала последние слова. Что ему от тебя надо?

— Просил сделать его медиумом. Думает, что это все — фокусы, и хотел научиться им.

— Глупец, но нет худа без добра. Теперь он не осмелится здесь показаться.

— Ты так думаешь?

— Да я просто не впущу его в дом. Так взволновать тебя! Ты весь дрожишь.

— Иначе я не был бы медиумом. Тут все дело в утонченности нервной системы. Кто-то сказал, что мы своего рода поэты. Но сейчас перед работой волнение некстати.

— Я успокою тебя.

Она положила натруженные руки на его лоб и немного подержала их там. — Теперь лучше, — сказал Линден. — Отлично, Мэри. Выкурю на кухне сигарету, и все будет в полном порядке.

— Кто-то идет, — заметила Мэри, глядя в окно. — Это женщина, ты примешь ее?

— Да, конечно. Мне уже хорошо. Проводи ее сюда.

Вскоре в комнату вошла женщина. Ее бледное, как смерть, лицо и траурная одежда говорили о постигшем ее горе. Линден жестом пригласил женщину сесть, а сам быстро просмотрел записи.

— Вы миссис Блаунт? Записаны на прием?

— Да... Я хотела спросить...

— Пожалуйста, никаких вопросов. Вы мне мешаете.

Он вглядывался в женщину по-особому, как вглядываются медиумы — казалось, взгляд его серых глаз устремлен мимо нее.

— Хорошо сделали, что пришли. Очень хорошо. Я вижу близкого вам человека, у него для вас срочное сообщение. Слышу... Фрэнсис... да, Фрэнсис.

Женщина заломила в отчаянии руки.

— Так его звали.

— Темноволосый мужчина, он печален и серьезен. Собирается что-то сказать вам. Это важно. Вот его слова: Мой колокольчик! Как это понимать? — Он так называл меня. О, Фрэнк, поговори со мной! Скажи еще что-нибудь!

— Он говорит, а его рука скользит по вашим волосам: Мой колокольчик! Если ты совершишь задуманное, между нами развернется пропасть, преодолевать которую мы будем долгие годы. Это вам что-нибудь говорит? Женщина вскочила на ноги.

— Все на свете. Визит к вам, мистер Линден, был моим последним шансом. Если бы он не удался и я бы поняла, что навсегда потеряла мужа, то отправилась бы вслед за ним. Сегодня вечером я собиралась выпить яд. — Слава Богу, что Он помог спасти вас. Лишить себя жизни — большой грех, сударыня. Поступая так, вы нарушаете закон природы, за этим обязательно следует возмездие. Какое счастье, что вашему мужу удалось успокоить вас. Он хочет еще кое-что добавить: Живи достойно, честно исполняй свой долг, а я всегда буду рядом, ближе, чем когда-либо в жизни. Буду охранять твой покой и трех наших детишек.

Перемена свершилась на глазах. Бледная, измученная женщина преобразилась — щеки зарделись, губы заулыбались. По ее лицу струились слезы, но это были слезы радости. Она хлопала в ладоши от счастья, и, казалось, вот-вот пустится в пляс.

— Он не умер! Не умер, иначе он не говорил бы со мной и не обещал быть ближе, чем при жизни. Чудесно! О, мистер Линден, я обязана вам всем! Вы вернули мне мужа! Вы спасли меня от позорной смерти. Какой же божественной силой вы наделены!

У медиума с его тонкой нервной организацией глаза тоже были мокры от слез.

— Моя дорогая, ни слова больше. Я здесь ни при чем. Возблагодарите Бога, который в своей бесконечной доброте позволил вашему мужу послать о себе весточку. А мой гонорар — всего лишь гинейя, если для вас это не много. Приходите сюда в любой день, если будет нужда.

— Теперь я буду смиренно нести свой крест, — проговорила женщина, всхлипывая и утирая слезы, — и честно исполнять свой долг, пока Бог не призовет меня и мы не соединимся наконец с мужем.

Вдова ушла, а Том Линден почувствовал, как неприятный осадок, оставшийся после визита брата, постепенно проходит, вытесняемый светлым радостным чувством, ибо нет в жизни большего счастья, чем возможность помочь ближнему. Не успел он вновь усесться в кресло, как

вошел новый посетитель. Это был щегольски одетый светский человек в белоснежной рубашке и сюртуке, с озабоченным видом человека, у которого расписана каждая минута.

— Вы, полагаю, мистер Линден? Много наслышан о ваших способностях. Говорят, вы можете по предмету составить представление о его владельце. — Иногда удается. Но точно ручаться на могу.

— Давайте все же попробуем. Сегодня утром я получил письмо и принес его сюда. Хотелось бы попросить вас испытать на нем вашу силу. Медиум взял сложенное письмо и, откинувшись в кресле, приложил его ко лбу. Минуту или две он держал глаза закрытыми. Затем вернул письмо владельцу.

— Мне оно не нравится, — сказал он. — Ощущаю скрытое зло. Вижу мужчину в белом костюме. Лицо загорелое. Что-то пишет на столе из пальмового дерева. Жарко. Письмо из тропиков.

— Да, из Центральной Америки.

— Больше ничего сказать не могу.

— Неужели духи так мало знают? Я полагал, им ведомо все. — Далеко не все. Их знания и поле действия ограничены так же, как и у людей. К тому же ваша просьба относится к области психометрии, не имеющей к духам прямого отношения.

— Но дело не исчерпывается этим. Мой корреспондент хочет видеть меня партнером в буровых работах. Мне надо знать — соглашаться или нет? Том Линден покачал головой.

— Сила дается медиумам для утешения страждущих и для доказательства бессмертия человека. Она не может использоваться в корыстных целях. В противном случае несдобровать ни медиуму, ни клиенту. Поэтому позвольте мне не отвечать на ваш вопрос.

— Деньги для меня не имеют значения, — сказал мужчина, вытаскивая бумажник из бокового кармана.

— Не в этом дело, сэр. Я не богат, но поступать против совести не буду.

— Какой тогда прок от вашего дара? — спросил гость, поднимаясь. — Проповедь я могу выслушать и в церкви от священника, который, в отличие от вас, имеет на это право. Вот ваша гинья, хоть вы ее и не заслужили. — Простите, сэр, я не могу нарушить правило... Пойдите, я вижу рядом с вами даму, прямо за левым плечом... пожилую даму.

— Да хватит, — с досадой отмахнулся финансист, направляясь к двери. — На груди у нее медальон с изумрудным крестом.

Мужчина остановился и с удивлением посмотрел на медиума. —

Откуда вы это узнали?

— Просто вижу.

— Послушайте, старина, точно такой медальон носила моя покойная мать. Вы хотите сказать, что видите ее?

— Теперь уже нет. Она исчезла.

— Как она выглядела? Что делала?

— Она все повторяла, что была вашей матерью. И горько плакала при этом.

— Плакала? Моя мать? Но если она где-то есть, то только на небе. Там не плачут.

— Это мы так думаем. На самом деле плачут. Но только из-за нас. Она просила вам кое-что передать.

— Валяйте.

— О, Джек! Милый Джек! Ты навсегда уходишь от меня!

Мужчина презрительно отмахнулся.

— Жалею, что, записываясь на прием, сказал свое настоящее имя. Свалял дурака, каюсь. Вы, конечно, навели справки. Но вам меня не надуть. С меня хватит! Сыт по горло!

Второй раз за утро разгневанный гость хлопнул входной дверью. — Ему не понравились слова матери, — объяснил Линден жене. — Бедняжка! Она так страдает из-за сына. Господи! Если бы только люди знали правду, это принесло бы больше пользы, чем все церковные службы и церемонии.

— Не твоя вина, Том, что грешники заблуждаются. Кстати, тебя ждут еще две женщины. У них нет рекомендательного письма, но, может быть, ты примешь их — они выглядят такими убитыми.

— У меня разболелась голова. Никак не отойду после вчерашнего вечера. Здесь мы с Сайласом похожи, он тоже наутро после матча не в своей тарелке. Ладно, приму уж этих женщин — грех отсылать людей ни с чем, тем более в горе. Но больше не приму никого.

В комнату вошли две женщины в строгих черных платьях, старшей — с суровым лицом — было около пятидесяти, другой — вдвое меньше. — Вы берете гинею за визит? — спросила та, что постарше, кладя деньги на стол.

— Только с тех, кто может себе это позволить, — ответил Линден. Частенько он сам совал деньги бедным клиентам.

— Я могу, — сказала женщина. — У меня несчастье, и мне сказали, что только вы можете помочь моему горю.

— Сделаю все, что смогу. Это мой долг.

— Я потеряла на войне мужа. Могу я вступить с ним в контакт? — Его

нет рядом с вами. Я его не вижу. Мне очень жаль, но не все в моей власти... Вот мелькнуло имя. Эдуард. Его так звали? — Нет.

— Альберт?

— Нет.

— Простите, ничего не выходит. Возможно, пересеклись поля, спуталась вибрация. Так иногда бывает.

— А имя Педро не поможет вам?

— Педро? Педро! Нет, не помогает. Он пожилой человек? — Нет.

— Ничего не ощущаю.

— Я хотела получить совет по поводу дочери. Муж наверняка посоветовал бы мне что-нибудь путное. Она помолвлена с молодым человеком, механиком по профессии, но меня кое-что смущает. Не знаю, как и поступить. — Посоветуйте, что нам делать, — попросила молодая женщина, пристально глядя на медиума.

— С радостью, дорогая. Не знаю только, смогу ли я... Вы любите этого человека?

— Он славный.

— И только? Больше вы ничего не можете сказать? Тогда советую не спешить с замужеством. Такой брак не принесет счастья.

— Вы сомневаетесь в прочности этого союза?

— Все может быть. Надо остерегаться.

— А у нее появится еще кто-нибудь?

— Каждый когда-нибудь встречает своего супруга.

— Значит, она выйдет замуж?

— Обязательно.

— А настоящая семья у меня будет? — спросила девушка. — Этого сказать не могу.

— А деньги... Будут у нее деньги? Мы совсем пали духом, нам много не надо...

То, что за этим последовало, было неожиданно для всех. Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась побелевшая от ярости миссис Линден. — Они из полиции, Том. Меня только что предупредили. Убирайтесь прочь, жалкие лицемерки. Какая же я дура! Как я могла вам поверить! Женщины встали.

— Вы опоздали, миссис Линден, — сказала старшая. — Мы уже отдали деньги.

— Заберите их! Заберите! Они еще лежат на столе.

— Нет. Деньги вручены, судьба предсказана. Как вы понимаете, мистер Линден, дело этим не ограничится.

— Гнусные лгуны! И вы еще говорите об обмане, хотя сами лжете всю жизнь. Он принял вас только из сострадания.

— Нечего нас оскорблять. Мы выполняем свой долг. Колдовство и предсказание судьбы карается по закону. Его еще никто не отменял. О случившемся мы доложим в полиции.

Том Линден оцепенел, сраженный этим внезапным ударом из-за угла, но когда женщины-полицейские покинули комнату, все же нашел в себе силы обнять и успокоить плачущую жену.

— Я только что получила записку от машинистки из полицейского участка, — всхлипывала она. — Ведь это уже во второй раз, Том. Они посадят тебя в тюрьму и заставят выполнять трудную и тяжелую работу. — Успокойся, дорогая. Мы-то с тобой знаем, что я не сделал ничего дурного, только следовал Божьей воле. Надо смиренно принимать удары судьбы.

— Но твои духи-покровители? Как могли они допустить? Где был твой наставник?

— Да, Виктор, где ты был? — Том Линден укоризненно покачал головой. — Я тобой недоволен. Ты ведь знаешь, дорогая, — прибавил он, — как трудно врачу лечить себя. Точно так же и медиум бессилён, когда дело касается лично его — так устроен мир. И тем не менее все могло сложиться иначе. У меня было какое-то странное предчувствие. Вдохновение отсутствовало. Я что-то вымучивал из себя, пытаюсь помочь несчастным людям. Глупая жалость! Нужно было тут же расстаться с ними. Ничего, Мэри, надо смириться и терпеливо ждать. Может, не наскребут криминала, а может, судья окажется поумнее прочих. Будем надеяться на лучшее. — Как медиум ни крепился, он не смог скрыть от жены волнение и нервную дрожь. Прижав мужа к себе, она как могла успокаивала его, когда ничего не подозревающая служанка Сьюзен ввела в комнату нового посетителя.

— Медиум не может вас принять, — сказала миссис Линден. — Он болен. Прием окончен.

Но Линден узнал гостя.

— Это мистер Мелоун из Дейли-газетт, дорогая. Он присутствовал вчера на сеансе. Кажется, все прошло неплохо?

— Великолепно! — ответил Мелоун. — Но я вижу, у вас что-то стряслось? Супруги поведали журналисту о свалившемся на них несчастье. — Грязная история, — произнес с отвращением Мелоун. — Общественность не знает, к каким приемам прибегает полиция, иначе разразится скандал. Агенты-провокаторы — это что-то новенькое в английском правосудии. Ясно одно: вы, Линден, настоящий медиум. Закон



же преследует только самозванцев.

— Согласно английскому законодательству, все медиумы — мошенники, — грустно промолвил Линден. — Те, у которых что-то получается, раздражают законников больше всего. Если ты медиум и берешь за свои услуги деньги, значит, ты преступник. Но скажите, на что жить медиуму, если он не будет брать денег? Ведь это его единственное дело, которому он отдает все свои силы. Нельзя весь день плотничать, а вечером, как по мановению волшебной палочки, становиться первоклассным медиумом.

— Порочный закон! Он как бы специально отмечает всякую возможность доказать существование спиритических сил.

— Именно так! Сам дьявол не составил бы его лучше. Закон предназначается для защиты населения от вымогательств, но, насколько я знаю, никто и никогда в суд по этому поводу не обращался. Все дела сфабрикованы полицией. А ведь полиция так же хорошо, как вы или я, знает, что ни одно благотворительное мероприятие, проводимое церковью, не обходится без ясновидца или предсказателя.

— Все это чудовищно! Что теперь будет?

— Думаю, придет повестка в суд. Потом — судебный процесс. Ну, а в результате — штраф или тюремное заключение. Ведь меня привлекают уже во второй раз.

— Ваши друзья выступят на суде свидетелями, а мы постараемся найти вам хорошего защитника.

Линден пожал плечами.

— Никогда не знаешь, кто твой настоящий друг. Беда пришла — всех как ветром сдует.

— За себя ручаюсь, — пылко сказал Мелоун. — Держите меня постоянно в курсе событий. Но я пришел по другому поводу. Мне хотелось задать вам один вопрос.

— Простите, но я, правда, не в форме, — Линден протянул вперед и показал журналисту дрожащую руку.

— Вы меня не поняли. Ничего, имеющего отношения к ясновидению. Меня интересует, помешает ли нормальному течению сеанса присутствие на нем убежденного скептика?

— Не обязательно, но явно усложнит. Впрочем, если он будет себя вести разумно и спокойно, результата можно добиться. Однако обычно такие люди — круглые невежды в спиритизме, они не соблюдают необходимые условия и разрушают контакты. Как-то к нам пришел доктор Шербанк. Когда раздалось постукивание, он вскочил, приложил руку к

стене и громко потребовал: Ну, а теперь постучите по моей руке. Так как за этим ничего не последовало, он объявил все это чистой воды шарлатанством и гордо покинул комнату. Почему-то эти скептики не могут понять, что в спиритизме, как и везде, есть свои законы.

— Человек, которого я имел в виду, тоже может выкинуть что-нибудь подобное. Я говорю о профессоре Челленджере.

— Слышал о нем. Тяжелый случай.

— Вы разрешите ему присутствовать на вашем сеансе?

— Если вы этого хотите.

— Но учтите, он не поедет ни к вам, ни в другое место по вашему выбору. Ему там будут мерещиться всякие проволочки, шарниры и тому подобные устройства. Вам придется самому приехать в его загородный дом. — Если это поможет его обращению, я согласен.

— Какой день вас устроит?

— Теперь только после окончания этой жуткой истории. Сколько она может продлиться? Месяц, два.

— Я буду держать с вами связь. Когда все благополучно закончится, мы подумаем, как лучше всего убедить профессора в честности и реальности творимого вами. Смогли же вы обратить меня. И позвольте выразить свое искреннее сочувствие в связи с обрушившимся на вас несчастьем. Мы создадим комитет ваших сторонников и сделаем все, что сможем.

## Глава VII В КОТОРОЙ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ПРЕСТУПНИК НАКАЗЫВАЕТСЯ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЗАКОНА

Прежде чем перейти к описанию дальнейших приключений наших героев на стезе спиритуализма, будет небезынтересно узнать, что уготовил английский закон таким злоумышленникам, как Том Линден.

Торжествующие полицейские леди вернулись в участок на Бредли-сквер, где их с нетерпением поджидал пославший женщин на задание инспектор Мерфи. Это был жизнерадостный, пышущий здоровьем мужчина с румяным лицом и черными усами; с женщинами он держался приветливо, но несколько по-отечески, что не соответствовало ни его возрасту, ни исходящей от него мужской силе. Он сидел за столом, заваленным деловыми бумагами. — Ну как, девочки, можно поздравить? — поинтересовался он у вошедших женщин.

— Рыбка клюнула, мистер Мерфи, — ответила старшая. — Мы раздобыли нужные улики.

Инспектор взял со стола бумагу, где были перечислены вопросы, которые нужно было задать медиуму.

— Вы придерживались предложенной мной линии поведения? — Да. Я сказала, что мой муж погиб.

— А он что?

— Посочувствовал.

— Так и было задумано. Скоро ему придется сочувствовать самому себе. Он ведь не сказал, что вы одиноки и никогда не были замужем? — Нет.

— Очко не в его пользу. Суд несомненно это учтет. Что еще? — Путался в именах. Называл неведомо кого.

— Отлично.

— Поверил, что мисс Беллинджер — моя дочь.

— Превосходно. О Педро шла речь?

— Он подумал немного и сказал, что это имя ему ничего не говорит. — Жаль. Но все-таки он не догадался, что Педро — ваша овчарка. И то, что поразмышлял над именем, вернее, кличкой, неплохо. Суд это рассмешит, и

он вынесет обвинительный приговор. А как там насчет предсказаний судьбы? Здесь вы тоже последовали моему совету?

— Да, я спросила про жениха Эми. Он не сказал ничего определенного. — Хитрый черт! Знает свое дело.

— Но прибавил, что в этом браке она будет несчастлива. — Вот это лучше! Из этого уже можно кое-что извлечь. Садитесь-ка и пишите по свежим следам рапорт. А потом почитаем его вместе и поразмыслим, как все представить в выгодном для нас свете.

— Хорошо, мистер Мерфи.

— Тогда мы сможем добиваться ордера на арест. Многое зависит от того, кто будет вести дело. Известно, например, что в прошлом месяце судья Даллерт оправдал одного медиума. Такой судья нам не нужен. Судья Лансинг сам спиритуалист. Зато мистер Мерлоуз — последовательный материалист. Нужно постараться, чтобы наше дело рассматривал именно он. Подсудимого должны признать виновным.

— Думаю, публика, присутствующая на процессе, поддержит нас. Инспектор рассмеялся:

— На самом деле все происходит наоборот. Мы стремимся защитить население от этих мошенников, но сами-то люди никогда не просят нас об этом. Жалобы на медиумов не поступают. Только мы, по мере своих сил, стараемся соблюдать закон. Пока он существует, его надлежит исполнять. Ну, за работу, девочки! Мне нужен рапорт к четырем часам.

— А вознаграждение будет? — спросила старшая, улыбаясь. — Всеу свое время. Если штраф не превысит двадцати пяти фунтов, все пойдет в полицейский фонд, но, думаю, он будет побольше. Ладно, посмотрим, а сейчас идите.

На следующее утро перепуганная горничная пулей влетела в скромный кабинет Линдена:

— Сэр, там пришел офицер.

За ней, тяжело ступая, вошел мужчина в синей форме.

— Это вы Линден? — спросил он и, вручив сложенный вдвое листок, удалился.

Перепуганным супругам, которые всю свою жизнь только тем и занимались, что утешали страждущих, теперь было впору утешать друг друга. Мэри ласково обняла мужа, и они приступили к чтению безрадостного документа:

Томасу Линдену, Туллис-стрит, 40.

Согласно донесению инспектора полиции Патрика Мерфи, вы, Томас Линден, 10 ноября в своем доме предсказывали судьбу Генриетте Дрессер и

Эми Беллинджер, тем самым обманывая подданных Его Величества и нанося им ощутимый вред. Вам надлежит явиться в полицейский участок Бардсли в следующую среду, 17 числа, к одиннадцати часам утра и держать ответ перед судом за содеянное.

Документ датирован 10 ноября.

Подпись — Б. Дж. Уитерс.

В этот же день Мейли и Мелоун, встретившись в редакции, тщательно изучили это послание, а затем отправились вместе к опытному адвокату Саммервею Джонсу, относящемуся серьезно к спиритическим явлениям. Он слыл также большим любителем охоты верхом с собаками, отлично боксировал и когда появлялся в затхлых судебных помещениях, то, казалось, с ним вместе врывался свежий воздух. Читая документ, он удивленно поднял брови. — Бедняга влип, — наконец произнес он. — Хорошо еще, что вначале прислали повестку. Могли бы сразу заявиться с ордером на арест. Обычно они так и поступают: уводят человека с собой, сажают на ночь в кутузку, а наутро судят. И никакого тебе защитника. Судью, конечно, выбирают из католиков или материалистов. Согласно же указу главного судьи Лоренса — первому указу, если я не ошибаюсь, который он подготовил, вступив в эту должность, — деятельность медиума или колдуна является противозаконной вне зависимости от результата. Защите просто не на что опереться. По сути, все это — преследование по религиозным мотивам плюс полицейский шантаж. Простым людям от этого указа ни холодно ни жарко. А что он им дает? Если они не хотят ничего знать о своем будущем, то просто не идут к медиуму. Подобные законы — абсолютный идиотизм и позор для нашего правосудия. — Я напишу об этом, — сказал Мелоун, в котором снова разыграл кельтский темперамент. — Не расскажете ли вы подробнее о таких законах? — Есть два закона, один хуже другого, и оба существовали задолго до того, как мир впервые услышал о спиритизме. Закон о колдунах был принят при Георге Втором; он настолько нелеп, что к нему прибегают только в крайних случаях. Есть еще Закон о бродяжничестве от 1824 года, направленный против странствующих цыган и никогда не предназначавшийся для подобных дел. — Адвокат порылся в бумагах. — Самое неприятное то, что оба эти закона можно связать между собой. Вот послушайте: Лица, занимающиеся предсказанием судьбы или прибегающие к другому способу или средству вводящим в обман и наносящим ущерб подданным Его Величества, считаются мошенниками и бродягами..... И так далее. В соответствии с этими законами можно было бы задушить все раннехристианское движение, к чему так стремились римляне.

— Хорошо еще, что львов нет под рукой, — сказал Мелоун. — Зато шакалов хватает, — отозвался Мейли. — Вполне в духе времени. Но что же нам все-таки делать?

— Если бы я знал, — задумчиво протянул адвокат, почесывая затылок. — Безнадежное дело.

— Черт побери! — воскликнул Мелоун. — Не можем же мы так просто сдаться. Ведь он же честный человек!

Мейли крепко пожал журналисту руку.

— Не знаю, считаете ли вы уже себя спиритуалистом, — сказал он, — но вы именно тот человек, который нам нужен. Среди нас много малодушных, которые чуть ли не молятся на медиума, когда дела идут хорошо, и покидают его при первых же признаках беды. Слава Богу, среди нас есть и стойкие приверженцы, такие, как Брукс, Родвин, сэр Джеймс Смит. Человек сто-двести наберется.

— Вот как! — обрадовался адвокат. — В таком случае можно попытаться отделаться штрафом.

— А как насчет королевского адвоката?

— Он не станет выступать. Предоставьте защиту мне: полагаю, я это сделаю не хуже другого, а расходы снизятся.

— Мы согласны. И знайте, за нас многие.

— А мне ничего не остается, как поднять вокруг процесса шум, — заявил Мелоун. — Я верю в здравый смысл англичан. Среди них бывают и тугодумы, и просто недалекие люди, но основа у них крепкая. Если им открыть глаза, они не потерпят несправедливости.

— Что ж, попробуйте сделать слепых зрячими, — скептически отозвался адвокат. — Я, со своей стороны, тоже обещаю сделать все возможное. Поживем — увидим.

И вот наступило то роковое утро, когда Линден оказался на скамье подсудимых, лицом к лицу с аккуратно и даже несколько щеголевато одетым мужчиной средних лет, мощные челюсти которого заставляли тут же подумать о несчастных зверьках, угодивших в мышеловку. Это был полицейский судья Мелроуз. Его приговоры в отношении гадалок и прочих предсказателей отличались особой суровостью, хотя во время перерывов он с особым интересом просматривал их спортивные прогнозы: судья обожал скачки, и на ипподроме уже примелькался его желтовато-коричневый пиджак и щегольская шляпа. По тому, как угрюмо посмотрел он на лежащие перед ним бумаги, а затем на обвиняемого, было ясно: судья не в духе. Миссис Линден сидела в непосредственной близости от мужа, стараясь, уловив момент, погладить его по руке. Зал был переполнен: сюда

пришли многие клиенты медиума, чтобы выразить ему сочувствие.

— Есть ли защитник у обвиняемого? — спросил мистер Мелроуз. — Да, ваша честь, — ответил Саммервей Джонс. — Могу я до начала заседания сделать одно заявление?

— Если считаете нужным, мистер Джонс.

— Я убедительно прошу вас вынести одно постановление до рассмотрения дела. Мой клиент — не бродяга, а уважаемый член общества, имеющий свой дом и исправно платящий налоги и сборы. Его обвиняют по четвертому пункту Закона о бродяжничестве от 1824 года, который так и называется: Закон о наказании празднующихся лиц, нарушителей общественного покоя, мошенников и бродяг. Из текста видно, что закон направлен против расплодившихся тогда в великом множестве цыган и прочего сброда, не подчинявшихся общепринятым нормам поведения. Прошу Вашу честь принять постановление о том, что мой клиент не относится к категории лиц, подлежащих наказанию по этому пункту.

Судья покачал головой:

— Боюсь, мистер Джонс, что судебная практика значительно расширила толкование этого Закона. А теперь попрошу судебного поверенного, выступающего от лица комиссара полиции, представить суду доказательства преступления обвиняемого.

Плотный человек с бакенбардами неуклюже вскочил со своего места и хрипло выкрикнул:

— Приглашается Генриетта Дрессер!

Пожилая чиновница выросла на свидетельском месте мгновенно, как из-под земли — рвения к службе ей было не занимать. В руках она держала раскрытую записную книжку.

— Вы служите в полиции?

— Да, сэр.

— Как мне известно, вы следили за домом обвиняемого еще за сутки до вашего визита?

— Да, сэр.

— Сколько людей вошло в дом?

— Четырнадцать, сэр.

— Ага, четырнадцать. И с каждого обвиняемый берет, если не ошибаюсь, гинею?

— Да.

— Семь фунтов в день! Неплохо, если учесть, что многие честные труженики довольствуются пятью шиллингами.

— Но это были торговцы! — выкрикнул Линден.

— Прошу не перебивать! Вы и так натворили всего предостаточно, — строго оборвал судья.

— Итак, Генриетта Дрессер, — продолжал обвинитель, поправляя пенсне, — что же случилось с вами в доме обвиняемого?

Женщина зачитала свой отчет, который в целом правильно отражал события. Она одинока, но медиум поверил, что у нее есть муж. Он путался в именах и был явно в замешательстве. Медиуму назвали имя Педро, но он не догадался, что это кличка собаки. Наконец его спросили о будущем ее так называемой дочери, и он предсказал, что ее ждет несчастливое замужество. — У вас есть вопросы, мистер Джонс? — спросил судья. — Вы пришли в дом подсудимого как страждущий человек, ищущий утешения? И он пытался помочь вам?

— Можно сказать так.

— Вы выражали при этом глубокую скорбь?

— Пыталась.

— А вам не кажется, что вы лицемерили?

— Я исполняла свой долг.

— Не показалось ли вам, что обвиняемый излучал какую-то особую психическую энергию? — задал вопрос обвинитель.

— Нет, он производил впечатление вполне обычного человека. Следующей пригласили Эми Беллинджер. Она тоже держала в руке записную книжку.

— Ваша честь, позвольте поинтересоваться, допустимо ли, что свидетельницы зачитывают свои показания? — спросил у судьи Джонс. — А что тут такого? — возразил судья. — Нам ведь нужны факты. — Нам-то нужны. А вот мистеру Джонсу, по-видимому, нет, — вмешался обвинитель.

— Это сделано с явной целью, чтобы свидетельства обеих женщин совпадали, — сказал Джонс. — Я утверждаю, что их показания тщательно подготовлены и выверены.

— Естественно. Ведь полиция сама занималась этим делом, — сказал судья. — Не вижу повода для вашего недовольства, мистер Джонс. Слушаем вас, свидетель.

Молодая женщина повторила слово в слово показания старшей коллеги. — Вы задавали вопросы, касающиеся вашего жениха? Но ведь у вас его нет? — спросил Джонс.

— Нет.

— Значит, вы все время лгали?

— С благой целью.

— Вы считаете, что цель оправдывает любые средства?



— Я действовала согласно инструкции.

— Вы получили ее заранее?

— Нам дали соответствующие указания.

— Мне кажется, — вмешался судья, — что служащие полиции предельно ясно представили дело. У вас есть свидетели со стороны защиты, мистер Джонс?

— В зале суда присутствуют многие их тех, Ваша честь, кому помог дар подсудимого. Здесь находится женщина, которую, по ее словам, он спас в то утро от самоубийства. Другой человек был убежденным атеистом, не верящим в будущую жизнь. Но приобретенный с помощью подсудимого духовный опыт полностью изменил его представления о мире. Перед вами могут выступить известные ученые и писатели, которые подтвердят наличие у подсудимого экстрасенсорных способностей.

Судья покачал головой:

— Вам должно быть известно, мистер Джонс, что такого рода свидетельства не принимаются во внимание. Как гласит постановление лорда Главного Судьи, законодательство страны не признает существование спиритизма, ясновидения и прочих подобных вещей, а если с их помощью у населения выманиваются деньги, то такой род деятельности считается преступным. Поэтому показания ваших свидетелей не будут учтены судом и приведут лишь к излишней трате времени. Но я готов выслушать все ваши соображения, которыми вы сообразовали поделиться с нами теперь, когда обвинитель уже высказался.

— Хотелось бы обратить внимание Вашей чести на то, что согласно этому указу можно осудить и святого, ведь и ему надо на что-то жить и, следовательно, откуда-то получать деньги.

— Хочу напомнить вам, мистер Джонс, — сурово ответил судья, — что апостольские времена миновали, а королевы Анны нет в живых. Такого рода аргумент не делает чести вашему уму. Если вам нечего прибавить, то продолжим заседание.

Ободренный словами судьи прокурор произнес небольшую энергичную речь, размахивая пенсне с таким пылом, что, казалось, хотел сокрушить все претензии невидимых духов. Он красноречиво описал нищету рабочего класса, контрастирующую с роскошью бездельников, обманом вымогающих у трудящихся их жалкие гроши. Если бы эти лжепророки хоть обладали подлинным даром! Так ведь нет. Эти две женщины, безукоризненно выполнив свой профессиональный долг, ничего не получили за свой деньги, кроме нелепой болтовни. А кто может поручиться, что так же не обошлись и с другими доверчивыми людьми?

Этих паразитов становится все больше, они извлекают выгоду даже из горя родителей, потерявших детей, — пора, давно пора устроить показательный процесс и примерно наказать одного, чтобы устроить других. Пора этим мошенникам заняться честным трудом, пусть неповадно им будет обманывать простых людей!

Мистер Джонс тоже был на высоте. Начал он с того, что еще раз подчеркнул, что оба закона совершенно не подходят к данному случаю. (Это мы уже слышали, — рявкнул судья.) Заслуживает осуждения и способ добывания информации. Ее предоставили агенты-провокаторы, которые, коль скоро совершено преступление, должны считаться его подстрекателями и соучастниками. Денежные штрафы часто использовались в прямых интересах полиции.

— Надеюсь, мистер Джонс, вы не подвергаете сомнению честность работников полиции?!

Мистер Джонс заявил в ответ, что полицейские тоже люди, их стремление действовать себе во благо вполне естественно и что все эти дела высосаны из пальца. От самих граждан никогда не поступали жалобы на медиумов и просьбы о защите. В каждой сфере деятельности есть нечестные люди, и, если кто-то заплатил гинее медиуму, оказавшемуся жуликом, он находится в том же положении, что и человек, купивший на бирже акции липовой компании. В то время как полиция тратит время, посылая к медиумам своих агентов, проливающих крокодиловы слезы по якобы почившим родственникам, повсюду безнаказанно вершатся жестокие злодеяния. А иной раз законники закрывают глаза на свои же правила. Насколько ему известно, ни один пикник, ни одно торжество работников полиции не обходится без гадалки или хироманта. Адвокат напомнил суду, как несколько лет назад Дейли мейл. объявила поход против разного рода предсказателей. На одном судебном разбирательстве защитник вызвал для дачи свидетельских показаний владельца газеты, покойного лорда Нортклиффа, великого в своем роде человека, и доказал, что в другом печатном органе, принадлежащем тому же хозяину, есть постоянная рубрика хироманта, причем гонорар за публикации делится поровну между предсказателем и редакцией. Мистер Джонс подчеркнул, что этими экскурсами в прошлое он ни в коей мере не ставит целью опорочить память достойного человека, а только приводит пример абсурдности таких законов. К какому бы выводу ни пришел сейчас суд, неоспоримо одно: многие разумные и уважаемые члены общества относятся к спиритизму как к замечательному проявлению духовной энергии, способной помочь людям. И разве не прискорбно, что в наш материалистический век закон с

такой силой обрушивается на то, что могло бы способствовать возрождению человечества? Что же касается лживых заявлений свидетельниц и того, что медиум их не распознал, то следует знать, что для получения правильных результатов должны быть истинные предпосылки: обман же неизбежно создает путаницу. Это непреложный закон спиритизма. Если члены суда хоть на время попытаются встать на спиритуалистическую точку зрения, им самим покажется смешным ожидать, что высшие духовные силы снизойдут до того, чтобы отвечать на вопросы двух корыстных и лицемерных обманщиц.

Таковыми были основные позиции речи защитника, которая исторгла у миссис Линден слезы, а судебного клерка погрузила в глубокий сон. Судья же, ничтоже сумняшеся, подвел итог.

— Ваша речь, мистер Джонс, направлена против закона, отменить который я не в силах. Более того, я его представляю и, должен заметить, поддерживаю. Люди, подобные обвиняемому, всходят на теле больного общества как грибы-паразиты, и всякая попытка сравнивать этих вульгарных личностей со святыми людьми прошлого, находя у них те же достоинства, должна решительно пресекаться всеми здравомыслящими людьми.

Что касается вас, Линден, — добавил он, сурово глядя на обвиняемого, — боюсь, что вы неисправимы: предыдущие взыскания никак на вас не подействовали. Поэтому и приговариваю вас к двум месяцам принудительных работ без права замены их штрафом.

Миссис Линден издала горестный вопль.

— Прощай, дорогая, не терзай себя, — проговорил медиум, не спуская с нее глаз.

Минуту спустя его уже увели в камеру.

Саммервей Джонс, Мейли и Мелоун встретились в холле, и Мейли вызвался проводить домой убитую горем женщину.

— Что он такого сделал? Ничего, кроме добра, — рыдала она. — Во всем Лондоне не найдешь человека лучше.

— И пользы от него больше, чем от любого другого, — добавил Мейли. — Да все церковное руководство во главе с архиепископами не сможет убедительнее доказать наличие Высшего Разума или быстрее привести к вере атеиста.

— Позор! Какой позор! — горячился Мелоун.

— А как вам понравилось определение вульгарные личности? Смешно, — сказал Джонс. — Неужели он думает, что первые апостолы отличались отменными манерами? Ладно, теперь уж ничего не поделаешь.

Я сделал все, что мог. Надежды почти не было — предчувствия меня не обманули. Только потеряли время.

— А вот и нет, — сказал Мелоун. — В зале суда были репортеры, и многие из них совсем не дураки. Они напишут о свершившейся несправедливости, и зло станет достоянием гласности.

— Вряд ли, — заметил Мейли. — Пресса безнадежна. На ней лежит большая ответственность, но журналисты об этом как будто не догадываются. Уж я-то знаю. Не раз обжигался.

— Я, во всяком случае, напишу все как есть, — сказал Мелоун. — И, надеюсь, другие тоже. В прессе работают более независимые и умные люди, чем вы думаете.

Но прав оказался все-таки Мейли. Проводив домой миссис Линден и оказавшись снова на Флит-стрит, Мелоун купил Плэнет. Раскрыв газету, он увидел набранный крупным шрифтом сенсационный заголовок:  
ШАРЛАТАН В ЗАЛЕ СУДА

Собаку принимают за человека

Кто такой Педро?

Заслуженное наказание

Журналист скомкал газету.

«Неудивительно, что спиритуалисты обижаются,» — подумал он. —  
«У них есть все основания.»

## Глава VIII В КОТОРОЙ ТРОЕ СМЕЛЬЧАКОВ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ТЕМНЫМ ДУХОМ

Сразу же по возвращении с охоты в джунглях Центральной Африки лорд Рокстон отправился в Альпы и совершил там несколько рискованных восхождений, изумивших всех, кроме него самого.

— Альпы теперь ничем не отличаются от светских салонов, — жаловался он. — Только на Эвересте еще можно наслаждаться одиночеством. Его появление в Лондоне было отмечено обедом, данным в его честь Обществом охоты на крупных диких зверей в ресторане Тревеллер. Обед был неофициальным, и потому журналисты на нем не присутствовали, но речь лорда Рокстона и так навсегда запечатлелась в памяти присутствующих. Минут двадцать он терзался, мучимый стыдом, выслушивая высокопарную речь президента, и понемногу приходил в состояние, среднее между бешенством и крайним замешательством — оно непременно овладевает британцем, когда его прилюдно хвалят. Его собственная речь состояла из восклицаний типа Послушайте! Клянусь Юпитером!, Вот так!, после чего он снова сел, совершенно мокрый от волнения.

О возвращении Рокстона Мелоун узнал от редактора отдела новостей, Мак-Ардла, старого ворчуна, у которого — от многолетней работы на труднейшем посту — среди рыжей гривы все явственней проступала лысина. У него сохранился потрясающий нюх на сенсации, потому-то в одно прекрасное зимнее утро он и пригласил к себе в кабинет Мелоуна. Вертя в руках длинную стеклянную трубку, служившую ему мундштуком, редактор подслеповато посматривал сквозь большие круглые очки на своего подчиненного. — Вы знаете, что лорд Рокстон вернулся в Лондон?

— Нет.

— Так вот. Знайте. Вам, конечно, известно, что на последней войне он был ранен. Возглавлял небольшую колонну войск в Восточной Африке и успешно вел свою маленькую войну, пока не получил ранение в грудь, которое свалило бы и слона. С тех пор он успел выздороветь, иначе не лазал бы так лихо по горам. Этот лорд — сам дьявол в человеческом облике и всегда выкидывает что-нибудь новенькое.

— И что на этот раз? — поинтересовался Мелоун, поглядывая на

листок бумаги в руках Мак-Ардла.

— Он вторгается в вашу область. Не поохотиться ли вам на этот раз вместе? Может получиться интересный материал. Вот взгляните на это сообщение в Ивнинг стандарт.

Редактор протянул журналисту газету. В заметке говорилось: Судя по оригинальному объявлению, помещенному в колонке текущих событий, наша знаменитость лорд Джон Рокстон, третий сын герцога Помфрета, возжелал новых приключений. Ему наскучили спортивные подвиги на нашей грешной земле, и теперь он жаждет погрузиться в призрачный и темный мир духов. Лорд намерен приобрести дом с привидениями, а также заинтересован в информации о различных зловещих и опасных проявлениях темных сил. Напоминаем, что Джон Рокстон — человек весьма решительный и считается одним из лучших стрелков Англии, так что шутникам следует проявить осмотрительность и поискать себе жертву в другом месте. Пусть уж лорд выпускает обоймы в тех, кому пули не страшны, — так, по крайней мере, уверяют верящие в призраков люди — чудаки, не отличающиеся особым здравомыслием.

При этих заключительных словах Мак-Ардл хмыкнул.

— Конец заметки вам может не понравиться, Мелоун. Хотя вас еще нельзя назвать законченным спиритуалистом, но вы к этому быстро подвигаетесь. Как вы думаете, не могли бы вы в компании с лордом выжать из привидения, если таковое отыщется, два крепких материала?

— Я могу встретиться с лордом Рокстоном, — сказал Мелоун. — Думаю, он, как всегда, остановился в Олбени. Я и так навестил бы его, а теперь будет лишний повод.

И вот ближе к вечеру, когда луна осветила темные закоулки Лондона, журналист стоял у старомодного отеля на Виго-стрит. Швейцар у темного подъезда подтвердил, что лорд Рокстон находится в своих комнатах, но у него гость. Впрочем, визитную карточку Мелоуна ему отнесут. Вернувшись, швейцар сообщил, что, несмотря на занятость, лорд хочет видеть журналиста немедленно. Мелоуна провели в роскошные старинные апартаменты, где все стены были увешаны охотничьими и военными трофеями. В дверях его уже поджидал сам хозяин — высокий, худой, сурового вида джентльмен с чудаковатым лицом Дон Кихота. Лорд Рокстон почти не изменился с их последней встречи, разве что резче обозначился его орлиный профиль, да брови еще больше нависли над беспокойными живыми глазами, где никогда не вспыхивал страх.

— Привет, дружище! — радостно приветствовал он журналиста. — Надеюсь, что вы заглянете в мою старую берлогу. Я и сам наведался в

редакцию. Проходите! Проходите! Разрешите представить вам его преподобие Чарльза Мейсона.

Длинный и худой как жердь священник, сидевший скрючившись в плетеном кресле, медленно распрямился и протянул вошедшему журналисту костлявую руку. На Мелоуна взглянули серьезные и добрые серые глаза, и тут же священник широко улыбнулся, обнажив крепкие зубы. Лицо его было усталым и измученным — типичное лицо духобора — и при этом доброжелательным и приветливым. Мелоун кое-что слышал об этом англиканском священнике, который оставил свой образцовый приход и построенную своими руками церковь, чтобы свободно исповедовать христианское учение в свете нового спиритуалистического знания.

— От спиритуалистов, как вижу, никуда не денешься! — воскликнул журналист.

— И не надо, мистер Мелоун, — усмехнулся худой священник. — Пока мир не усвоит новое знание, ниспосланное ему Богом, люди должны внимательно следить за ними. Стоит только собраться где-нибудь в нашем большом городе несколькими мужчинами или женщинами, как тут же завязывается разговор о спиритизме. А пресса обходит этот вопрос молчанием.

— Вы не можете адресовать свой упрек Дейли газетт, — сказал Мелоун. — Может быть, вы даже читали мои статьи.

— Читал. Они, конечно, лучше обычного вздора, который лондонские газеты публикуют сенсации ради — когда наконец решаются нарушить молчаливое табу. Но если вы являетесь читателем Таймса, у вас есть шанс никогда не узнать, что существует такое жизненно важное движение. Насколько я помню, эта газета лишь однажды удостоила нас вниманием, объявив в редакционной статье, что поверит в спиритизм при одном условии: мы должны указать наибольшее число призеров на скачках. — Неплохо придумано, — одобрил лорд Рокстон. — Сам бы такое предложил. А что?

Лицо священника посерьезнело, и он печально покачал головой. — Ваша реплика возвращает меня к цели моего визита. Дело в том, — обратился он к Мелоуну, — что я осмелился нанести визит лорду Рокстону в связи с его объявлением. Если он полон добрых намерений, то честь ему и хвала, он принесет много пользы, но если лорд Рокстон просто решил развлечься, выслеживая чью-нибудь неприкаянную душу, как охотник выслеживает белого носорога с острова Лидо, то он играет с огнем. — Послушайте, святой отец, я играю с огнем всю жизнь, мне это не в диковинку. И вот еще что: я равнодушен к религиозной стороне

спиритизма. Тут мои скромные претензии вполне удовлетворяет англиканская церковь, в которой я воспитан. Но если он может внести в мою жизнь риск и опасность, тут я весь ваш. Вот так!

Священник по-доброму улыбнулся своей белозубой улыбкой. — Он неисправим, — сказал он, обращаясь к Мелуону. — Все же желаю вам, лорд, получше разобраться в предмете. — И священник поднялся, собираясь уходить.

— Подождите немного, святой отец, — остановил его лорд Рокстон. — Исследуя впервые опасное место, я всегда беру с собой в подмогу надежного человека из местных. Думаю, на этой новой для меня территории вы — самый надежный. Пойдете со мной?

— Куда?

— Садитесь, я сейчас все объясню. — Лорд Рокстон порылся в грудке писем на столе. — Отменнейшие привидения, — сказал он. — С первой же почтой более двадцати предложений. Но одно письмо побивает все остальные. Прочтите сами. Заброшенный дом, мужчина, доведенный до сумасшествия, жильцы, запирающиеся по ночам, страшный призрак. Все, что надо! Священник читал письмо, накупившись.

— Дело плохо, — сказал он наконец.

— А с вашей помощью? Может, разберемся с этим дельцем? Мейсон извлек свой ежедневник:

— В среду у меня богослужение для ветеранов войны, а вечером — лекция.

— Можно отправиться сегодня же.

— Путь долгий?

— До Драйфонта в Дорсетшире не более трех часов езды. — Что вы собираетесь предпринять?

— Для начала провести ночь в этом доме.

— Что ж, я поеду с вами. Возможно, там мучается чья-то душа. Постараться помочь ей — мой долг.

— Надеюсь, для меня там тоже отыщется местечко? — спросил Мелуон. — Конечно, юный друг! Уверен, что старый рыжеголовый дятел из редакции послал вас сюда именно за сенсацией? Угадал? Ну что ж, вам представляется возможность описать не какую-то дребедень, а настоящее приключение! Поезд отходит в восемь вечера от вокзала Виктория. Встретимся прямо там. У меня еще будет время заскочить к старине Челленджеру и пожать ему руку.

В поезде они пообедали, а потом направились из ресторана в свой вагон первого класса, путешествовать которым одно удовольствие —



удобства каких мало. Дымя огромной черной сигарой, Рокстон мог говорить только о свидании с Челленджером.

— Старик все тот же. Раза два чуть не разорвал меня в клочья. Нес чистейший вздор. Говорил, что у меня началось размягчение мозгов: ну, как можно иначе верить в существование привидений? Если уж ты мертв, то это навсегда. Вот такой веселенький тезис. Стоит взглянуть на наших современников, утверждал он, и смерти сразу возрадуешься. Это единственная надежда человечества. Представьте себе, что все они живут вечно — ужасный вариант! Совал мне бутылку с хлором — швырнуть в призрака. Но я сказал, что уж если того не успокоит мой автоматический пистолет, ничто не поможет. А вы, святой отец, впервые отправляетесь на сафари за такого рода дичью? — Вы слишком легкомысленно относитесь к делу, лорд Джон, — сурово осадил его священник. — Сразу видно новичка. Но, отвечая на ваш вопрос, скажу, что пытался помочь в таких случаях уже несколько раз. — Так вы считаете этот случай серьезным? — спросил Мелоун, делая записи для будущей статьи.

— Очень серьезным.

— А что, на ваш взгляд, лежит в основе подобных явлений? — Я не теоретик. Вы ведь знакомы с Алджерноном Мейли, адвокатом? Он мог бы представить вам факты и цифры. Помните, Мейли читал лекцию о книге профессора Боццано, посвященной привидениям, где рассматривалось более пятисот достоверных случаев, каждый из которых неоспоримо свидетельствовал, что эти явления существуют. Об этом писал и Фламарион. С их доводами надо считаться.

— Я читал Боццано и Фламариона, — сказал Мелоун, — но сейчас меня больше интересует ваше мнение.

— Вижу, что вы записываете мои слова, и потому хочу, чтобы вы знали: я не считаю себя большим специалистом в этой области. Люди поумнее меня дадут, возможно, тем же явлениям другие объяснения. И все же собственный опыт привел меня к некоторым выводам. Я склонен видеть определенный смысл в теософской идее раковин.

— А что это такое?

— Считается, что духи, обитающие вблизи земли, являются чем-то вроде полых раковин, из которых изъята подлинная сущность. Теперь мы знаем, что в целом такое заключение неверно — иначе с ними не могло бы осуществляться полноценное общение: оно возможно только при наличии разумного начала. Но обобщения надо делать осторожно. Далек не все духи обладают высоким интеллектом. Некоторые так примитивны, что, по видимому, представляют из себя действительно одну оболочку.

— Но как это возможно?

— В этом-то и вопрос. Принято считать, что существуют земные тела — так их называет Св. Павел, — которые со смертью распадаются, и небесные, парящие в эфире. Коренное отличие именно в этом, но существуют еще и промежуточные состояния. У нас много оболочек — почти как у луковицы. На том месте, где мы пережили сильное духовное потрясение, может остаться часть нашей ауры, автоматически повторяющая наш физический облик и психику.

— Это мне кое-что объясняет, — сказал Мелоун. — Вот почему призрак жертвы или преступника может столетиями слоняться на одном и том же месте. Иначе этого не понять.

— Точно, юноша, — отозвался лорд Рокстон. — У меня есть друг, Арчи Сомс, отличный наездник и владелец старого загородного дома в Беркшире. Там когда-то жила Нелл Гвин, и он божился, что частенько встречал ее в коридорах. Так вот, этот Арчи, который, глазом не моргнув, брал большой барьер на Национальных скачках, боялся после наступления темноты нос из комнаты высунуть. Хотя она и была женщиной хоть куда, но все равно лучше бы ее черт побрал! Всему должен быть предел!

— Вот именно! — отозвался священник. — Трудно представить, чтобы дух такой яркой личности, как Нелл, столетиями слонялся по одним и тем же коридорам. Но вот если она страдала в этом доме, сходила с ума, изводя себя тревожными мыслями, одна из оболочек могла отслоиться, сохранив навечно ее облик.

— Вы говорили, что сами пережили нечто подобное.

— Тогда я еще ничего не знал о спиритизме. В то, что со мной случилось, трудно поверить, и тем не менее все — чистейшая правда. В юности я служил викарием в сельской местности на севере страны. В деревне был дом, где прочно обосновался полтергейст необычайной злобности и коварства. Я вызвался прогнать его. Как вам известно, у нас в церкви существует по этому поводу специальный обряд, и я чувствовал себя во всеоружии. Служба началась в гостинице, где особенно буйствовал призрак; все домашние стояли на коленях, внимая мне. И как вы думаете, что произошло? — Суровое лицо Мейсона расплылось в добродушной улыбке. — В тот момент, когда я произнес Аминь, ожидая, что пристыженный злой дух не замедлит покинуть поле боя, медвежья шкура, лежавшая у камина, поднялась во весь рост и пошла на меня, пытаясь обхватить. Стыдно сказать, но я в два прыжка выскочил из дома. Тогда-то я и понял, что от чисто формальных религиозных обрядов проку мало.

— А что может помочь?

— Доброта в соединении с разумом. Видите ли, призраки очень отличаются друг от друга. Иногда эти столь привязанные к земле существа нейтральны — вроде тех оболочек или раковин, о которых я говорил. Иногда несут в себе добро, как монахи из Гластонбери, проявившие себя столь чудесным образом, что хорошо описано Блай Бондом. Таких держит у земли благодарная память потомков. Некоторые шалят, как озорные дети. Но есть и другие — надеюсь, их немного, — которые очень опасны, — это сильные, злобные создания, слишком тяжелые, чтобы оторваться от земли, а идущие от них волны так слабы, что могут не улавливаться сетчаткой человеческого глаза. Если при жизни они были жестокими и коварными, то после смерти становятся опаснее стократ. Возникновению этих чудовищ способствует такая мера наказания, как смертная казнь, — преступники погибают, полные неизрасходованной энергии, которая уходит на месть.

— Этот тип из Драйфонта много дров наломал.

— Вот именно. Поэтому я и не одобряю легкомыслия в подобных делах. Привидение, о котором говорится в письме, может быть коварным монстром. Подобно осьминогу, выплывающему молчаливым символом ужаса из своей уединенной пещеры на дне океана, чтобы напасть на одинокого пловца, это чудовище, таясь во мраке дома и оскверняя его своим присутствием, готово причинить вред любому, кто окажется на его территории. Мелоун смотрел на священника в глубоком изумлении.

— А как же мы? — воскликнул он. — Мы что же, беззащитны? — Почему? Думаю, защита есть. Иначе эти монстры опустошили бы землю. Ведь существуют не только темные, адские силы, но и светлые. Католики называют их ангелами-хранителями, можно назвать их наставниками. или проводниками, ну, да как их ни именуешь, главное — они существуют и хранят нас от зла.

— А как же тот несчастный, что сошел с ума? И где был ваш наставник, когда вас чуть не задушили медвежьей шкурой? Что вы на это скажете? — Сила наставников во многом зависит от состояния нашего духа. Зло может на время победить. Но в конце концов обязательно восторжествует добро. Это я понял из своего собственного опыта.

Лорд Рокстон покачал головой:

— Если добро и побеждает, то на такой длинной дистанции, что до финиша доживают немногие. Возьмите хоть этих охотников за каучуком, с которыми я сцепился на реке Путомайо. Где сейчас эти негодяи? То-то и оно. Веселятся в Париже. А негры, которых они поубивали? Как быть с ними? — Нужна вера. Нужно все время помнить, что еще не конец. Продолжение следует. — этим журналистским штампом можно завершить

любую человеческую жизнь. Вот здесь-то и могут оказать бесценную помощь свидетельства о другом мире. Они знакомят нас хотя бы со следующей главой. — А как устроить это знакомство? — спросил Мелоун.

— Есть замечательные книги, еще не оцененные по достоинству человечеством, — в них много говорится о будущей жизни. Мне вспоминается один эпизод, можете считать его притчей, хотя суть его гораздо шире. Умерший богач останавливается на том свете перед прекрасным дворцом. Это не для тебя, а для твоего садовника, — печально говорит ему наставник и торопит дальше. Вскоре они подходят к жалкой хижине. Нам не из чего было строить твоё жилище — так мало ты сделал добра. Вот все, что получилось. Следующая глава в жизни каучуковых миллионеров может быть похожей на эту. Рокстон мрачно засмеялся:

— Для некоторых из них я сам приготовил жилище. Шесть футов в длину и два в глубину; и не качайте так укоризненно головой, святой отец. Не могу любить ближнего, как самого себя, и не буду. Некоторых .ближних. ненавижу до глубины души.

— Нам следует ненавидеть грех, но отделить грех от грешника трудно. Мне самому недостает для этого душевных сил. Поэтому не стану читать нравоучений — ведь сам я так же грешен и слаб, как большинство людей. — Такая проповедь как раз по мне. То же, что произносится с кафедры, не доходит до сердца. Надо спуститься к людям, вот тогда будет толк, — сказал лорд Рокстон. — Но, видимо, мы сегодня много не успим. Через час будем в Драйфонте. Стоит немного вздремнуть.

Шел уже двенадцатый час, когда друзья сошли с поезда. В маленьком курортном местечке было очень холодно. Перрон почти пустовал, но к прибывшим тотчас же подбежал низенький толстяк в шубе и тепло приветствовал их.

— Разрешите представиться, я мистер Белчамбер, владелец дома. Здравствуйте, джентльмены. Получил вашу телеграмму, лорд Рокстон, и все подготовил. Очень любезно с вашей стороны, что согласились приехать. Если сможете помочь, буду бесконечно признателен.

Мистер Белчамбер провел их в привокзальный ресторанчик, где предусмотрительно заказал кофе с сэндвичами. Пока они ели, толстяк изливал перед ними душу.

— Я не очень богат, джентльмены. В прошлом занимался разведением скота, а уйдя от дел, приобрел на скопленные деньги три дома. Среди них — Вилла Маджоре. Не скрою, она мне досталась дешево. Но разве я мог предположить, что в истории о свихнувшемся докторе есть хоть крупица правды?

— Расскажите все по порядку, — предложил лорд Рокстон, с трудом разжевывая черствый сэндвич.

— Он жил здесь во времена королевы Виктории. Я сам его помню. Худой такой, жилистый, лицо смуглое, ходил ссутулившись, нелепой шаркающей походкой. Говорили, что большую часть жизни он провел в Индии, предполагали также, что там он совершил преступление и теперь скрывается: не зря целыми днями сидит дома и на улицу выходит только после наступления темноты. Однажды он перебил чьей-то собаке камнем лапу, в деревне начался ропот, хотели даже привлечь его к суду, но никто так и не возбудил дело — его побаивались. Мальчишки, не останавливаясь, проносились мимо его дома: так мрачно и злобно посматривал он на них, сидя у окна. Как-то он не взял оставленное ему молоко, не вышел и на следующий день; тогда крестьяне взломали дверь и нашли его мертвым в ванне, полной крови, — он вскрыл себе вены. Его звали Тремейн. Этот случай в деревне никак не могут забыть. — И вы купили этот дом?

— Только после того, как был сделан полный ремонт — дом тщательно продезинфицировали изнутри, заново покрасили, поклеили новые обои. Это, можно сказать, был уже новый дом. Я сдал его мистеру Дженкинсу из Бруэри. Он выдержал только три дня. Пришлось снизить плату, и тогда в доме поселился мистер Бийл, бывший бакалейщик. Через неделю это был совершеннейший псих. Человек полностью свихнулся. С тех пор дом камнем висит у меня на шее — шестьдесят фунтов из моего бюджета долой плюс налоги. Если можете, джентльмены, помогите, ради Бога! В противном случае мне придется его спалить.

Вилла Маджоре. была расположена в полумиле от города, на пологом склоне холма. Мистер Белчамбер сам отвез смельчаков туда, проводив до дверей. Дом выглядел довольно мрачно; огромная двускатная крыша тяжело нависала над окнами, почти закрывая их. Луна освещала запущенный сад, где беспорядочно рос, путаясь и переплетаясь, довольно чахлый кустарник, сделавший некоторые тропинки совершенно непроходимыми. Стояла мертвая тишина, в ней было что-то зловещее.

— Дверь не заперта, — сказал хозяин. — Из холла поверните налево и попадете в гостиную, где есть стол и стулья. Я распорядился развести огонь, ведро с углем стоит рядом с камином. Надеюсь, вам будет удобно; не обессудьте, что не сопровождаю вас дальше, но за последнее время нервы у меня сильно расшатались. — Произнеся эти слова извинения, хозяин поспешил удалиться, оставив троих мужчин на пороге своего владения. Лорд Рокстон захватил с собой мощный электрический фонарик. Открыв замшелую дверь, он осветил мрачный холл — неудобный, без ковра

на полу. В глубине его начиналась массивная деревянная лестница, ведущая на второй этаж. По обеим сторонам холла были двери. Правая вела в большую унылую комнату, в одном углу которой стояла брошенная за ненадобностью газонокосилка, а в другом валялись старые книги и журналы. Левая комната выглядела поприятнее. В камине весело полыхал огонь, на столе из сосновых досок стоял графин с водой. Рядом три удобных стула, ближе к камину — ведро с углем. Радовали глаз и прочие бытовые мелочи. Комнату освещала большая масляная лампа. Священник и Мелоун, изрядно промерзшие, тут же поспешили к огню, а лорд Рокстон приступил к необходимым приготовлениям. Он вытащил из сумки автоматический пистолет и положил его на камин. Затем извлек пачку свечей, две из которых установил в холле. И в довершение всего натянул в проходах шерстяные нити.

— Теперь можно и оглядеться, — сказал он, завершив приготовления. — И будем ждать, что случится.

Верхние помещения располагались по обе стороны от лестницы. Справа находились две большие комнаты, пол покрывал толстый слой пыли, повсюду валялась облупившаяся штукатурка, со стен свисали обрывки обоев. Огромная комната слева была в таком же состоянии. Рядом помещалась ванная комната, та самая, где случилось несчастье; высокая цинковая ванна по-прежнему находилась на своем месте. Взгляд сразу же останавливался на крупных красных пятнах, и хотя это была всего лишь ржавчина, неизбежно рождались неприятные ассоциации с трагическим событием. Мелоун с удивлением заметил, что священник пошатнулся и привалился к двери. Лицо его побелело, на лбу выступил пот. Его поспешили свести с лестницы, придерживая с двух сторон, и усадили на стул. Некоторое время спустя он пришел в себя и заговорил. — Неужели вы ничего не почувствовали? — спросил он. — Сам я очень чуток к психическим воздействиям. И то, что сейчас испытал, было ужасно. — Расскажите, святой отец.

— Это трудно передать словами. Сердце куда-то провалилось, чувство безысходного одиночества охватило меня. Все как-то изменилось. Глаза затуманились. В нос ударил омерзительный запах тления. Силы медленно уходили. Поверьте, лорд Рокстон, сегодня мы встретимся с чем-то страшным! Знаменитый спортсмен выглядел необычно серьезно.

— Я тоже начинаю так думать, — сказал он. — Годитесь ли вы для этого дела, святой отец?

— Простите меня за слабость, — произнес мистер Мейсон. — Я вас не оставляю. Чем хуже будут обстоять дела, тем больше вам понадобится моя

помощь. Я уже чувствую себя лучше, — прибавил он, добродушно улыбаясь и вытаскивая из кармана выдавшую виды вересковую трубку. — Вот это успокоит нервы. Буду сидеть здесь, покуривая, пока не призовете меня. — Интересно, в каком виде появится перед нами этот монстр? — спросил Мелоун лорда Рокстона.

— Убежден, что в материальном.

— Вот этого я и не понимаю, хотя кое-что читал, — сказал Мелоун. — Все известные спиритуалисты сходятся на том, что существует некая материальная основа, которая берется призраком непосредственно с человеческого тела. Назовем ее эктоплазмой или как-то иначе — неважно. Главное — она человеческого происхождения. Ведь так?

— Совершенно верно, — отозвался Мейсон.

— Тогда можно предположить, что доктор Тремейн для построения своего тела возьмет все необходимое у нас с вами.

— Во многих случаях, насколько мне известно, призраки так и поступают. Когда сторонний наблюдатель ощущает холод или у него волосы встают дыбом, это говорит о посягательстве на его жизненные силы. Все это достаточно серьезно и может кончиться для него обмороком или даже смертью. Полагаю, и на меня только что совершили подобное нападение. — А если у человека не такая тонкая организация, как у медиума? Если он вполне зауряден и позаимствовать у него эктоплазму трудно, что тогда? — Я недавно читал отчет об одном редком случае, который описал профессор Нильсон из Исландии. Некий злой дух повадился летать из места своего заточения в ближайший город к одному несчастному фотографу, похищал у него пленки, а потом использовал запечатленную на них эктоплазму в своих целях. Он как бы открыто заявлял: Дайте мне только время, я достану то, что мне надо, и вот тогда уж покажу, на что способен! Зловещее было чудовище, и жителям стоило большого труда отделаться от него. — Сдается мне, друзья, что мы выбрали себе работу не по силам, — сказал лорд Рокстон. — Но ничего не поделаешь — назад пути нет. Освещение сейчас неплохое. Незаметно подкрасться к нам нельзя — всюду натянуты нити. Что можно еще сделать? Только ждать.

И они стали ждать. Время тянулось медленно. Казалось, что стрелки часов, поставленных гостями на выцветшую каминную решетку, застыли на месте. Кое-как дотащились они до двух часов, потом до трех. Где-то вдали зловеще ухала сова. Вилла стояла в стороне от дороги, и вокруг не было ни души. Священник дремал. Мелоун курил одну сигарету за другой. Лорд Рокстон рассеянно листал журнал. Лишь изредка ночную тишину

нарушали странные постукивания и скрипы. Все было спокойно, пока...

Кто-то спускался по лестнице.

Не оставалось никаких сомнений — они слышали шаги, вкрадчивые, осторожные, но достаточно отчетливые. Крак! Крак! Крак! Вот лестница пройдена. Кто-то подошел к двери. Все трое замерли. Рокстон сжимал пистолет. Войдет или не войдет? Дверь была приоткрыта, и у друзей появилось ощущение, что они уже не одни — за ними наблюдали. Сразу похолодало; Мелоун дрожал всем телом. Но вот шаги послышались снова — теперь в обратном направлении. Удалялись тихо, но торопливо; можно было предположить, что слуга спешит доложить обстановку могущественному хозяину, притаившемуся во мраке наверху.

Все трое молча смотрели друг на друга.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул наконец лорд Рокстон. Его лицо побледнело, но выражение было по-прежнему решительным. Мелоун торопливо записывал что-то в блокнот. Священник молился.

— Вот встреча и произошла, — сказал, помолчав, Рокстон. — Теперь надо сражаться. Отступить нельзя. Хочу вам признаться, святой отец, что я преследовал в джунглях раненого тигра и тем не менее не пережил того ужаса, что испытал сейчас. Я отправился сюда в поисках острых ощущений и получил их. Но останавливаться на этом не собираюсь и тотчас же отправляюсь наверх.

— Мы тоже! — вскричали его спутники, поднявшись со стульев. — Оставайтесь здесь, юный друг! И вы, святой отец. От троих будет слишком много шума. В случае чего я вас позову. Я хочу прокрасться на лестницу и устроить там засаду. Если эта нечисть, кем бы она ни была, повторит свое путешествие, ей придется идти мимо меня. Все трое вышли в холл. Две свечи отбрасывали свет на лестницу, но наверху все утопало в глубоком мраке. Рокстон уселся с пистолетом в руке прямо на ступенях. Приложив палец к губам, он другой рукой сделал нетерпеливый жест друзьям, чтобы те удалились. Вернувшись в комнату, священник и журналист сели у огня и замерли в тягостном молчании. Прошло полчаса, еще пятнадцать минут — и тут все началось. Послышался выстрел, что-то тяжелое рухнуло на пол, и тут же раздался крик о помощи. Охваченные ужасом, они бросились в холл. Лорд Рокстон лежал лицом вниз, засыпанный штукатуркой. Когда его подняли, он был в полубессознательном состоянии, глубокие ссадины на лице и руках сильно кровоточили. Наверху лестницы тьма, казалось, сгустилась еще больше.

— Со мной все в порядке, — заявил Рокстон, когда его усадили на стул. — Немного передохну и начну новый раунд с этим дьяволом — иначе



это чудовище не назовешь.

— На этот раз мы вас одного не отпустим, — решительно сказал Мелоун. — И в прошлый не стоило бы, — добавил священник. — Но расскажите нам, что же случилось.

— Сам точно не знаю. Я сидел, как вы сами видели, лицом к холлу. Внезапно услышал за спиной стремительный бросок. Что-то темное ринулось на меня сверху. Повернувшись, я выстрелил и тут же был сброшен с лестницы, как малый ребенок. А потом меня накрыло штукатуркой. Вот все, что я знаю. — А стоит ли нам здесь оставаться? — спросил Мелоун. — Вы удостоверились, что природа этого явления не человеческая? — Абсолютно.

— Значит, вы испытали, что хотели. Чего вам еще надо? — Мне, во всяком случае, надо большего. Здесь требуется наша помощь, — сказал Мейсон.

— Мне кажется, что если помощь кому-то нужна, то скорее нам, — возразил лорд Рокстон, потирая ушибленное колено. — Врач понадобится нам очень скоро. Но я с вами, святой отец. Надо идти до конца. Вы же, юный друг, можете...

Ирландская кровь ударила Мелоуну в голову при одном только предположении, что он струсил.

— Я пойду наверх один! — вскричал он, направляясь к двери. — Ни в коем случае. Я с вами, — заторопился священник. — И я тоже, — заявил лорд Рокстон и, прихрамывая, двинулся за ними. В слабо освещенном холле они остановились, вглядываясь в темноту; Мелоун, положив руку на перила, уже ступил на первую ступеньку, когда произошло нечто невообразимое.

Что это было? Они не знали. Темные тени наверху как бы сгустились и распались на части, каждая из которых приняла форму, напоминающую очертания летучей мыши. Боже! Они устремились вниз, двигаясь быстро и бесшумно. Огромные, как сама ночь, в их уродстве мерзко проступали отдельные человеческие черты, а главное — они несли в себе зло и проклятие! Все трое с криком бросились к выходу. Нащупав ручку, лорд Рокстон распахнул дверь. Но было поздно — мерзкие твари набросились на них. Теплая липкая масса окутала всех троих, в нос ударил гнилостный запах, перед глазами замелькали жуткие деформированные морды и сплетенные конечности. Это продолжалось какое-то мгновение, затем страшная сила выбросила всех троих, почти потерявших сознание от ужаса, из дома прямо на посыпанную гравием дорожку. Дверь с шумом захлопнулась. Мелоун стонал, Рокстон ругался, священник молчал — все

приходили в чувство по-разному. У каждого на теле были раны и синяки, но физические страдания отступили на задний план, вытесненные пережитым кошмаром. Сбившись в кучку, стояли они, глядя на освещенный заходящей луной черный квадрат двери.

— С меня хватит, — сказал наконец Рокстон.

— Да уж, — согласился Мелоун. — Я в этот дом больше не войду, какие бы деньги мне ни сулили в газете.

— Вы ранены?

— Унижен, раздавлен... Это было просто ужасно!

— Омерзительно, — подтвердил Рокстон. — А зловоние вы ощутили? И липкую теплую массу?

Мелоуна передернуло от отвращения.

— Бесформенные твари и жуткие глаза! Частично материализованные! Страшное зрелище!

— А как быть со свечами?

— Наплевать на них! Пусть себе горят. Я туда больше не войду. — Ладно, пусть Белчамбер сам утром разбирается. Может, он ждет нас в гостинице?

— Да, отправимся в гостиницу. Хочется быть поближе к людям. Мелоун и Рокстон повернулись, чтобы идти, но священник не двинулся с места. Он извлек из кармана распятие.

— Уходите, — произнес он. — Я возвращаюсь.

— Как? Обрато в дом?

— Туда.

— Святой отец, это безумие. Гнусная тварь уничтожит вас. Помните, что было... Мы для нее вроде ничтожных букашек.

— Пусть уничтожит. Я иду.

— Мы вас не пустим. Мелоун, держите его.

Но было поздно. Мейсон быстрыми шагами направился к двери, открыл ее и вошел внутрь. Друзья поспешили было за ним, но услышали лязг и скрежет — священник задвинул засов, отрезав им путь в дом. Лорд Рокстон через широкую щель для почтового ящика умолял его вернуться. — Оставайтесь там! — раздался суровый голос священника. — Я должен исполнить свой долг. После этого выйду к вам.

Почти тут же он начал говорить. Его приятный голос с мягкими дружелюбными интонациями эхом отозвался в холле. До друзей доносилось немного — отдельные слова молитв, обрывки проповедей, сердечные, дружественные увещевания. Сквозь щель Мелоун видел при свете свечей высокую темную фигуру: священник стоял спиной к жутким

теньям наверху лестницы.

Мейсон кончил говорить, и тут в этой полной невероятных событий ночи произошло еще одно чудо. Ему ответил неизвестный голос. Этот голос обычному человеку невозможно было представить — жуткая смесь из гортанных, режущих слух звуков с примесью кваканья; он нес в себе страшную, нечеловеческую угрозу. Неизвестный произнес одну только фразу, на которую священник не замедлил ответить взволнованно и страстно. Судя по всему, он читал проповедь, на которую тут же злобно отреагировал таинственный голос. Диспут продолжался; говорил то один, то другой; реплики были то длиннее, то короче; сменялись и интонации — священник то умолял, то спорил, то молился, то утешал, но ни в коем случае не осуждал. Промерзнув до костей, Рокстон и Мелоун жались у дверей, ловя обрывки невероятного, фантастического диалога. Казалось, прошла вечность, хотя на самом деле еще не истек час. И тут Мейсон начал громко и торжественно читать Отче наш. Но что это? Эхо? Или — о, чудо! — голос из темноты вторил священнику? Вскоре окно слева от входа осветилось, заскрежетал засов, и на пороге появился Мейсон, держа в руках сумку лорда Рокстона. В призрачном лунном свете он выглядел ужасно, хотя на самом деле был оживленным и радостным. — Здесь все собрано, — сказал он, вручая сумку владельцу. Рокстон и Мелоун, взяв священника под руки, помогли ему сойти. — Клянусь Юпитером! Теперь мы вас не отпустим! — вскричал аристократ. — Святой отец, вы заслуживаете Креста Виктории.

— Я всего лишь исполнил свой долг. Несчастный так нуждался в помощи. И такой же, как он, грешник помог ему.

— Вам удалось ему помочь?

— Надеюсь. Я всего лишь инструмент в руках Всевышнего. Отныне дом очищен от скверны. Он обещал мне. А теперь я замолкаю: должно пройти какое-то время, прежде чем я расскажу вам все.

Владелец дома и горничные в изумлении взирали на трех искателей приключений, когда они вновь появились в гостинице. Каждый из них, казалось, состарился за эту ночь лет на пять. Мейсон тут же рухнул на диванчик в скромно обставленной гостиной — казалось невероятное напряжение последних часов — и погрузился в тяжелый сон. — Бедняга! Он ужасно выглядит! — сказал Мелоун. И в самом деле, спящий священник напоминал мертвеца — бледное как смерть, измученное лицо, длинные безжизненные руки.

— Чашка горячего чая подкрепит его силы, — отозвался лорд Рокстон, греясь у огня, который поспешно развела горничная. — Клянусь

Юпитером! Пережить такое! Любой на его месте выглядел бы не лучше! Ну что ж, молодой человек, мы получили что хотели: я — незабываемое приключение, а вы — сенсационный материал.

— А вот он спас заблудшую душу. Надо признать, что наши успехи ничтожны по сравнению с его победой.

Они отправились в Лондон утренним поездом в отдельном вагоне. Мейсон почти все время молчал, погруженный в собственные мысли. Неожиданно он повернулся к своим товарищам.

— Прошу вас, если не возражаете, помолиться со мной. Лорд Рокстон поморщился:

— Предупреждаю, святой отец, я давно этим не занимался. — Только станьте рядом со мной на колени. Мне нужна ваша помощь. Все трое стали на колени, священник посередине. Мелоун старался запоминать слова молитвы.

— Отче, мы, чада Твои, бедные, слабые, беззащитные создания, целиком во власти судьбы и обстоятельств. Молю Тебя о сострадании к заблудшему рабу Твоему Руперу Тремейну, находящемуся сейчас во тьме. Он пал низко, очень низко, ибо имел гордое, ожесточившееся сердце и жестокий, охваченный ненавистью ум. Но сейчас он обратился к свету, и я прошу Тебя, Господи, за него и за женщину по имени Эмма, которая из любви пошла за ним во тьму. Помогите ей воскресить его, как она того хотела. Помогите разорвать нити зла, привязывающие их к земле. Позволь им с сегодняшней ночи начать путь к свету, который рано или поздно узрит низший из низших. Они поднялись с колен.

— Теперь получше, — со слезами на глазах произнес священник, ударяя себя в грудь костлявой рукой, и широко, по-доброму улыбнулся. — Какая ночь! Боже, какая ночь!

## Глава IX В КОТОРОЙ ОБНАРУЖИВАЮТСЯ ВПОЛНЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Видно, самой судьбе угодно было впутать Мелоуна в семейные дела Линденов, поскольку едва он расстался с несчастным Томом, как оказался вовлеченным в гораздо более неприятную историю, на сей раз с его беспутным братцем.

Все началось рано утром — раздался телефонный звонок, и на том конце провода прозвучал голос Алджернона Мейли.

— Вы свободны сегодня днем?

— Да, я к вашим услугам.

— Послушайте, Мелоун, вы крепкий малый. Вы ведь играли в раггер за Ирландию, так? Вас не шокирует, если вам придется ввязаться в драку? Мелоун широко ухмыльнулся:

— Можете на меня рассчитывать.

— Неизвестно, какой оборот примут события. Возможно, нам придется иметь дело с боксером-профессионалом.

— Ого! — бодро воскликнул Мелоун.

— И нам нужен еще один человек. Не знаете ли вы кого-нибудь, кто согласился бы составить вам компанию просто из любви к приключениям? Еще лучше, если человек этот будет смыслить что-нибудь в спиритизме. На мгновение Мелоун задумался, но тотчас же вновь оживился. — Рокстон, — сказал он. — Он, конечно, не молод, но уж точно не подведет. Думаю, что смогу его уломать: после дорсетширских событий спиритуалисты его всерьез заинтересовали.

— Отлично! Постарайтесь договориться с ним! Если же он не сможет, придется обойтись своими силами. Теперь слушайте адрес: Бельшоу-Гарденс, 41. Это недалеко от Эрлс-Корт Стейшн. Ровно в три. До встречи. Мелоун тут же позвонил лорду Рокстону, и вскоре в трубке раздался знакомый голос:

— Что случилось, мой юный друг? Драка, говорите? Тогда конечно. Что? Да я хотел сказать, что у меня партия в гольф в ричмондском Оленьем Парке, но ваше предложение гораздо заманчивее. Что? Прекрасно! Там и встретимся. Вот так и вышло, что ровно в три Мейли, лорд Рокстон и Мелоун сидели возле камина в уютной комнате адвоката. Его милая

симпатичная женушка, помощница и соратница не только в духовных, но и в светских делах, также спустилась вниз поздороваться с гостями.

— Дорогая, тебе не стоит здесь оставаться, — сказал Мейли. — Посиди пока во флигеле — это будет с твоей стороны в высшей степени благоразумно. И не волнуйся, если вдруг услышишь шум.

— Но я так беспокоюсь, дорогой! Тебя могут ранить!

Мейли рассмеялся:

— Боюсь, скорее пострадает наша мебель, а больше не о чем беспокоиться. Это делается во имя великой цели, которая для нас превышает всего, — объяснил он собравшимся, когда его супруга с неохотой покинула гостиную. — Я уверен, что ради этого миссис Мейли готова страдать. Ее отзывчивое женское сердце, полное любви, чувствует, как важно донести до обитателей сирой земли нашей знание о том, что за порогом смерти их ждет великая радость. Клянусь Богом, она поистине моя путеводная звезда. Однако, — продолжал он со смехом, — я, наверное, излишне углубился в этот вопрос. У нас есть дела поважнее, причем столь же неприятные, сколь прелестна и нежна моя возлюбленная супруга. Речь идет о брате Тома Линдена.

— Слышал-слышал, — отозвался Мелоун. — Я сам когда-то увлекался боксом, да и по сей день состою в Национальном спортивном клубе. В те времена Сайлас Линден чуть не стал чемпионом во втором полусреднем весе. — Да, все правильно. Сейчас он остался без работы и решил испробовать себя в роли медиума. Разумеется, я и другие члены нашего кружка отнеслись к этому серьезно и сочли его притязания вполне законными, поскольку все мы любим его брата, а способности такого рода — часто явление семейное. Но все-таки следовало прежде его испытать, и вчера состоялся пробный сеанс. — Ну и как он?

— Я начал подозревать его с первой минуты: вы не знаете, как трудно провести искушенного спиритуалиста. Обмануть можно только новичка. Так вот, я сразу же сел поближе к кабинке и стал внимательно наблюдать. Наконец появилась какая-то фигура, вся в белом. Когда фигура проходила мимо, я сумел дотронуться до нее. На всякий случай у меня были при себе ножницы, и в этот момент я отрезал кусочек подола.

С этими словами Мейли достал из кармана треугольный лоскуток холста. — Вот, смотрите: вполне обычный холст. Думаю, он просто надел свою ночную рубашку.

— Почему же вы сразу его не разоблачили? — воскликнул лорд Рокстон. — Видите ли, на сеансе присутствовало много дам. Я был, пожалуй, единственным мужчиной, который мог бы ему противостоять. —

Что же вы собираетесь делать теперь?

— Я пригласил его явиться сюда в половине четвертого — он вот-вот должен прийти. Думаю, он вряд ли догадывается о причинах этого приглашения, если только он не заметил, что от его одеяния отрезан кусок. — И как же вы собираетесь себя вести?

— Все будет зависеть от него. Мы должны во что бы то ни стало его остановить: из-за таких, как он, наше дело подвергается нападкам. Ничего не смыслящие в спиритизме шарлатаны компрометируют честных медиумов — ведь публика не видит разницы между теми и другими. Мне хотелось потолковать с ним в вашем присутствии, один я не смог бы говорить с ним на равных. А вот и он!

За дверью раздались тяжелые шаги, и в комнату вошел Сайлас Линден, ныне лжемедиум, а в прошлом профессиональный боксер. Его маленькие пороссячьи глазки с подозрением оглядели собравшихся. Потом он выдавил из себя улыбку и кивнул Мейли.

— Добрый день, мистер Мейли. Неплохо вчера вечерок провели, а? — Присаживайтесь, Линден, — сказал Мейли, указывая на стул. — Как раз о вчерашнем вечере я и собрался с вами поговорить. Вы обманули нас. Злобное лицо Сайласа Линдена побагровело от ярости.

— Что вы хотите этим сказать? — раздраженно вскричал он. — Только то, что сказал. Вы вырядились в белое, желая предстать духом и ввести всех в заблуждение.

— Это ложь, черт побери! — рявкнул Линден. — Да как вы смеете! Мейли вынул из кармана и разложил на колене припасенный лоскут. — А что вы на это скажете?

— А что я должен сказать?

— Я отрезал это от балахона, который был на вас вчера, в тот момент, когда вы проходили мимо меня. Осмотрите его, и вы сразу найдете это место. Отпираться бессмысленно, Линден, игра проиграна, и вы не можете этого отрицать.

На какое-то мгновение Линден потерял дар речи, а потом разразился потоком грязной брани.

— Куда вы клоните? — свирепо озираясь вокруг, орал он. — И за кого меня принимаете? Думаете, можно как угодно мною вертеть? Что это за спектакль вы устроили? Не на того напали!

— Не стоит так волноваться, Линден, — спокойно сказал Мейли. — Я завтра же могу передать вас в руки правосудия, и вас будут судить. Но ради вашего брата я желал бы избежать публичной огласки, однако вам не выйти отсюда до тех пор, пока вы не подпишите бумагу, лежащую у меня на

столе. — Да что вы говорите? И кто же мне сможет помешать?

— Мы.

С этими словами трое мужчин преградили ему путь.

— Вы?! Что ж, попробуйте! — Сайлас двинулся на них, яростно сверкая глазами и сжимая кулаки. — Не угодно ли вам посторониться? Вместо ответа троица издала воинственный клич — пожалуй, первый звук, освоенный древним человеком. В следующее мгновение Линден набросился на них и принялся с невероятной силой молотить кулаками направо и налево. Мейли, занимавшемуся в молодости боксом, удалось парировать один удар, но уже следующий сбил его с ног, и он с грохотом отлетел к двери. Лорд Рокстон отлетел в другую сторону, и только Мелоун со своей реакцией заядлого футболиста ловко увернулся и схватил чемпиона за колени. Если вам трудно одолеть противника, когда он стоит на ногах, повалите его на спину, и тогда он вряд ли окажет вам серьезное сопротивление. Линден полетел вверх тормашками, успев при падении задеть кресло, которое тут же рассыпалось в щепки. Пошатываясь, он приподнялся на одно колено и попытался нанести Мелоуну удар в челюсть, но тот снова его повалил, а жилистая рука Рокстона сжала ему горло. По натуре Сайлас Линден был трусом и тут же сдался.

— Отпустите! — прохрипел он. — Довольно!

Он лежал распростертый на спине, над ним склонились Мелоун и Рокстон. В это время пришел в себя Мейли, от удара лишившийся чувств. — Со мной все в порядке! — откликнулся он на женский голос, позвавший из-за двери. — Подожди, дорогая, еще рано заходить, но скоро мы все уладим. Что касается вас, Линден, то вам нет никакой необходимости вставать, ибо разговаривать вы можете и так. Но прежде чем уйти отсюда, вы подпишете бумагу.

— Какую еще бумагу? — прохрипел Линден, когда Рокстон ослабил захват. — Сейчас я вам прочту.

Мейли взял с бюро листок и зачитал вслух:

— Я, Сайлас Линден, сим подтверждаю, что, притворившись духом, поступил как мошенник и негодяй, и клянусь, что никогда впредь не посягну на роль медиума. Если же я нарушу данную мной клятву, то настоящее обязательство может быть использовано против меня в суде. — Вы готовы подписать этот документ?

— Да никогда, черт меня подери!

— Что, если его еще немного прижать? — спросил лорд Рокстон. — Может, тогда у него в башке просветлеет?

— Не стоит, — ответил Мейли. — Думаю, это дело хорошо прозвучит



в суде, поскольку покажет всем, что мы твердо намерены бороться за чистоту наших рядов. Даю вам, Линден, минуту на размышление, а затем звоню в полицию.

Но наш самозванец принял решение быстрее.

— Ладно, — с мрачным видом пробурчал он. — Я подпишу. Ему разрешили подняться, но предупредили, что, если он попытается их надуть, ему не удастся так легко отделаться во второй раз. У Линдена уже не было сил сопротивляться, и он, ни слова не говоря, размашисто и коряво нацарапал внизу: Сайлас Линден.; трое мужчин подписались как свидетели. — А теперь убирайтесь вон! — резко сказал Мейли. — Советую вам в дальнейшем зарабатывать на жизнь честным трудом и не пытаться спекулировать на том, что свято для других.

— Оставьте ваши лицемерные проповеди при себе, — прошипел Линден и вышел.

Не успел он удалиться, как в комнату ворвалась миссис Мейли, желая воочию удостовериться, что ее драгоценный супруг не пострадал. Успокоившись на сей счет, она стала причитать над сломанным креслом, поскольку, как всякая хорошая хозяйка, дорожила каждой мелочью в своем доме.

— Не расстраивайся, дорогая, это не самая большая плата за то, чтобы очистить наши ряды от такого негодяя, как он. Не уходите, господа, нам еще надо кое о чем поговорить.

— И кроме того, сейчас подадут чай.

— Пожалуй, нам лучше выпить чего-нибудь покрепче, — заметил Мейли и был, безусловно, прав, ибо все трое в результате жестокой схватки порядком выбились из сил.

Рокстон, правда, был в восторге от случившегося и находился в приподнятом настроении, но Мелоун явно устал, да и Мейли еще не вполне оправился от полученного удара.

— Я слышал, — начал Мейли, когда они вновь устроились у огня, — что этот мерзавец на протяжении многих лет тянул деньги с несчастного Тома. Это был настоящий шантаж, поскольку Сайлас в любую минуту мог донести на него. Бог мой! — вдруг вскричал он, потрясенный пришедшей ему в голову мыслью. — Так вот почему полиция выбрала именно его! А я все удивлялся: разве мало в Лондоне других медиумов? Теперь-то я припоминаю, ведь Том как-то говорил мне, что этот тип хотел научиться его искусству, но Том отказался ему помогать.

— А как он мог помочь? Разве этому можно научиться? — спросил Мелоун. Мейли задумался.

— Пожалуй, мог, — сказал он наконец. — Но все же в роли лжемедиума Сайлас Линден менее опасен, чем в роли медиума настоящего. — Я не вполне улавливаю вашу мысль.

— Способности медиума в человеке можно развить, — объяснила миссис Мейли. — Можно даже сказать, что они заразительны.

— Это сродни тому, что в раннем христианстве называлось наложением рук, — добавил Мейли. — Таким образом передавалась чудотворная сила. В наши дни этот способ безвозвратно утерян, но если кто-то из присутствующих на спиритическом сеансе страстно жаждет такую силу обрести, она может снизойти на него, особенно если он присутствует при работе настоящего медиума.

— Но что означают ваши слова, будто такие способности опаснее шарлатанства?

— Дело в том, что они могут быть использованы во зло. Уверю вас, Мелоун, все эти разговоры о черной магии и злых силах — не пустые слова. Такие вещи существуют, и их основной источник — это медиумы-злодеи. В спиритизме можно добраться до таких областей, которые заставляют вспомнить о распространенной в народе идее колдовства, и было бы глупо это отрицать. — Подобное привлекает подобное. — пояснила миссис Мейли, которая разбиралась в этих делах не хуже, чем муж, — и каждый получает свое. Если во время сеанса вы находитесь в обществе дурных людей, то неудивительно, если вызванные вами духи окажутся недобрыми.

— Так в спиритизме есть и опасные стороны?

— Любое дело может обернуться своей противоположностью, будучи извращено и использовано дурными людьми. Конечно, к ортодоксальному спиритизму это не имеет ни малейшего отношения, но мы должны отдавать себе отчет в том, что подобная опасность существует, — иначе не удастся противостоять ей во всеоружии. Я ни капельки не сомневаюсь, что средневековое колдовство — это не сказки, а вполне реальная вещь, и лучший способ защиты от такого рода деятельности — развитие лучших душевных качеств в человеке. А не обращать на это внимания означало бы открыть силам зла путь в мир.

Но тут самым неожиданным образом в разговор вмешался лорд Рокстон. — Вот-вот, в прошлом году в Париже, как раз когда я там был, гремело имя некоего Лапэ, который увлекался черной магией и даже организовал несколько кружков. Я хочу сказать, в этом не было особого вреда, хотя не думаю, что вы назвали бы его деятельность высокодуховной. — Как раз об этой стороне проблемы я хотел бы

поподробнее узнать, чтобы отразить все как можно объективнее в своих статьях, — сказал Мелоун. — Справедливое желание, — сказал Мейли, — и совпадает с нашим: мы хотим, чтобы в этом деле не было неясностей.

— Ну что ж, молодой человек, если у вас найдется неделька времени на поездку в Париж, я представлю вас этому Лапэ, — предложил Рокстон. — Поразительное совпадение, но я тоже собирался съездить в Париж, — сказал Мейли. — Мой коллега доктор Мопюи из Института Метампсихоза пригласил меня понаблюдать за серией экспериментов, которые он проводит над медиумом-галицийцем. Меня, конечно, больше всего интересуется религиозная сторона, но ею-то как раз чаще всего пренебрегают эти ученые мужи с континента. Что же касается тщательного и вдумчивого исследования психических факторов, то в этом плане они явно впереди, если не считать изысканий бедняги Кроуфорда из Белфаста, который вообще стоял в науке особняком. Я обещал Мопюи заглянуть в его лабораторию — по-моему, он добился поразительных, я бы даже сказал, ошеломляющих в некотором отношении результатов.

— В каком смысле ошеломляющих?

— В последнее время духи материализовались у него не в человеческом облике — это подтверждается фотографиями. Больше я вам ничего не скажу, коль уж мы вместе туда поедем, будет лучше, если вы отнесетесь ко всему непредвзято.

— Я обязательно поеду, — воскликнул Мелоун. — Думаю, мой патрон не станет возражать.

Принесли чай, весьма некстати прервав разговор, — так наши физические потребности грубо вторгаются в сферу высших духовных устремлений. Но Мелоуна не так-то легко было сбить с мысли.

— Вот вы говорите о злых силах. А доводилось ли вам вступать с ними в контакт?

Мейли взглянул на жену и улыбнулся.

— Мы сталкиваемся с ними постоянно, — сказал он. — Это неотъемлемая часть нашей деятельности. Можно даже сказать, мы уделяем ей особое внимание.

— Следует ли понимать вас в том смысле, что вы препятствуете появлению во время сеансов подобных сил?

— Не обязательно. Если есть надежда хоть чем-то помочь заблудшей душе из низших сфер, мы стараемся сделать это. Необходимо вызвать ее на разговор, заставить поведать нам о своих горестях и печалях. У большинства из них нет злых намерений. Это просто несчастные, невежественные и чахлые существа, страдающие из-за тех примитивных

или ложных представлений, которые сложились у них на земле. Мы пытаемся им помочь, и подчас нам это удается.

— А как вы об этом узнаете?

— Потом они являются к нам и рассказывают, чего им удалось достичь. Это довольно распространенная практика, которая получила у нас название кружков спасения.

— Я слышал о них. Хотелось бы посетить собрание одного из таких кружков: ваши слова меня здорово заинтересовали. Спиритизм так многогранен, и я был бы крайне признателен, если бы вы помогли мне открыть для себя и эту его сторону.

Мейли задумался.

## Глава X DE PROFUNDIS

Наши герои еще не закончили чаепитие, когда доложили о прибытии преподобного Чарльза Мейсона. Ничто так не сближает людей, как духовные искания, поэтому неудивительно, что Рокстон и Мелоун, лишь однажды видевшие этого человека, мгновенно почувствовали к нему симпатию, какой не испытывали к людям, знакомым им на протяжении многих лет. Подобное родство душ — неотъемлемая часть таких сообществ. Когда в дверях появилась долговязая и неуклюжая фигура священника — лицо озарено доброй улыбкой, ясным светом лучатся глаза, — им показалось, что вошел близкий друг. Мейсон сердечно приветствовал собравшихся.

— Все в трудах да в заботах! — воскликнул он, пожимая каждому руку. — Надеюсь, новые впечатления не будут столь ужасны, как то, что нам пришлось испытать в прошлый раз.

— Клянусь Богом, — ответил Рокстон, — с тех пор я не устаю восхищаться вами, отец мой!

— Да что же такое он совершил? — с любопытством спросила миссис Мейли.

— Что вы, что вы! — воскликнул Мейсон. — Просто я в меру своих скромных сил попытался направить на путь истинный заблудшую душу. И хватит об этом! Хотя именно ради подобных дел мы еженедельно собираемся в доме наших милых хозяев. Ведь сам мистер Мейли научил меня этому мастерству. — Что ж, у нас большой опыт по сей части, — отозвался Мейли. — И вы, Мейсон, играете здесь не последнюю роль.

— Но я никак не пойму главного! — прервал их Мелоун. — Прошу вас, просветите меня на этот счет! Допустим, я соглашусь с вашей гипотезой о том, что мы окружены вполне материальными духами, привязанными к земле, которые не могут понять, куда они попали и что с ними происходит. Я правильно излагаю вашу теорию?

Супруги Мейли кивнули в знак согласия.

— Но у них есть умершие родственники или друзья, которые, возможно, иначе ощущают себя на том свете и осведомлены о печальной участи своих братьев. Им открыта истина. Не кажется ли вам, что они могут помочь этим несчастным намного лучше, чем мы?

— Вполне уместный вопрос, — сказал Мейли. — Конечно же, мы задавали его духам и теперь знаем ответ. Дело в том, что они буквально

привязаны к земле, ибо слишком плотны и тяжелы для того, чтобы подняться вверх. Остальные же, вероятнее всего, находятся в духовной сфере, очень далеко от них. Наши подопечные объясняют, что они намного ближе к нам. К тому же нас они хорошо знают, а тех, что наверху, — нет. Поэтому именно нам сподручнее установить с ними контакт.

— Как-то нам явилась такая милая и несчастная темная душа... — Моя жена любит всех и вся, — пояснил Мейли. — Она готова беседовать даже с несчастным заблудшим дьяволом.

— Конечно же, они заслуживают жалости и любви! — воскликнула прелестная дама. — Неделя за неделей мы заботились о бедняжке, — а его действительно вызвали из самого глухого уголка, — и однажды он в восторге вскричал: Матушка явилась! Моя матушка здесь! Мы, естественно, спросили его, почему она не приходила раньше. Как же она могла прийти, — ответил он, — если я находился в такой тьме, что она не в состоянии была меня разглядеть!

— Все это хорошо, — сказал Мелоун, — но, насколько я понимаю вашу идею, за всем следит некий высший дух, направник или надзиратель, который и приводит страдальца к вам. Если он осведомлен о существовании такового, то есть все основания полагать, что и в более высоких духовных сферах могут знать о нем.

— Нет, — ответил Мейли, — это миссия, выполнение которой доверено лишь ему. Приведу случай, иллюстрирующий, насколько одна сфера отделена от другой. Однажды нас посетила некая заблудшая душа. Наши привычные визитеры даже не подозревали, что она находится среди них, пока мы не привлекли их внимание к ней. А когда мы спросили у заблудшей души, не видит ли она, что окружена подобными ей, то услышали в ответ: Я вижу свет и больше ничего. Беседу прервал приход мистера Джона Тербейна, носильщика с вокзала Виктория, полноватого человека с бледным и печальным лицом. Он был чисто выбрит и одет в цивильное платье, так что кроме мечтательных и задумчивых глаз ничто не выдавало в нем необычайного предназначения. — Ну что, готова запись? — первым делом осведомился он. Миссис Мейли с улыбкой протянула ему конверт.

— Мы давно ее подготовили, можете на досуге прочесть. Видите ли, — объяснила она, — бедный мистер Тербейн впадает в транс и поэтому не имеет ни малейшего представления о том, какие с его помощью вершатся дела, поэтому после каждого сеанса мы с мужем составляем отчет — специально для него.

— И каждый раз я не устаю удивляться, — сказал Тербейн. — Я

полагаю, и гордиться, — добавил Мейсон.

— Ну, на этот счет ничего не могу сказать, — застенчиво проговорил Тербейн. — Не думаю, что инструменту следует гордиться тем, что он попал в руки опытного мастера. Это скорее большая честь для меня. — Милый, добрый Тербейн, — сказал Мейли, с нежностью кладя ему руку на плечо. — Чем лучше медиум, тем он щедрее душой, — так говорит мне опыт общения с людьми. Главное в медиуме — отдавать себя без остатка другим, а это несовместимо с эгоизмом. Но давайте начинать, иначе мистер Чанг на нас рассердится.

— Кто это? — спросил Мелоун.

— О, вы скоро с ним познакомитесь. Нам не обязательно оставаться за столом, вполне можно расположиться у камина. Давайте приглушим свет, вот так. Устраивайтесь поудобнее. Тербейн, вы можете откинуться на подушки. Медиум, сидевший в углу дивана, тут же впал в дрему. Мейли и Мелоун держали наготове ручку и блокнот, ожидая дальнейших событий. И они не заставили себя ждать. Неожиданно Тербейн сел, но это был уже не прежний Тербейн, а новая, властная личность, обладающая живым умом. Его лицо также преобразилось: на губах заиграла загадочная улыбка, глаза стали раскосыми и удлинненными, все черты — более выразительными. Руки он втянул в рукава своего синего пиджака.

— Добрый вечер, — теперь он говорил решительно, короткими отрывистыми фразами. — Новые лица! Кто же они?

— Добрый вечер, Чанг, — ответил хозяин дома. — С мистером Мейсоном вы уже знакомы, это — мистер Мелоун, изучающий спиритизм. А вот — лорд Рокстон, который оказал мне сегодня неоценимую услугу. Каждое новое имя Тербейн приветствовал плавным жестом, как это принято на Востоке, прикладывая руку ко лбу, а затем с поклоном опуская ее вниз. Его манера держаться была исполнена достоинства и разительно отличалась от поведения незаметного маленького человечка, который сидел в комнате минуту назад.

— Лорд Рокстон, — повторил он. — Английский милорд! Я знал один лорд... Лорд Макарт... Нет, не могу выговаривать... Увы! Тогда я называл его чужеземный дьявол.. Чанг много видеть на своем веку. — Он имеет в виду лорда Макартни. Все, о чем он говорит, происходило лет сто назад. Чанг жил как раз в те времена; тогда он был великим философом, — пояснил Мейли.

— Нет терять время! — воскликнул дух-поводырь. — Сегодня слишком много дел! Толпа ждет. Кто-то новый, кто-то старый. Станный народ попадает в мою сеть. А теперь я ухожу, — и медиум вновь

откинулся на подушки.

Не прошло и минуты, как он снова вскочил.

— Я хочу поблагодарить вас, — сказал он на безупречном английском. — Я уже был здесь две недели назад. Теперь я обдумал ваши слова, и путь мой стал яснее.

— Так вы тот дух, который не верил в Бога!

— Да, да! Но я говорил это в запальчивости. Я был тогда так несчастен, так несчастен! О, время, бесконечное время, серый туман, тяжкий груз раскаяния! Безднадежность! Безднадежность! А вы мне вернули покой — вы и этот дух великого китайца. От вас я услышал первые после смерти слова утешения.

— Когда же вы умерли?

— О! Кажется, с тех пор прошла вечность: у нас время изменяется не так, как в мире живых. Это долгий и жуткий сон, без перерывов и перемен. — А кто царствовал тогда в Англии?

— Королева Виктория. Я настроил свой дух на материализм, вот он и прирос к материи. Я не верил в загробную жизнь. Теперь-то я знаю, как глубоко заблуждался на этот счет, но поначалу моему духу было трудно приспособиться к новым условиям.

— Вам плохо там, где вы сейчас пребываете?

— Там все так... так однообразно, и это самое тяжкое. Все, что меня окружает, поистине ужасно.

— Но там много душ, вы там не один.

— Это так, но остальные знают не больше, чем я. Они так же злобствуют и сомневаются и чувствуют себя при этом глубоко несчастными. — Вы скоро покинете это место.

— Бога ради, скорее, помогите мне!

— Несчастливая душа, — проговорила миссис Мейли своим нежным, ласковым голосом, способным кого угодно к ней расположить. — Вы так страдали. Но постарайтесь не думать о себе, подумайте о других. Помогите кому-нибудь из них подняться, и тем самым вы поможете себе.

— Спасибо вам, милая леди, я так и поступлю. Кстати, я привел с собой одного из них. Он слышал ваши слова. Теперь мы вместе, и, возможно, когда-нибудь нам откроется свет.

— Хотите ли вы, чтобы мы молились за вас?

— О да, конечно!

— Я помолюсь за вас, — сказал Мейсон. — Вы Отче наш. помните? Мейсон начал произносить слова старинной универсальной молитвы, но не успел он закончить, как Тербейн вновь рухнул на подушки. Поднялся он



уже Чангом.

— С ним все в порядке, — произнес он. — Он уступает место другим страждущим. Это хорошо. Сейчас — сложный случай! О! — Он потешно вскрикнул в знак осуждения и повалился на диван.

В следующее мгновение он поднялся — с торжественным выражением лица, сложив руки, словно для молитвы.

— Что происходит? — надменно отчеканил он. — Я желаю знать, по какому праву этот китаец вызвал меня сюда. Возможно, вас не затруднит просветить меня на сей счет.

— Да, скорее всего, мы сможем вам помочь.

— Когда мне нужна помощь, сэр, я имею обыкновение просить об этом сам. В настоящее время я в ней не нуждаюсь. Все ваше поведение указывает на то, что вы слишком много себе позволяете. Насколько я понял со слов китайца, я являюсь невольным свидетелем какого-то религиозного обряда. — Мы представляем собой спиритуалистический кружок.

— В высшей степени вредная секта. Крайне порочная практика. Как скромный приходской священник, я протестую против подобного богохульства! — Ваши узколобые взгляды связывают вас по рукам и ногам, и от этого страдаете только вы сами. Мы хотим вас освободить.

— Я страдаю? Что вы имеете в виду, сэр?

— Сознаете ли вы, что отправились на тот свет?

— Что за чушь!

— Разве вы не знаете, что вы мертвы?!

— Если бы я был мертв, то как бы я смог с вами говорить? — Ваш дух использует тело этого господина.

— Ну, конечно, теперь все ясно — я попал в сумасшедший дом. — Да, это действительно сумасшедший дом — для таких случаев, как ваш. Вы счастливы там?

— Счастлив? Ну, нет. Мне даже непонятно, где я нахожусь. — Помните ли вы, что были больны?

— Да, я был серьезно болен.

— Настолько серьезно, что в конце концов умерли.

— Определенно, вы сошли с ума!

— Почему же вы так уверены, что живы?

— Сэр, я должен дать вам несколько религиозных наставлений. Если умирает человек, проживший праведную жизнь, то его душа обретает достойную оболочку и соединяется с ангелами. Я же пока нахожусь в своей земной оболочке, в месте, крайне однообразном и скучном. Хотя существа, в компанию которых я попал, не имеют ничего общего с теми людьми, с

которыми я привык иметь дело в жизни, но и ангелами их тоже не назовешь. Так что ваше абсурдное предположение не имеет под собой никаких оснований. — Перестаньте обманывать себя. Мы хотим вам помочь, но вам придется маяться в том мире до тех пор, пока вы не осознаете своего положения. — Вы испытываете мое терпение. Разве я не сказал вам, что... С этими словами медиум повалился на диван, а через несколько мгновений возник в образе китайца-поводыря — с загадочной улыбкой на устах и втянутыми в рукава руками.

— Хороший человек... Неумный человек... Скоро все поймет. Вызвать его еще раз. А сейчас — не терять время. О, Боже мой! Помогите! На помощь! Спасите!

Он повалился навзничь на диван, его тело вытянулось, а крики были настолько ужасны, что все собравшиеся вскочили со своих мест. — Пилу! Скорее несите пилу! — завопил медиум, но его крик перешел в стон.

Даже Мейли был взволнован; остальные стояли, объятые ужасом. — В него кто-то вселился, но я не могу понять кто. Наверно, какой-то дух, несущий мощный заряд зла.

— Может быть, мне с ним заговорить? — спросил Мейсон. — Давайте немного подождем и посмотрим, что будет дальше. Скоро все прояснится.

Медиум корчился в муках.

— Господи! Почему вы не несете пилу? — кричал он. — Меня придавило! Вы слышите, как хрустнула кость? Хокин! Хокин! Вытащите меня! Уберите бревно! Нет, так еще хуже! Во мне все словно горит! О, горе, горе мне! От его криков кровь стыла в жилах. Все онемели от ужаса. А через секунду на них уже смотрели раскосые глаза Чанга.

— Что вы об этом думаете, мистер Мейли?

— Ужасное зрелище, Чанг. Что это было?

— Это для него, — Чанг кивнул в сторону Мелуона. — Он хочет историю для газеты. Он поймет. Время нет объяснять. Слишком много ждут. Следующий моряк. Вот он!

Китаец исчез, а по лицу медиума скользнула живая, озадаченная улыбка. Он почесал голову.

— Ну и дела, черт меня дерит, — сказал он. — Никогда не думал, что мною будет командовать какой-то китаец, но он меня позвал, и вот приходится, чтоб ему пусто было, идти без разговоров. Так вот он я. Чего вы хотели?

— Да собственно, ничего.

— Странно. А китаец, наверно, подумал, что вам чего-то от меня нужно, вот и вытолкал меня сюда.

— Скорее вы нуждаетесь в нас. Вам необходимо знание. — Это точно, я и впрямь чуток сбился с курса. Я знаю, что мертв, потому что нашего артиллериста разорвало на части прямо у меня на глазах. А раз он мертв, то и я мертв, — мы все, как один, до последнего человека. А мы-то смеемся над нашим священником, потому что он, как и все мы, не может ничего понять. Бедняга поп, черт бы его подрал, — я так думаю о нем про себя. И вот мы все теперь бороздим дно.

— А как назывался ваш корабль?

— Монмаут.

— Это тот, что затонул, сражаясь с немецким кораблем? — Так точно. В Южной Америке. Это был настоящий ад. Да, именно настоящий ад, — чувства переполняли его. — Но, — уже бодрым тоном добавил он, — я слышал, они тоже полегли. Это так, сэр?

— Да, они все пошли ко дну.

— Мы не встречали их здесь. Может, так оно и лучше. А то ведь мы зла не забываем.

— И напрасно, — сказал Мейли. — В этом ваша беда. Именно поэтому наш китаец-поводырь вас сюда и привел. Мы должны вас наставить на путь истинный. И передайте наши слова своим друзьям.

— Благослови вас Господь, сэр, все они здесь, у меня за спиной. — Ну, тогда слушайте и внимайте: прошло время мыслей о мести и земных страстей. Ваши помыслы должны быть устремлены вперед. Оставьте землю, к которой вас все еще притягивают воспоминания, и думайте лишь о том, как бы сделать свои устремления бескорыстными и достойными более возвышенной, покойной и прекрасной жизни. Вы в состоянии это понять? — Я постараюсь, сэр. И они тоже. Мы нуждаемся в рулевом, сэр, потому что не знаем, как себя вести, и мы никак не ожидали, что попадем в такую переделку. Мы слышали, что есть рай и ад, но место, где мы оказались, не похоже ни на то, ни на другое. Вот этот китайский джентльмен говорит, что наше время истекло, но мы сможем с вами повидаться на следующей неделе. Благодарю вас, сэр, от себя лично и от своих товарищей. Мы еще придем. Наступила тишина.

— Это просто невероятно, — задыхаясь, вымолвил Мелоун. — Интересно, что сказали бы читатели, если бы я описал этот моряцкий жаргон и его манеру говорить и в конце сообщил, что он явлен нам миром духов? Мейли пожал плечами:

— Какая разница, что скажут читатели? Когда я только начинал заниматься спиритизмом, я был крайне впечатлителен и чувствителен ко всему, но сейчас нападки газетчиков беспокоят меня меньше, чем выстрел

из винтовки по танковой броне. Честно говоря, они мне глубоко безразличны. Наша задача — как можно ближе подойти к истине, а все остальное предоставим другим.

— Признаться, я не больно-то разбираюсь в этих делах, — сказал Рокстон, — но больше всего меня поражает, что, оказывается, все они — простые скромные люди. Так почему же они вынуждены блуждать во тьме и являться сюда по желанию этого китайца, если при жизни не причинили никому вреда?

— Все дело в мощных узах, связывающих их с землей, и отсутствии каких-либо духовных связей у каждого из них, — объяснил Мейли. — Например, священник, — он зашорен догматами и канонами. Или материалист, — он всю жизнь верил исключительно в торжество материи. Моряк вынашивает планы мести. Да здесь их мириады.

— Где это здесь? — не понял Мелоун.

— Здесь, — повторил Мейли, — на поверхности земли. Вы и сами могли в этом убедиться, когда ездили в Дорсетшир. Все, что происходило там, происходило на земле. Это был вопиющий случай, что сделало его еще более зримым и наглядным, но в целом он не является исключением из общего правила. Мне кажется, что земля буквально наводнена привязанными к ней душами и что, когда начнется, как говорится в пророчествах, великое очищение, это будет не только во благо им, но и во благо живущим на земле. Мелоун вспомнил странного провидца Миромара и его речь на собрании членов Спиритуалистической церкви в тот вечер, когда они с Энид впервые посетили ее.

— Вы что же, полагаете, что грядет какое-то бедствие? Мейли улыбнулся.

— Это слишком долгий разговор, сейчас не до него, — сказал он. — Я полагаю... Но — вот опять появился Чанг!

Дух-проводник вступил в разговор.

— Я вас слышал. Я сижу и слушаю вас, — сказал он. — Вы говорите о том, что произойдет. Пусть предначертанное свершится! Время еще не пришло. Когда же настанет час узнать правду, вам сообщат. Запомните это. Все к лучшему. Все, что ни происходит, — все к лучшему. Бог не совершает ошибок. Вокруг меня те, кто нуждается в вас, я ухожу.

Быстро сменяя друг друга, перед собравшимися прошли несколько духов. Один из них оказался архитектором, который сообщил, что жил в Бристоле. Он не творил зла, он просто отметал от себя любые мысли о будущем, и вот теперь скитается во тьме, и ему нужно указать путь. Другой дух жил в Бирмингеме. Он был образованный человек, но материалист.

Мейли никак не удавалось убедить его в том, что он действительно умер. Затем появился очень шумный и рьяный субъект, отличавшийся крайне примитивными религиозными взглядами, ограниченный и нетерпимый. Он постоянно повторял слово кровь.

— Что это за непристойный балаган? — несколько раз спросил он. — Это не балаган. Мы здесь для того, чтобы вам помочь, — ответил Мейли.

— Я не нуждаюсь в помощи дьявола!

— Неужели вы полагаете, что дьявол станет заниматься тем, чтобы спасти заблудшие души?

— Это одна из его уловок! Говорю вам, это от лукавого! Имейте в виду, я не желаю принимать в этом участие!

Тут же незамедлительно возник спокойный, загадочный китаец. — Хороший человек. Глупый человек, — еще раз повторил он. — Много время. Поймет лучше когда-нибудь. Теперь — тяжелый случай... Очень плохой случай. Ох!

Он откинулся на подушки и не поднялся даже тогда, когда женский голос позвал:

— Джанет! Джанет!

После некоторой паузы голос раздался вновь:

— Джанет, ты слышишь?! Где утренний чай? Джанет! Нет, это невыносимо! Сколько можно тебя звать! Джанет! — Фигура на диване приподнялась, моргая и протирая глаза. — Что происходит? Кто вы? И по какому праву находитесь здесь? Известно ли вам, что это мой дом?!

— Простите, но это мой дом.

— Ваш?! Да как же это может быть, если я нахожусь у себя в спальне? Сейчас же убирайтесь отсюда вон!

— Сожалею, но вы не понимаете, где находитесь.

— Я сейчас же прикажу, чтобы вас выгнали вон! Какая наглость! Джанет! Джанет! Похоже, сегодня утром никто не хочет позаботиться обо мне. — Оглянитесь вокруг, мадам! Разве это ваша спальня?

Тербейн ошалело поглядел вокруг:

— Да я в жизни не видала этой комнаты! Где я? Что же все это значит? Вы производите впечатление приятной дамы. Ради Бога, объясните мне, что происходит! Мне так страшно, так страшно! Где же Джон и Джанет? — Вы ничего не припоминаете?

— Я помню, что строго отчитала Джанет. Это, видите ли, моя горничная, а в последнее время стала такой небрежной. Да, я сердилась на нее. Я настолько рассердилась, что даже слегла. Врачи рекомендовали мне не волноваться, но как можно заставить себя не волноваться? Еще я помню,

что начала задыхаться и тогда попыталась позвать Джанет... Но почему я оказалась в другой комнате?

— Ночью вы переселились в мир иной.

— В мир иной? Вы хотите сказать, что я умерла?!

— Да, мадам, именно так.

Некоторое время длилось молчание, а затем раздался истошный вопль: — Нет, этого не может быть! Это сон! Ночной кошмар! Разбудите меня! Слышите, разбудите! Я не могла умереть! Я еще не готова умереть! Мне такое и в голову не могло прийти! Но если я умерла, то почему я не в аду, не на небесах? Что это за комната? Ведь это обычная комната. — Да, мадам, вас привели сюда и позволили воспользоваться телом этого господина.

— Господина?! — Она судорожно ощупала пиджак и провела рукой по лицу. — Да, это мужчина... Значит, я мертва! Я умерла! Что же мне теперь делать? — Вы здесь для того и находитесь, чтобы мы могли вам все объяснить. Вы, насколько я понимаю, были светской дамой, обеими ногами стоящей на земле. И вас в этой жизни интересовали только материальные блага. — Я ходила в церковь. Каждое воскресенье, в церковь Спасителя. — Это еще ничего не значит. В расчет принимается только ежедневная духовная жизнь, а вы жили лишь материальным. Потому-то вы и привязаны сейчас к земле. Когда вы покинете тело этого господина, вы вновь окажетесь в собственном теле, в знакомой обстановке, но никто вас не увидит. Вы останетесь невидимкой, сколь бы ни пытались привлечь к себе внимание. Вашу телесную оболочку похоронят, но вы по-прежнему будете существовать, такая же, как всегда.

— Но что же мне делать? Что я могу сделать, а?

— Вам следует принять все происходящее с легким сердцем, понимая, что это необходимо для вашего очищения. Мы можем освободиться от материальной оболочки, только пройдя через страдание. Все будет хорошо. Мы станем молиться за вас.

— О, пожалуйста! Мне это сейчас необходимо! О, Господи!... — голос затих вдали.

— Нехороший случай, — сказал, поднимаясь с подушек, китаец. — Эгоистичная женщина, плохая женщина. Живет для удовольствия. Плохо обращается с теми, кто вокруг. Ей придется много страдать. Но вы направить ее по верный путь. Мой медиум устал. Многие ждут, но сегодня мы больше не примем никого.

— Доброе ли дело мы делаем, Чанг?

— Много добра, много добра.

— А где все эти люди, Чанг?

— Я уже вам говорил.

— Это так, но я хочу, чтобы ваш рассказ услышали и эти джентльмены. — Семь сфер окружают землю, самые тяжелые внизу, самые легкие — наверху. Первая сфера — на земле. Эти люди находятся в ней. Каждая сфера отделена от другой, поэтому вам легче общаться с этими людьми, чем теми, кто находится в других сферах.

— А им, соответственно, легче общаться с нами?

— Да. Но надо быть осторожным, когда не знаешь, с кем говоришь. Надо прежде расспросить духа.

— А к какой сфере принадлежите вы, Чанг?

— Я из четвертой сферы.

— А в какой по счету сфере духи начинают чувствовать себя поистине счастливыми?

— В третьей. Страна вечного лета. В Библии она названа третьим небом Много мудрости в Библии, только людям не дано ее постичь. — А седьмое небо?

— О! Там пребывает мессия. В конце концов все попадут туда — вы, я, все.

— А что за ним?

— Слишком много вопросов, мистер Мейли. Бедный старый Чанг не знает так много. А теперь прощайте! Да благословит вас Господь! Я ухожу. Сеанс закончился, а через несколько мгновений Тербейн, бодрый и улыбающийся, уже сидел на диване, явно не помня ни о чем, что произошло. Он не располагал лишним временем, к тому же жил достаточно далеко, поэтому сразу же собрался уходить, унося с собой единственную награду за труды — благословение тех, кому он помог. Маленький скромный бескорыстный человек, где окажется он, когда все мы займем истинные места, предназначенные для нас Творцом по ту сторону добра и зла?

Но на этом собрание не закончилось: гостям хотелось поговорить, а чете Мейли — послушать.

— Я хочу сказать, — начал Рокстон, — что тут, конечно, крайне интересно, но в то же время налицо элемент спектакля, вам не кажется? Трудно поверить, что все происходит на самом деле, — надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Мне тоже так показалось, — отозвался Мелоун. — Разумеется, на первый взгляд это просто невероятно. Это настолько необыкновенно, что на таком фоне все события реальной жизни, бесспорно, отходят на второй

план. Но человеческий рассудок полон загадок. Я читал об экспериментах Мортон Принса, мисс Бошам и других, а также о результатах опытов Шарко и о школе гипноза под руководством Нанси. Так вот они при помощи гипноза могут создать из человека абсолютно новую личность. Дело в том, что наш мозг напоминает веревку, которую можно расщепить на множество нитей, и каждая нить — это как бы отдельный человек, особая сторона личности, которая, будучи вычленена во время гипнотического сеанса, может действовать и говорить от своего имени. Конечно, мистер Тербейн производит впечатление честного человека, который вряд ли станет заниматься мистификацией, но можем ли мы быть уверены в том, что он не находится под воздействием самогипноза, в результате чего одна сторона его сознания приобретает черты мистера Чанга, другая превращается в моряка, а третья — в светскую даму, и так далее?

Мейли рассмеялся.

— В каждом человеке живет свой мистер Хайд, — сказал он, — но это справедливое возражение, поэтому его следует рассмотреть. — Мы тщательно исследовали несколько случаев, — вступила в разговор миссис Мейли, — все сходится — имена, адреса, словом, все. — А может быть, мистер Тербейн просто применяет на практике свои знания. Может быть, он заранее все разузнал. Как носильщик, работающий на вокзале, он имеет доступ к самой разнообразной информации. — Вы присутствовали только на одном сеансе, — заметил Мейли. — Но стоит вам повидать столько же, сколько видели мы, и вы сможете оценить совокупное значение этих свидетельств, что значительно умалит ваш скепсис. — Вполне возможно, — сказал Мелоун. — Понимаю, мои сомнения вам крайне неприятны, но берусь утверждать, что в таких делах необходима предельная честность. Как бы там ни было, мне редко доводилось испытать что-либо подобное. Боже милостивый! Если то, что я видел, правда и если бы у вас были тысячи таких кружков, то какое возрождение духа могло бы нас ожидать!

— Такое время обязательно наступит, — ответил Мейли своим спокойным ти решительным голосом. — Надеюсь, мы до него доживем. Жаль, что наш сеанс не убедил вас окончательно, но, смею надеяться, вы еще не раз будете нашим гостем.

Однако случилось так, что дальнейшие опыты оказались излишними: в тот же вечер Мелоун получил в высшей степени убедительные доказательства, причем самого неожиданного свойства. Не успел он вернуться в редакцию и расположиться за письменным столом, чтобы



набросать беглый отчет об увиденном, как в комнату ворвался Мейли; его рыжая борода тряслась от возбуждения. Он размахивал номером Ивнинг ньюс. Ни слова не говоря, он уселся возле Мелуона, развернул газету и начал читать: ХРОНИКА ПРОИСШЕСТВИЙ

Сегодня около пяти часов вечера неожиданно рухнул старинный дом, который, как считалось, был построен еще в пятнадцатом веке. Он стоял на углу Лессер-Кольман-стрит и Эллиот-Сквер, рядом со штаб-квартирой Ветеринарного общества. Большинство жильцов, напуганных оглушительным треском, успели выскочить на улицу, однако три человека: Джеймс Билль, Вильям Мэрсон и какая-то женщина, имя которой установить не удалось, — были придавлены обрушившейся им на голову лавиной бревен и камней. Двое сразу скончались, а третий, Джеймс Билль, оказался под огромным бревном и громко взывал о помощи. Принесли пилу, и один из жильцов, Самюэль Хокин, доблестно пытался освободить несчастного. Пока он пилил бревно, рядом с ним, среди обломков, начался пожар, и, хотя он держался до последнего и продолжал работу, пока сам не оказался в огне, спасти Билля не удалось. Тот, вероятно, скончался от удушья. Хокин был доставлен в больницу, и сейчас его жизнь вне опасности.

— Вот так-то! — заключил Мейли, складывая газету. — А теперь, мистер Фома неверующий, я предоставляю вам самому делать выводы, — и с этими словами ярый поборник спиритизма удалился — столь же стремительно, как и вошел.

## Глава XI В КОТОРОЙ САЙЛАС ЛИНДЕН ПОЛУЧАЕТ ПО ЗАСЛУГАМ

Сайлас Линден, лжемедиум и бывший чемпион, знавал в жизни и неплохие деньки — деньки, богатые событиями, к каким бы последствиям, плохим или хорошим, они ни вели. Был момент, когда он поставил сто против одного на кобылу по кличке Розалинда, а затем на выигрыш пил, не просыхая, сутки подряд. Было и так, что его излюбленный правый апперкот в высшей степени точно и артистично совместился с выступающим подбородком Булла Уордела из Уайтчепла, что в значительной степени приблизило его к получению Пояса Лонздейла. — высшей награды боксеров-профессионалов. Но во всей его разнообразной жизни не выдавалось еще такого дня, как этот, поэтому нам имеет смысл пройти его с Сайласом до конца. Религиозные люди утверждают, что человеку с нечистыми помыслами опасно прикасаться к духовному. Жизнь Сайласа Линдена в полной мере могла стать подтверждением подобной точки зрения. Чаша его грехов была переполнена задолго до того, как пробил час расплаты.

Когда он покинул дом Алджернона Мейли, у него были все основания утверждать, что хватка у лорда Рокстона хоть куда. В пылу битвы он едва ли мог осознать понесенный им телесный ущерб, но теперь, за порогом дома, он стоял, держась рукой за изрядно помятое горло, не уставая извергать все новые проклятья. Его грудь болела там, где Мелоун придавил ее коленом, и даже единственный удачный удар, отбросивший Мейли к стене, не прошел для него даром, ибо был нанесен той самой покалеченной рукой, на которую он жаловался брату. Словом, Сайлас Линден пребывал в безобразном настроении, и на то имелись существенные причины.

— Я еще доберусь до вас, — злобно бормотал он, косясь своими поросячьими глазками на дверь, откуда его только что выставили. — Погодите, я вам еще покажу! — Затем, внезапно озаренный какой-то мыслью, он пошел вниз по улице.

Направился он к полицейскому участку на Бардсли-Сквер, где зашел к инспектору Мерфи, румяному и жизнерадостному здоровяку с лихо закрученными усами.

— Ну, зачем пришел? — не очень-то дружелюбно спросил инспектор. — Я слышал, вы взяли одного медиума за жабры.

— Да, есть такое дело. Оказывается, он твой брат.

— Ну и что? По мне что брат, что сват. Главное, вы получили подсудимого и обвинительный приговор. А где моя доля?

— У меня для тебя ни шиллинга.

— Что?! Да разве не я вас навел?! Что бы вы делали, если бы я не указал вам, где его логово?

— Если бы ему присудили штраф, может, я бы и выговорил тебе что-нибудь, да и нам бы перепало. Но мистер Мелроуз отправил его в тюрьму, так что никому ничего не обломилось.

— Врете вы все. Уж эти две бабы свое получили. И с какой стати мне сдавать полиции родного брата, чтобы с этого поживилась ваша братия? В следующий раз сами ищите себе подсудимого.

Мерфи был человек вспыльчивый, и к тому же с обостренным чувством собственной значимости, и вовсе не собирался сносить оскорбления в собственном кабинете. Он покраснел и поднялся из-за стола. — Вот что я тебе скажу, Сайлас Линден. Я мог бы сам найти все, что мне нужно, не выходя из этой комнаты. А ты лучше убирайся отсюда, да поскорей, иначе придется задержаться здесь чуток подольше, чем тебе хотелось бы. У нас и на тебя есть жалобы: ты дурно обращаешься со своими детьми, и благотворительное общество уже начало проявлять к этому делу интерес. Смотри, как бы мы тоже тобой не заинтересовались. Сайлас Линден вылетел из комнаты вне себя от гнева, и даже пара стаканчиков рома, которые он перехватил по дороге домой, не привела его в чувство. Напротив, он принадлежал к породе людей, которые только распаляются от выпивки. Мало кто из его дружков соглашался пить с ним. Сайлас жил в одном из небольших кирпичных домов, образующих улицу Болтонс-корт, что расположена на задворках Тоттенхэм-Корт-роуд. Дом стоял в конце улицы, в тупике, причем одна из стен была общей с пивоварней. Комнатушки в домах были настолько малы, что обитатели квартала предпочитали проводить время на улице. Когда в свете единственного фонаря показалась коренастая фигура Сайласа, старики, вышедшие подышать свежим воздухом, проводили его неодобрительным взглядом: хотя моральные устои Болтонс-корта были невысоки, некоторая социальная градация там все-таки существовала, причем Сайлас занимал в ней последнее место. У порога своего дома стояла Ребекка Леви, высокая худая еврейка с крючковатым носом, — она жила как раз по соседству с нашим чемпионом. К ее ногам, держась за подол, жался ребенок. Глаза ее сверкали от гнева. — Мистер Линден, — сказала она, когда Сайлас поравнялся с ней, — вам следует лучше присматривать за детьми. Сегодня

ко мне приходила малышка Марджери. Девочка всегда голодна!

— Не суй свой нос в чужие дела, черт тебя подери! — прорычал в ответ Сайлас. — А я ведь уже тебя предупреждал. Будь ты мужчиной, мы бы иначе с тобой поговорили!

— Будь я мужчиной, ты бы вряд ли осмелился так со мной говорить. Стыдно, Сайлас Линден, так обращаться с этими несчастными крошками. Если дело дойдет до суда, уж я найду, что сказать.

— Пошла к черту! — ответил Линден, ногой открывая дверь своей халупы. Из гостиной выглянула крупная, неряшливо одетая женщина с копной крашенных волос и остатками былой красоты, некогда цветущей, а теперь несколько перезрелой.

— А, это ты, — сказала она.

— А ты думала кто? Герцог Веллингтонский?

— Я думала, это взбесившийся бык сорвался с цепи и вперился рогами в нашу дверь.

— Шутишь, да?

— Считай, что так, хотя особого повода для шуток нет. В доме ни гроша, все пиво выпили, да еще от этих твоих паршивых детей одно расстройство.

— Что они еще натворили? — хмуро спросил Сайлас.

Когда эта достойная чета не находила повода повздорить друг с другом, они объединялись против детей. Сайлас прошел в гостиную и плюхнулся в кресло.

— Им опять являлось видение твоей первенькой.

— Ты-то откуда знаешь?

— А я слышала, как он что-то такое говорил девчонке. Мол, матушка была здесь. А потом с ним случился один из его припадков. — Это у него в крови.

— Ну, конечно, — ответила женщина. — А работают за него пусть дураки. — Заткнись, женщина! У моего братца Тома тоже случаются припадки, а этот парень — точная копия своего дядюшки. Так, говоришь, он впадал в транс? Ну, а ты что?

Женщина злобно ухмыльнулась.

— Я поступила так же, как ты.

— Что, опять капала на него сургучом?

— Так, чуть-чуть. Только чтобы разбудить. Это единственный способ привести его в чувство.

Сайлас пожал плечами:

— Берегись, малышка. Что-то нас стали последнее время полицией

пугать, а уж если там увидят ожоги, то мы оба рискуем оказаться за решеткой.

— Сайлас Линден, ты дурак! Разве мать не имеет права наказывать собственных детей?

— Конечно, имеет, но это не твой ребенок, а о мачехах всегда идет дурная слава. Да еще эта проклятая еврейка... Когда ты в прошлый раз стирала белье, она видела, как ты била Марджери бельевой веревкой. Она сама мне об этом сказала. А сегодня еще привязалась, что, мол, девчонка голодна.

— Ишь ты, голодна! Прожорливые ублюдки! Я, когда обедала, по целой краюхе им дала! Да им бы не повредило немножко поголодать, по крайней мере, грубить перестали бы.

— Что? Вилли тебе нагрубил?

— Да, когда очнулся.

— Это после того, как ты вылила на него горячий сургуч? — Так для его же блага, чтобы отучить от дурных привычек. — Что же он сказал?

— Обругал меня последними словами, вот что. Про мамочку свою говорил — уж она бы, говорит, мне бы показала. От этой его мамочки меня просто тошнит.

— Ты Эми лучше не трожь. Она была хорошей женщиной.

— Вон как ты запел. Однако когда она была жива, ты как-то странно проявлял свою любовь.

— Заткни пасть! И так тошно, а тут еще ты со своей болтовней! Нашла чего — к могиле ревновать!

— А ее выродки могут меня оскорблять как угодно! Это меня-то, которая заботилась о тебе последние пять лет!

— Чего к словам цепляешься! Ладно, я с ним сейчас поговорю. Где ремень? Тащи сюда мальчишку!

Женщина бросилась его целовать.

— Сайлас, единственный ты мой!

— Черт возьми, всего обслюнявила. Видишь, я не в духе. Живо тащи Вилли! И Марджери заодно. Пусть смотрит и набирается ума — сдается мне, до нее эта наука доходит лучше, чем до него.

Женщина вышла, но тут же вернулась.

— Он опять в отключке, — сказала она. — Меня от одного его вида тошнит. Иди-ка сюда, Сайлас, да сам посмотри!

Они прошли в кухню. В очаге потрескивал огонь. На стуле возле огня, съезжившись, сидел белокурый мальчик лет десяти. Его нежное личико было обращено к потолку, глаза полуприкрыты, из-под век виднелись

только белки. На тонком одухотворенном лице застыло выражение безмятежности и покоя. Из угла на брата смотрели печальные, испуганные глаза сестренки, бедной затравленной малышки, на год или два младше его.

— Ну и видок — жуть! — сказала женщина. — Будто и не от мира сего. Лучше бы уж переселился на тот свет, а то здесь от него толку чуть. — Эй, проснись! — гаркнул Сайлас. — Кончай свои штучки! Просыпайся давай! Ты слышишь или нет? — Он грубо тряхнул мальчика за плечо, но тот не шелохнулся. Руки ребенка были все в багровых ожогах.

— Ну, я тебе скажу, сургуча ты не пожалела. Неужто, Сара, иначе нельзя было его разбудить?

— Ну подумаешь, плеснула лишнего. Он так меня допек, что я себя не помнила. Ты не поверишь, но он в таком состоянии почти и не чувствует ничего. Хоть в уши ему ори.

Она схватила мальчика за волосы и начала грубо трясти. Он было вздрогнул и застонал, но затем снова впал в транс.

— Ну и дела! — воскликнул Сайлас; потом, почесав подбородок, задумчиво посмотрел на сына и изрек: — На нем можно хорошо заработать. Что, если устроить ему выступление? Чудо-ребенок, или Как это делается. Хорошее название — так и просится на афишу. Его дядюшка — фигура известная, думаю, и ему поверят.

— Ты ведь сам собирался заняться этим делом.

— У меня все сорвалось, — пробурчал Сайлас. — И конечно об этом. — Что, уже попался?

— Я же сказал — хватит! — заорал Сайлас. — У меня руки так и чешутся задать тебе хорошую трепку, так что лучше не выводи меня из себя! — Он изо всех сил ущипнул мальчика за руку. — Вот это да! Ну и чудеса! Неужто он правда ничего не чувствует?

С этими словами он повернулся к почти угасшему очагу, вытащил оттуда щипцами тлеющий уголек и положил его на голову ребенка. Запахло горелым волосом, затем поджаривающимся мясом, и лишь тогда мальчик, вскрикнув от боли, очнулся.

— Матушка! Матушка! — воскликнул он. Девочка в углу принялась плакать: вдвоем они были похожи на испуганно блеющих ягнят. — Черт бы побрал твою матушку! — заорала женщина, схватив Марджери за воротник. — Перестань скулить, ты, маленькая поганка! — И она со всего маху ударила девочку по лицу.

Вилли вскочил и вцепился ей в ноги, но тут удар Сайласа отбросил его в угол. Негодяй схватил палку и начал избивать съезжившихся детей; несчастные крошки плакали и просили пощады, тщетно пытаясь

заслониться от жестоких ударов.

— А ну-ка немедленно прекратите! — вдруг раздался решительный голос. — Не хватало еще этой проклятой жидовки! — сказала женщина и кинулась к двери. — Какого черта ты делаешь в моем доме? Убирайся отсюда, покуда цела!

— Еще раз услышу, что дети плачут — полицию позову!

— А ну, пошла вон! Не суйся, куда не просят, тебе говорю! С угрожающим видом растрепанная женщина стала наступать на Ребекку, но та оказалась не из пугливых. Еще секунда — и они сцепились, но через мгновение раздался истошный крик, и миссис Сайлас Линден отпрянула назад — по ее лицу четырьмя струйками текла кровь. Но тут Сайлас, грязно ругаясь, оттолкнул жену и, схватив незваную гостью поперек туловища, вышвырнул за дверь. Она упала навзничь, прямо на мостовую, раскинув руки и всем своим видом напоминая полузадушенную птицу. Ребекка погрозила Сайласу кулаком и разразилась проклятиями. Со всех сторон уже бежали соседи, которым не терпелось узнать подробности ссоры.

Наблюдавшая из-за шторы миссис Линден с некоторым облегчением увидела, что ее противница смогла подняться и без посторонней помощи доковылять до дверей своей развалюхи, громко кляня обидчика. А евреи не так-то легко забывают обиды, ибо представители этой нации одинаково умеют и любить, и ненавидеть.

— С ней все в порядке, Сайлас. А я уж было испугалась, что ты ее убил.

— Она того заслуживает, жидовка проклятая. Надо поставить ее на место, пусть не суется в наши дела. А с этого ублюдка Вилли я шкуру спущу — это он во всем виноват. Ну-ка, где он?

— Они удрали к себе: я слышала, как они запирали дверь. — Я им еще покажу!

— Не стоит сейчас, Сайлас. Соседи вокруг, только неприятности себе наживешь.

— Ты права, — пробурчал Линден. — Дело терпит. Подождут, пока я вернусь.

— А ты куда?

— Пойду схожу в Адмирал Вернон. Может, подвернется работенка, возьмут спарринг-партнером к Длинному Дэвису. Он в понедельник начинает тренировки, и ему нужен боксер моего веса.

— Посмотрим, в каком виде ты вернешься. Мне уже порядком надоело, что ты все шляешься по пивным. Знаем мы, что это за Адмирал

Вернон. — Единственное место, где я могу отдохнуть, — ответил Сайлас. — А я, по-твоему, только и делаю, что отдыхаю, — ни минуты покоя, по крайней мере с тех пор, как вышла за тебя.

— Это точно! Давай-давай, крой меня на чем свет стоит! — сквозь зубы прорычал он. — Если бы вечное брюзжание приносило счастье, ты была бы самым счастливым человеком на свете.

Он взял шляпу и ушел; минуту спустя его тяжелые шаги загрохотали по огромным деревянным люкам пивных погребов.

А в это время в полумраке чердака на ветхом соломенном тюфяке сидели две маленькие фигурки. Они сидели обнявшись, тесно прижимаясь друг к другу, и слезы их смешивались, катясь по щекам. Они и поплакать-то громко не смели, потому что любой неосторожный звук мог напомнить об их существовании чудовищу, рыскающему внизу. Время от времени один из них забывался и начинал громко всхлипывать, и тогда другой шептал: Тише! Тише! Внезапно они услышали, как хлопнула дверь и по улице загремели тяжелые шаги. Они радостно обнялись. Быть может, вернувшись, он их убьет, но сейчас, пусть на короткое время, они в безопасности. Мачеха, конечно, тоже была злой и жестокой, но все же не такой беспощадной, как отец. Какое-то смутное чувство подсказывало детям, что именно он свел мать в могилу, и они понимали, что их может ожидать та же участь. На чердаке было темно; лишь в единственное окно проникал слабый свет, прочертивший на полу узкую полосу, а вокруг, по углам, лежала густая тень. Внезапно мальчик напрягся и сильнее прижал к себе сестру — взгляд его был устремлен в темноту.

— Она идет! — пробормотал он. — Это она!

Малышка Марджери прижалась к нему.

— Это матушка, Вилли?

— Я вижу свет — прекрасное золотое сияние! Неужели ты сама не видишь, Марджери?

Но девочка, как и большинство людей, была лишена подобного зрения. Она видела вокруг только сумрак.

— Вилли, говори, говори еще! — благоговейным шепотом попросила она. Ей совсем на было страшно — покойная мать часто являлась по ночам, чтобы утешить своих несчастных детей.

— Да, да, это она! О, матушка, матушка!

— Вилли, что она говорит?

— О, она такая красивая! У нее в глазах нет слез! Она улыбается! Она похожа на того ангела, что мы видели в церкви, и кажется совсем счастливой! Милая, милая матушка! Тсс, она говорит... С этим



покончено... навсегда!.. Вот она манит нас рукой. Мы должны идти — она уже в дверях! — О, Вилли, я боюсь!

— Смотри, она кивает нам, говорит, что не надо бояться. Вот вышла за дверь. Скорее, Марджери, не то мы потеряем ее из виду! Детки на цыпочках прокрались к выходу, и Вилли отпер дверь. Матушка стояла у лестницы, маня их за собой. Шаг за шагом они спустились вниз. Кухня была пуста: очевидно, мачеха куда-то ушла. В доме царила тишина. Призрак вновь поманил их рукой.

— Мы должны отсюда уйти, — сказал брат.

— Но, Вилли, мы даже шапочки не успели надеть.

— Пойдем, Мадж. Она улыбается и машет нам.

— Отец нас за это убьет!

— Она качает головой! Говорит, чтобы мы ничего не боялись. Идем! Они распахнули дверь, пересекли двор и, следуя за легкой лучистой тенью сквозь лабиринт узких улочек, вышли на шумную, людную Тоттенхэм-Корт-роуд. Редкий прохожий среди этой слепой толпы словно по наитию внезапно останавливался, учуяв ангела, провожал долгим взглядом двух бледных, измученных детей, следующих за неземным видением: мальчика с застывшим отрешенным взором и девочку, то и дело в страхе оглядывающуюся назад. Они прошли большую оживленную улицу, затем свернули в бедный квартал и оказались наконец перед целым рядом однотипных кирпичных домов. Видение застыло перед одним из них.

— Надо постучать, — объявил Вилли.

— Но что мы скажем? Ведь мы же их не знаем!

— Мы должны постучать, — настойчиво повторил брат, и девочка стукнула в дверь. — Вот видишь, Мадж, она хлопает в ладоши и улыбается. Так уж оно получилось, что миссис Том Линден, как раз в эту пору в одиночестве и унынии предававшаяся мыслям о судьбе несчастного арестанта, под действием какой-то неведомой силы открыла дверь и обнаружила на пороге двух малюток, которые стояли потупившись, словно извиняясь за то, что осмелились нарушить ее покой. Несколько слов, неожиданный проблеск интуиции, — и вот дети уже в ее объятиях. Два маленьких челночка, столь рано искалеченных невзгодами, наконец-то обрели мирную пристань, где им уже не грозил никакой шторм.

А на Болтонс-корт этой ночью происходили странные события. Одни полагали, что между ними никакой связи не было, кое-кто подобную связь усмотрел, а закон Британской империи закрыл на все глаза и посему ничего по этому поводу сказать не имел.

Из окна предпоследнего дома вглядывалось в ночную тьму чье-то лицо

с хищными заостренными чертами. Сзади его освещал тусклый свет прикрытой чем-то свечи, и в этом неясном свете оно казалось мрачным, как смерть, и беспощадным, как могильная плита. За спиной у Ребекки Леви стоял молодой человек; его черты со всей очевидностью свидетельствовали, что он принадлежит к той же древней нации, что и она. Уже часа два женщина сидела так, ни слова не говоря, у окна. При входе во двор висел фонарь, отбрасывавший на землю желтый круг света. На этот светлый островок и был устремлен ее сосредоточенный взор.

Наконец она увидела того, кого ждала. Она вздрогнула и что-то прошептала. В то же мгновение молодой человек выскочил на улицу и исчез в боковой двери, ведущей в пивоварню.

Пьяный Сайлас Линден возвращался домой. Настроение у него было мрачное: его переполняло чувство обиды. Он не получил долгожданной работы — помешала искалеченная рука. Все это время он проторчал в баре, ожидая бесплатного угощения, но оно его не удовлетворило. Теперь он исходил злобой, и горе было тому, кто в этот момент оказался бы у него на пути! Проходя мимо темного дома Ребекки, он подумал о ней с ненавистью. Сейчас он ненавидел всех соседей до одного. У них, видишь ли, хватает наглости становиться между ним и его собственными детьми! Но он еще этим деткам покажет. Завтра же утром выведет их во двор и у всех на глазах выпорет до смерти! Пускай знают, что Сайласу Линдену на всех наплевать. А почему не сейчас? Если крики детей разбудят соседей среди ночи, то уж тогда они раз и навсегда запомнят, что нельзя его оскорблять безнаказанно. И, обрадованный этой мыслью, он еще решительнее зашагал вперед. Он был почти у цели, как вдруг...

Так и не удалось выяснить, почему этой ночью люк пивного погреба был неплотно прикрыт. Присяжные были склонны обвинять пивоварню, но коронер заявил, что Линден был человек тучный и сам мог, свалившись, сорвать крышку, в то время как со стороны пивоварни все меры предосторожности были соблюдены. Упав с высоты восемнадцати футов на острые камни, он сломал себе спину. Труп обнаружили лишь на другое утро, и что самое удивительное — его соседка-еврейка не слышала ни звука. Доктор высказал мнение, что смерть наступила не сразу: некоторые признаки указывали на то, что Линден долго бился в агонии. Там, внизу, в темноте, извергая из себя потоки крови и пива, этот человек умер столь же нечестиво, как и жил. Не стоит убиваться по женщине, которая осталась после его гибели одна. Освободившись от своего отвратительного муженька, она вернулась в мюзик-холл, который покинула, соблазненная достоинствами и выдающимися бицепсами этого человека. Она попыталась

вернуть былую популярность, вновь исполняя куплет, принесший ей когда-то известность:

Хи! Хи! Хик!

Я — последний крик!

Посмотрите, моя шляпка —

Это просто шик!

## Глава XII В КОТОРОЙ ПРОИСХОДЯТ ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

Институт Метампсихоза располагался во внушительных размеров здании на авеню Баграм, с подъездом, скорее напоминающим ворота феодального замка. Сюда поздно вечером и явились трое наших друзей. Швейцар проводил их в приемную, где их приветствовал лично доктор Мопюи. Выдающийся авторитет в области психологии, он оказался маленьким крепким человеком с большой головой; чисто выбритое лицо явно свидетельствовало, что в его обладателе чудесным образом сочетаются житейская сметка и чистый альтруизм. С Мейли и Рокстоном он говорил по-французски, но с Мелуном переходил на ломаный английский, а тот пытался бормотать в ответ что-то по-французски. Доктор Мопюи выразил удовольствие от их визита в выражениях, на которые способен лишь истинный француз, в двух словах остановился на выдающихся способностях Панбека, галицийского медиума, а затем повел их в подвал, где должен был состояться эксперимент. Весь облик ученого свидетельствовал о глубоком уме и проницательности, так что даже люди, мало знающие его, понимали, насколько абсурдна версия о том, будто своими знаменитыми результатами он обязан всякого рода шарлатанам.

Спустившись по винтовой лестнице, они оказались в большой зале, напоминающей на первый взгляд химическую лабораторию: полки вдоль стен были уставлены колбами, ретортами, пробирками, весами и другими приборами. Впрочем, помещение было обставлено элегантнее, нежели обычная лаборатория, а в центре располагался массивный дубовый стол, окруженный удобными креслами. На одной из стен висел большой портрет профессора Крукса, рядом — портрет Ломброзо, а между ними — чудесная картина, изображавшая один из сеансов Эвзапии Палладино. Возле стола стояла группа людей, которые тихо переговаривались. Они были так увлечены разговором, что не обратили на вошедших ни малейшего внимания.

— Трое из них — столь же почетные гости, как и вы, — сказал доктор Мопюи. — Двое других — мои ассистенты, доктор Соваж и доктор Бюиссон. Все остальные — известные в Париже лица. Прессу сегодня представляет господин Фор, заместитель главного редактора газеты Матен.. Вам, должно быть, известен вон тот высокий темноволосый человек,

похожий на отставного генерала... Нет? Это профессор Шарль Рише, наш досточтимый старейшина, — он проявил большое мужество, занимаясь нашим делом, хотя пришел к несколько иным выводам, нежели ваши, месье Мейли. Впрочем, это не окончательный результат. Не забывайте, что нам приходится проявлять осторожность, иначе у нас могут возникнуть неприятности с церковью, которая все еще очень влиятельна в нашей стране. Господин с аристократической внешностью и высоким лбом — граф де Граммон. Седобородый господин с головой Юпитера — Фламарион, астроном. А теперь, господа, — сказал он, повысив голос, — если вы сообразите занять свои места, мы можем приступить.

Все расселись вокруг стола, наши англичане — поближе друг к другу. В одном конце возвышался большой фотоаппарат, на столике рядом обращали на себя внимание два цинковых ведра. Заперли дверь и отдали ключ профессору Рише. Доктор Мопюи поместился с краю стола; возле сел невысокий лысый человек средних лет, с усами и необыкновенно умным лицом. — Возможно, кто-то из вас незнаком с месье Панбеком, — сказал доктор. — Позвольте мне его представить. Господа, месье Панбек любезно разрешил нам воспользоваться его удивительными способностями для научных целей, за что все мы бесконечно ему благодарны. Ему сорок семь лет, у него хорошее здоровье, хотя имеется предрасположенность к нейроартритам. Нами отмечены несколько повышенная возбудимость нервной системы и усиленные рефлексy при нормальном кровяном давлении. Сейчас его пульс — семьдесят два удара в минуту, но в состоянии транса достигает ста. На руках и ногах у него обнаружены сверхчувствительные зоны. Поле зрения и зрачковая реакция нормальные. Вот, пожалуй, и все, что я могу сообщить.

— Могу добавить, — подал голос профессор Рише, — что этот человек отличается как физической так и духовной чувствительностью. Панбек очень впечатлительный и эмоциональный человек, в душе он поэт и потому не лишен некоторых маленьких слабостей, если их можно так назвать, которыми, впридачу к таланту, наделен каждый поэт. Великий медиум — это то же, что и великий художник, и к нему следует относиться соответственно. — Господа, мне сдается, он готовит вас к худшему, — с широкой улыбкой заметил медиум под одобрительный смех собравшихся.

— Мы собрались здесь в надежде, что замечательные материализации, которые мы могли наблюдать в прошлый раз, появятся вновь, причем в таком виде, что мы сумеем получить объективное их изображение на снимке. — Доктор Мопюи говорил своим суховатым, лишенным эмоций голосом. — В последнее время эти материализации принимали крайне

необычные формы, поэтому прошу собравшихся подавить в себе чувство страха, сколь странными они бы ни показались, поскольку нам в высшей степени необходима спокойная обстановка и здравый смысл. А теперь выключим верхний свет и оставим лишь очень слабую красную лампочку — до тех пор, пока обстоятельства не позволят нам усилить освещение.

Светом управлял со своего места сам доктор Мопюи. На мгновение все погрузилось во тьму, а затем в углу зажегся слабый красный огонек, позволявший разглядеть лишь смутные очертания людей за столом. Музыка не было, как не было вообще религиозного настроения. Переговаривались все шепотом.

— Разительно отличается от ваших английских сеансов, — сказал Мелуун. — Да, весьма, — согласился Мейли. — У меня такое ощущение, что сейчас мы слишком беззащитны перед лицом того непознанного, что может явиться нам во время сеанса, а зря. Они не сознают опасности.

— Что же нас подстерегает?

— Видите ли, это все равно, что сидеть на берегу озера, не зная, что таится в нем, — безобидные лягушки или кровожадные крокодилы. Нельзя предвидеть хода событий.

Эти слова услышал профессор Рише, который блестяще владел английским. — Я знаком с вашей точкой зрения, мистер Мейли, — вмешался он, — и не подумайте, что я не принимаю ее в расчет. Некоторые факты, свидетелем которых я сам был, заставляют меня оценить ваше сравнение относительно лягушек и крокодилов. В этой самой комнате я видел существ, которые, если привести их в ярость, сделали бы наши опыты крайне опасными. Я разделяю ваше мнение, что дурные люди, оказавшись среди нас, могут привлечь в наш кружок злых духов.

— Мне приятно слышать, сэр, что вы постепенно переходите на наши позиции, — сказал Мейли, поскольку он, как и другие, считал Рише одним из мировых авторитетов.

— Допустим, перехожу, но не беру на себя смелость сказать, что уже полностью их разделяю. Скрытые возможности воплощенного духа могут быть столь неожиданными, что бесполезно даже строить догадки относительно их пределов. Как старый материалист, я сражаюсь за каждую пядь земли, хотя должен признать, что уже оставил несколько рядов своих укреплений. Насколько я понимаю, мой выдающийся друг Челленджер все еще держит оборону на передовых рубежах.

— Да, сэр, — начал было Мелуун, — и все же я не оставляю надежды... — Тише! — нетерпеливо воскликнул Мопюи.

Воцарилась полная тишина. Затем словно что-то беспокойно

заметалось и послышался странный хлопающий звук.

— Птица! — раздался благоговейный шепот.

Снова наступила тишина, а затем вновь возникло некоторое движение и раздались нетерпеливые хлопки.

— У вас все готово, Рене? — спросил доктор.

— Все.

— Тогда снимайте!

Комнату озарила вспышка, и взорам присутствующих открылось удивительное зрелище: медиум склонился над столом, уронив голову на руки — он был явно погружен в транс, — а на его округлых плечах сидела огромная хищная птица, сокол или орел. На какое-то мгновение картина, словно на фотографии, застыла у всех на сетчатке, а затем вновь наступила темнота, если не считать двух красных лампочек, поблескивающих в углу, будто глаза какого-то злого демона.

— Ну и ну! — едва мог вымолвить Мелоун. — Вы видели? — Крокодил из озера, — сказал Мейли.

— Но вполне безобидный, — добавил профессор Рише. — Эта птица уже не раз прилетала к нам. Она лишь хлопает крыльями, в чем вы сами могли убедиться, а в остальном активности не проявляет. У нас может появиться куда более опасный гость.

Вспышка света конечно же разрушила эктоплазму, и пришлось все начинать сначала. Прошло минут пятнадцать, как вдруг Рише тронул Мейли за руку.

— Не ощущаете ли вы какого-нибудь запаха, месье Мейли? Мейли принюхался:

— Да, конечно, — чем-то напоминает наш Лондонский зоопарк. — Есть и другая, более простая аналогия. Приходилось ли вам находиться в натопленной комнате вместе с мокрой собакой? — Верно! — ответил Мейли. — Очень точное сравнение. Но где же собака? — Это не собака. Минуту терпения, и вы сами все увидите. Запах усилился; он уже наполнил всю комнату. Тут вдруг Мелоун ощутил возле стола какое-то движение и в тусклом свете красного фонаря разглядел очертания уродливой, полусогнутой и корявой фигуры, отдаленно напоминавшей человеческую: ее силуэт отчетливо выделялся на фоне светового пятна. Существо было большим, неуклюжим, с круглой головой, короткой шеей и здоровенными мощными плечами. Не разгибаясь, оно медленно шло по кругу, затем остановилось, и тут кто-то вскрикнул — это был возглас удивления, к которому явно примешивался страх.

— Не бойтесь, — успокоил тихий голос доктора Мопнои. — Это

питекантроп. Он совершенно безобиден. — Будь это кошка, случайно оказавшаяся в комнате, он и то вряд ли говорил бы более спокойно. — Ну и когти у него, а между тем он трогает меня за шею! — слышался крик.

— Да это он так ласкается.

— Я готов уступить вам свою долю его ласки, — в голосе говорившего звучала дрожь.

— Только, ради Бога, не отталкивайте его! Мало ли к чему это может привести. Сейчас у него хорошее настроение, но он, как и все мы, далеко не ангел.

Существо возобновило свое медленное движение. Теперь оно обогнуло стол и остановилось возле наших троих друзей. Затылками они чувствовали его порывистое дыхание. Внезапно лорд Рокстон вскрикнул от отвращения. — Спокойно, не волнуйтесь! — приказал Мопюи.

— Оно лижет мне руку! — не мог успокоиться Рокстон.

В следующее мгновение Мелоун почувствовал, как косматая голова вклинилась между ним и лордом Рокстоном, — левой рукой он мог дотронуться до длинных жестких волос. Потом существо повернулось к нему, и ему стоило больших усилий сдержать себя, чтобы не отдернуть руку, когда длинный мягкий язык коснулся ее. Затем существо исчезло.

— Ради Бога, скажите, что это такое? — спросил Мелоун. — Нас просили его не снимать — вспышка света могла бы вызвать у него ярость. Таково было указание, переданное нам через нашего медиума. Мы можем лишь предположить, что это был либо обезьяноподобный человек, либо человекообразная обезьяна. Однажды мы уже видели это существо, причем намного отчетливее, чем сегодня. Его морда напоминает человекообразную обезьяну, но лоб у него прямой; лапы длинные, ладони большие, туловище покрыто волосами.

— То, что показывал нам Том Линден, было гораздо интереснее! — шепотом произнес Мейли, но Рише услышал его слова.

— Мы должны изучать природу во всем ее многообразии, мистер Мейли, — сказал он. — И не наше дело — выбирать. Что ж, по-вашему, мы должны описывать только цветковые растения и оставить в стороне грибы? — Но вы, по крайней мере, признаете, что это опасно? — Рентгеновские лучи тоже опасны. Вспомните, сколько несчастных поплатились здоровьем, прежде чем человечество осознало эту опасность! И все равно через это необходимо пройти. Так же и здесь — мы даже не знаем еще, что совершаем, но если сумеем доказать, что этот питекантроп может являться к нам из мира невидимого и таким же образом исчезать, то мир науки настолько обогатится, что пусть даже это чудовище изорвет нас



на куски своими ужасными когтями, нам все равно следует продолжать наш эксперимент!

— Порой наука перерастает в подвиг, — изрек Мейли, — никто не станет этого отрицать. И все же я слышал мнение ваших ученых мужей, которые опасаются, что мы рискуем рассудком, пытаясь вступить в контакт с миром духов. Что ж, ради человечества можно пожертвовать не только рассудком, но и жизнью. Почему бы нам не внести такой же вклад в его духовный прогресс, какой они вносят в его материальное развитие?

Тут включили свет — перед центральным экспериментом этого вечера было решено устроить небольшой перерыв. Собравшиеся разбились на группы, вполголоса обсуждая недавние события. Сейчас, при взгляде на эту уютную комнату и ее современное убранство, трудно было себе представить, что еще минуту назад здесь были странная птица и крадущийся осторожной поступью монстр. Но они действительно им не пригрезились — это убедительно доказал фотограф, которому было позволено выйти из комнаты. Теперь он ворвался назад возбужденный, оживленно размахивая пластиной, которую уже успел проявить. Он поднес ее к свету, и на ней можно было вполне отчетливо различить и лысую голову медиума, упавшую на руки, и зловещий силуэт, нависший над ним. Доктор Мопюи в восторге потирал маленькие пухлые ручки: как и всем первопроходцам, ему здорово досталось от парижской прессы, поэтому каждое новое явление становилось еще одним доводом в его защиту. — **Nous marchons! Hein! Nous marchons!** — без конца повторял он, а Рише, погруженный в собственные мысли, механически отвечал. — **Oui, mon ami, vous marchez!**

Маленький галициец угощался бисквитом, запивая его красным вином. Мелоун подошел к нему, и тут выяснилось, что тот бывал в Америке и немного говорит по-английски.

— Вы не устали? Это вас не выматывает?

— Да нет, не очень. Всего два сеанса в неделю. Это моя норма, а больше доктор и не разрешит.

— Вы что-нибудь помните?

— Словно все происходило во сне — какие-то обрывки.

— А вы всегда обладали такими способностями?

— Да, еще с детства. И мой отец, и дядя — помню их разговоры о видениях. А я часто уходил в лес, и причудливые звери собирались вокруг. Я был просто поражен, когда узнал, что другие дети их не видят. — **Est-ce que vous etes prêts?** — спросил доктор Мопюи. — **Parfaitement,** — ответил медиум, стряхивая крошки. Доктор зажег спиртовку, расположенную под

одним из ведер. — Сейчас мы вместе проведем эксперимент, который раз и навсегда убедит мир в том, что подобные формы эктоплазмы существуют. Можно спорить об их происхождении, но отныне никто не будет ставить под сомнение сам факт их существования, если только мой план не сорвется. Но прежде я расскажу, зачем мне ведро. В этом, которое я сейчас разогреваю, плавится парафин, в другом находится вода. Должен пояснить для тех, кто впервые на нашем сеансе, что все образы, вызываемые Панбеком, появляются в определенной последовательности и сейчас настал час старика. Сегодня мы ждем его с особым нетерпением — надеюсь, мы сможем обессмертить его в истории изучения метампсихоза. А сейчас я возвращаюсь на место и включаю красный свет третьей степени, который позволяет лучше видеть происходящее. Теперь фигуры сидящих за столом вырисовывались более четко. Голова медиума снова склонилась вниз, и по его громкому храпу можно было определить, что он впал в транс. Все повернулись к нему, поскольку в этот момент начался процесс материализации: сперва вокруг его головы появилась некая игра света, какая-то туманная дымка, затем, чуть поодаль, возникло волнение, словно колыхалась белая прозрачная ткань. Дымка стала плотнее, потом она словно слилась с колебанием ткани. Потом наметились контуры, и видение приобрело четкие очертания. Появилась голова, плечи, из них выросли руки. Да, не было ни малейшего сомнения — за стулом медиума стоял человек, старик. Он медленно вертел головой из стороны в сторону. Казалось, он смотрит на собравшихся в растерянности, спрашивая себя: Где я, и зачем я здесь?

— Он не говорит, но все слышит и понимает, — пояснил доктор Мопюи, глядя на видение через плечо. — Мы собрались здесь, месье, в надежде, что вы поможете нам в одном очень важном эксперименте. Можем ли мы рассчитывать на ваше сотрудничество?

В знак согласия фигура кивнула головой.

— Крайне вам признательны. Надеюсь, вы сможете обрести полную силу и оторваться от медиума.

Фигура вновь кивнула, но с места не сдвинулась. Мелоуну показалось, что с каждой минутой она становится все плотнее. Журналист мельком взглянул на лицо: без сомнения, это был старик — с хмурым выражением, длинным носом и смешно выпяченной нижней губой. Внезапно резким движением старик отделился от Панбека и сделал шаг в сторону.

— Итак, месье, — отчетливо, в присущей ему манере, произнес Мопюи, — надеюсь, вы видите цинковое ведро, стоящее слева. Не сообразовали ли подойти и опустить в него правую руку?

Фигура приблизилась к столу. Ведра, казалось, заинтересовали ее, поскольку некоторое время она с интересом их рассматривала. Затем опустила руку в то, на которое указал доктор.

— Великолепно! — воскликнул Мопюи, голос его дрожал от возбуждения. — А теперь, месье, могу я попросить вас опустить ту же руку в ведро с холодной водой?

Фигура повиновалась.

— А теперь, месье, наш эксперимент увенчается полным успехом, — если вы положите руку на стол и оставите ее там, а сами дематериализуетесь и вернетесь в свою среду.

В знак согласия фигура кивнула, а затем прошла к столу, наклонилась, вытянула руку и — исчезла. Тяжелое дыхание медиума начало выравниваться, и он зашевелился, словно просыпаясь. Мопюи включил верхний свет и от радости всплеснул руками, издав при этом громкий крик, в котором слились удивление и восторг.

На блестящей полированной поверхности стола лежала аккуратная желтовато-розовая парафиновая перчатка, широкая в кисти, узкая в запястье, два пальца прижаты к ладони. Мопюи был вне себя от счастья. Он отломил от запястья маленький кусочек воска и протянул своему ассистенту, который пулей вылетел из комнаты.

— Это был заключительный аккорд! — вскричал он. — Ну, что они теперь скажут! Я обращаюсь к вам, господа. Все вы видели, что произошло. Может ли кто-либо из вас разумно объяснить происхождение этой парафиновой формы, если не отталкиваться от того, что она появилась в результате дематериализации находившейся в ней руки?

— Лично я иного объяснения не вижу, — ответил Рише, — но вам придется иметь дело с людьми косными и предубежденными. Даже не сумев это опровергнуть, они демонстративно проигнорируют сей факт. — Здесь присутствует пресса, а она представляет общественность, — заметил Мопюи. — В частности, английская пресса — в лице месье Мелоуна, — он перешел на ломаный английский. — Можете ли вы это каким-то образом объяснить?

— Нет, — признался Мелоун.

— А вы, месье? — обратился Мопюи к представителю Матен. Французский журналист пожал плечами.

— Для нас, имевших честь здесь присутствовать, все было в высшей степени убедительно, — сказал он, — и все же, боюсь, вам придется столкнуться с трудностями. Толпе невдомек, с какой тонкой материей имеют дело спириты. Люди скажут, что медиум принес форму с собой и

положил на стол.

Мопюи торжественно захлопал в ладоши: вошел ассистент с каким-то листком в руке.

— Ваши возражения уже устранены, — вскричал он, размахивая листом в руке. Я предвидел их, поэтому подмешал в парафин немного холестерина. Вы все, возможно, заметили, что я отломил от слепка небольшой кусок. Это было необходимо для химического анализа. Теперь он произведен. Вот его результаты, из которых следует, что холестерин обнаружен. — Великолепно! — воскликнул французский журналист. — Вы сделали невозможными последние сомнения! Но что же дальше?

— Мы можем сколько угодно повторить наш эксперимент, — ответил Мопюи. — Я приготовлю целую серию таких слепков, причем иногда это будут слепки кулаков, а иногда — кистей. Затем я закажу гипсовые оттиски — закачаю гипс внутрь слепка. Хотя он очень хрупок, но это возможно. Когда у меня будут десятки таких оттисков, я разошлю их по городам и весям, — пусть люди своими глазами увидят результаты наших экспериментов. Неужели после этого они смогут усомниться в их достоверности?

— Не стоит слишком надеяться, мой бедный друг, — сказал Рише, кладя руку на плечо энтузиаста. — Вы еще не осознали до конца, насколько велика человеческая **vis inertiae**. Но, как вы верно заметили, **vous marchez — vous marchez toujours**.

— И наше движение подчинено определенной логике, — подхватил Мейли. — Постоянно возрастают наши шансы помочь человечеству понять его и принять. Рише улыбнулся и покачал головой.

— Как всегда, переходите на трансцендентальные материи, месье Мейли. Как всегда, пытаетесь ухватить больше того, что видит глаз, и превращаете науку в философию! Боюсь, вы неисправимы. Полагаете, ваша позиция разумна? — Профессор Рише, — ответил Мейли серьезным тоном, — я бы хотел услышать ваш ответ на тот же вопрос. Я глубоко почитаю ваш талант и ценю вашу осторожность, но разве вы не видите, что входите в противоречие с самим собой? Теперь вы признаете — не можете не признать, — что наделенное разумом видение в человеческом облике, состоящее из вещества, которое вы сами называете эктоплазмой, может передвигаться по комнате и исполнять приказания, в то время как медиум находится без чувств у вас же на глазах, и в то же время не решаетесь согласиться с тем, что дух существует объективно, независимо от тела. Разве это разумно?

Рише вновь с улыбкой покачал головой. Проигнорировав вопрос

Мейли, он повернулся к доктору Мопьюи, поздравил его с успехом и откланялся. Через несколько минут все разошлись, а наши друзья взяли такси и отправились к себе в гостиницу.

Мелоуна все увиденное просто потрясло, и он полночи провел за письменным столом, составляя подробный отчет для Центрального агентства новостей, — с упоминанием имен тех, кто стал свидетелем эксперимента, имен, слишком почитаемых, чтобы их можно было заподозрить в невежестве или обмане.

Это, безусловно, будет поворотный пункт в истории науки, который откроет новую эру, — возбужденно думал он.

Однако, открыв двумя днями позже ведущие лондонские газеты, он обнаружил: колонку о футболе, колонку о гольфе, целую полосу, посвященную курсу акций, большую серьезную статью в Таймс. о повадках чибисов, — и ни одного упоминания о тех чудесах, свидетелем которых он стал. Мейли рассмеялся, увидев его разочарованное лицо.

— Мир сошел с ума, господа, — сказал Мелоун. — Мир обезумел! Но это еще не конец.

## Глава XIII В КОТОРОЙ В БОЙ ВСТУПАЕТ ПРОФЕССОР ЧЕЛЛЕНДЖЕР

Профессор Челленджер был не в духе, и, как всегда в таких случаях, все домохозяева были об этом осведомлены. Последствия его гнева сказывались не только на тех, кто его окружал, — в прессе время от времени появлялись грозные послания, на чем свет стоит поносившие какого-нибудь несчастного оппонента, которые оскорбленный громовержец рассылал, восседая в суровом величии в своем кабинете, с высот квартиры на Виктория-Уэст-Гарденс. Слуги едва осмеливались входить в комнату, где за столом сидел мрачный и распаленный от злости человек с нечесаной гривой и косматой бородой, поднимавший лицо от бумаг, словно лев, которого заставили оторваться от кости. Одна лишь Энид могла нарушить его уединение в такие минуты, но даже у нее порой сердце замирало от страха, — такое случается и с самым отважным укротителем, когда он открывает клетку. Конечно, и Энид доставалось от него, но ей, по крайней мере, не приходилось опасаться рукоприкладства, которое он частенько допускал по отношению к другим. Порой приступы гнева у знаменитого профессора имели под собой вполне материальные причины.

— Печень расшалилась, — частенько говаривал он, оправдываясь после очередной вспышки. Но на сей раз у него были все основания сердиться — опять этот спиритизм!

Буквально на каждом шагу ему приходилось сталкиваться с ненавистным предрассудком, который шел вразрез с его работой и жизненным кредо. Профессор пытался не обращать на него внимания, насмехался над ним, относился к нему с презрением — но он, треклятый, так и норовил вторгнуться в его жизнь и в очередной раз напомнить о себе. В понедельник профессор, казалось бы, окончательно расправился с ним в своих статьях, а в субботу его призрак вновь маячил перед ним. Какая, в сущности, чушь! Профессору казалось, что его отвлекают от важных, животрепещущих проблем Вселенной и заставляют тратить время на сказки братьев Гримм или на призраков, созданных воображением какого-нибудь падкого на сенсации беллетриста.

И с каждым днем становилось все хуже. Сначала эти люди сбили с пути верного Мелоуна, который, при всей своей простоте, был вполне

нормальным, здравомыслящим человеком, — теперь он поддался искушению и стал исповедовать порочные идеи спиритов. Затем они сообразили и Энид, его малышку, единственного человека, связывающего его с миром всех остальных людей: она согласилась с доводами Мелоуна. Более того, сама искала им подтверждения. И он напрасно убил время, выводя на чистую воду медиума, мошенника и интригана, который передавал вдове послания покойного мужа в расчете подчинить бедную женщину себе. В данном случае все было очевидно, Энид этого и не отрицала, но ни она, ни Мелоун не допускали широких обобщений.

— Жулики есть везде, — говорили они. — Но мы должны исходить из презумпции невиновности.

Все это было нехорошо, но худшее еще только предстояло. Дело в том, что один из спиритуалистов публично посрамил профессора — и кто? Человек, который сам признался, что не имеет образования, и который профессору даже в подметки бы не годился, коснись дело любой другой области человеческого знания! И вот во время публичного диспута... Впрочем, все по порядку. Так вот, Челленджер, глубоко презиравший всех, кто не разделял его взглядов, и не имевший должного представления о предмете, о котором идет речь, в роковой для себя момент заявил, что готов спуститься со своего Олимпа и сразиться в споре с любым представителем противоположной партии, какого та только соизволит предложить.

Я вполне отдаю себе отчет в том, — писал Челленджер, — что, опустившись до этого, я, как и любой другой представитель науки с моей репутацией, рискую оказать слишком много чести абсурдным и фантастическим заблуждениям, на что при других обстоятельствах их апологеты не могли бы и рассчитывать, но мы должны исполнить свой долг перед обществом и, изредка отвлекаясь от серьезных дел, тратить время на то, чтобы поганой метлой выметать паутину предрассудков, которая, разрастаясь, способна нанести серьезный ущерб, если только ее вовремя не разрушать жрецам Науки. Вот так, со свойственной ему самоуверенностью, шел наш Голиаф на битву со своим скромным противником, в прошлом помощником печатника, а ныне редактором издания, посвященного проблемам спиритизма, которое Челленджер называл не иначе как жалкая газетенка.

Обстоятельства диспута стали достоянием широкой общественности, поэтому нет необходимости пересказывать в подробностях это печальное событие. Анналы донесут до будущих поколений тот исторический момент, когда славный ученый муж вошел в Куинс-Холл, сопровождаемый своими сторонниками-рационалистами, которые желали стать свидетелями

полного и окончательного посрамления мистиков. Присутствовало также большое число этих несчастных обманутых душ, которые все же надеялись, что их избранник не будет безжалостно брошен на алтарь оскорбленной Науки. Представители двух фракций до отказа заполнили зал, взирая друг на друга с нескрываемой враждебностью, такие же чувства, должно быть, за тысячу лет до этого испытывали голубые и зеленые, сошедшиеся на Константинопольском ипподроме. Слева от сцены дружными рядами расположились негибимые рационалисты, считавшие викторианцев-агностиков доверчивыми простаками и укреплявшие свою веру регулярным чтением Литерари газетт и Фрифинкера. Среди собравшихся были доктор Джозеф Баумер, известный своими лекциями о несостоятельности религиозных представлений, и мистер Эдуард Моулд, который весьма красноречиво разглагольствовал о праве человека на брэнное тело и душу, способную умереть. Напротив них, словно размахивая орифламмой, сверкал своей рыжей бородой Мейли. По одну сторону от него сидела жена, по другую — Мервин, журналист; их плотным кольцом окружали убежденные сторонники, представители духовного союза Куин-Сквер, Духовного колледжа, а также других церквей и религиозных общин, собравшиеся, чтобы поддержать своего избранника в его безнадежной затее. В толпе можно было различить милые лица Болсоувера, бакалейщика, и его друга Тербейна, медиума-носильщика, аскетическую фигуру преподобного Чарльза Мейсона, Тома Линдена, в конце концов выпущенного из тюрьмы, миссис Линден, кружок спасения. — в полном составе, доктора Аткинсона, лорда Рокстона, Мелона и многих других. Посередине, словно разделяя две партии, величественный, толстый и флегматичный, восседал судья Гейверсон из Отделения королевской скамьи, который согласился председательствовать. Обращал на себя внимание тот факт, что официальная церковь осталась в стороне, не проявив интереса к этому животрепещущему спору, который затрагивал самые основы, можно даже сказать, жизненные центры истинной религии. Впавшие в спячку либо пребывающие в благодушном состоянии святые отцы не могли осознать, что живой интеллект нации пристально изучает их организм, пытаясь понять, обречена ли церковь на полное вымирание или же способна в будущем возродиться в новом обличье.

На сцене в одном углу, окруженный своими многоумными последователями, восседал профессор Челленджер, торжественный и грозный, с агрессивно выпяченной бородой и неким подобием улыбки на устах; его живые серые глаза были полуприкрыты, что придавало всему его



облику еще более высокомерный вид. В другом углу сцены примостился скромный невзрачный человек с такой маленькой головой, что в шляпе Челленджера он бы просто утонул. Человек этот выглядел очень бледным и то и дело с робким, извиняющимся видом кидал умоляющий взгляд на своего осанистого противника. Но те, кто поближе был знаком с Джеймсом Смитом, не очень беспокоились за него, так как знали, что за кроткой и непритязательной наружностью скрывается столь блестящее владение предметом, как его практической, так и теоретической стороной, каким редко кто может похвастаться. Ученые мужи из Общества Психических Исследований — сущие дети в сравнении с ним, если говорить о знании духовных проблем, ибо вся жизнь таких, как он, посвящена различным формам общения с невидимым миром. Правда, при этом подобные люди подчас утрачивают связь с миром, в котором живут, и от них нет пользы в повседневных делах, но что касается Смита, то издание газеты и руководство большой, разбросанной по всей стране общиной заставляло его крепко стоять на ногах, а выдающиеся природные способности, не испорченные бесполезными сведениями, позволили ему всего себя посвятить той единственной области знания, которая открывает широкие горизонты для самого яркого ума. И вряд ли Челленджер отдавал себе отчет в том, что предстоящая дискуссия должна была развернуться между дилетантом, блестяще эрудированным, но скользящим по поверхности предмета, и сосредоточенным, углубленно изучившим вопрос профессионалом, каким был его оппонент.

Собравшиеся были едины во мнении, что первые полчаса речи Челленджера были образцом ораторского мастерства и продуманной аргументации. Его мощный трубный голос, который мог принадлежать лишь человеку с грудной клеткой объемом в пятьдесят кубических дюймов, взлетал и замирал в точно найденном ритме, который завораживал слушателей. Он был рожден для того, чтобы покорять аудиторию, — истинный лидер, способный повести человечество за собой. Многословный, остроумный и убедительный, профессор подробно остановился на возникновении анимизма среди дикарей, открытых всем стихиям, неспособных объяснить, почему идет дождь или гремит гром, и видящих лишь добрый или дурной знак в тех природных явлениях, которые ныне Наука сумела описать и объяснить.

Следовательно, вера в то, что вне нас существуют духи или какие-то невидимые существа, основывалась на ложных послылках, и среди наименее образованной части общества вера эта странным атавизмом возрождается в наши дни. Долг Науки — противостоять подобным

тенденциям к регрессу, и лишь осознание своего долга заставило профессора покинуть тишь кабинета и появиться на сцене при большом скоплении людей. Затем он вкратце охарактеризовал спиритизм, причем в тех выражениях, которые приняты среди противников этого движения. Со слов Челленджера возникла весьма неприглядная картина, состоящая из щелканья суставами, фосфоресцирующей краски, наскоро сшитых из холста привидений, отвратительной и грязной сделки между останками покойного мужчины, с одной стороны, и вдовьими слезами, с другой. Люди, повинные в этом, — гиены в человеческом обличье, способные наживаться за счет чужих могил. (Восторженные возгласы рационалистов, иронические смешки спиритуалистов.) Однако не стоит подозревать в мошенничестве всех подряд. (Спасибо, профессор! — громко выкрикнул кто-то из рядов оппонентов.) Ведь остальные — попросту идиоты. (Смех.) Ну разве может считаться преувеличением, если мы назовем идиотом человека, готового поверить, что его покойная бабушка станет посылать ему весточки через ножку обеденного стола? И разве хоть кто-нибудь из дикарей опускался до столь диких предрассудков? Эти люди отняли у смерти ее величие и своим грубым вторжением нарушили безмятежный покой могильной плиты, — отвратительный, богомерзкий поступок. Ему неловко, что приходится прибегать к столь сильным словам, но только скальпелем или прижиганием можно уничтожить злокачественную опухоль. И не пристало человеку углубляться в теоретизирование о природе жизни за могильной чертой, — у него и в этом мире достаточно дел. Жизнь прекрасна, и человек, способный оценить ее радости и налагаемые ею обязанности, не станет тратить время на лженауку, в основе которой лежит обман, неоднократно разоблаченный и все же привлекающий все новые и новые толпы полоумных фанатиков, чья патологическая доверчивость и противоречащая здравому смыслу предубежденность делает их глухими к голосу рассудка.

Таковы были, в общих чертах, основные положения его блестящей речи, открывшей диспут. Материалисты разразились бурной овацией, спиритуалисты чувствовали себя не в своей тарелке. И тогда поднялся их оратор, бледный, но исполненный решимости противостоять этому сокрушительному натиску. В его голосе, да и во всем облике не было ничего от того, что делало Челленджера столь привлекательным, но говорил он внятно и аргументы подбирал с той безошибочностью, которая отличает мастера, досконально изучившего свой инструмент. Поначалу он держался в высшей степени деликатно и даже примирительно, так что можно было подумать, будто он робеет. Казалось, он сознавал, насколько

самонадеянно со стороны такого малообразованного человека, как он, сойтись в споре с прославленным оппонентом. И в то же время полагал, что среди многочисленных достижений профессора — достижений, заставивших весь мир заговорить о нем, — есть одно упущение, о котором нельзя не упомянуть. Красноречие профессора привело его в восторг, но что касается содержащихся в речи постулатов, то при ближайшем рассмотрении они удивляют, если не сказать больше — вызывают презрение. Похоже на то, что при подготовке своей речи профессор обложился всей антиспиритуалистической литературой, какую только мог сыскать, — весьма сомнительный источник информации по этому вопросу, — и совершенно упустил из виду работы, авторы которых опираются исключительно на практику и собственную убежденность.

Все эти разговоры о щелканье суставами и прочих штучках по своему невежеству лучше бы подошли викторианской эпохе, что же касается эпизода, в котором бабушка якобы разговаривала через ножку стола, то он, оратор, сомневается в объективности такого описания спиритического феномена. Подобные примеры напоминают шутки о пляшущих лягушках, которые в значительной степени мешали признанию результатов первых опытов Вольта, и не делают чести профессору Челленджеру. Уважаемый оппонент наверняка должен быть осведомлен о том, что медиум-обманщик — злейший враг спиритуализма; его имя немедленно предается анафеме в специальных изданиях, как только становится известно о любом случае мошенничества, и делают это сами спириты, которые осуждают гиен в человеческом облике. с тем же негодованием, что и досточтимый профессор. Ведь никому не приходит в голову обвинить банки в том, что фальшивомонетчики используют их в своих грязных целях. Более того, опускаться до такого уровня аргументации перед просвещенной аудиторией — просто даром время терять. Если бы профессор Челленджер подверг сомнению религиозную сторону спиритизма, одновременно признавая связанные со спиритизмом явления, спорить с ним было бы гораздо труднее, но, отрицая решительно все, он поставил себя в весьма уязвимую позицию. Несомненно, профессор знаком с последними работами профессора Рише, известного физиолога, — за ними стоит труд тридцати лет, — так вот, Рише убедительно доказал достоверность этих явлений.

Может быть, профессор Челленджер соблаговолит сообщить собравшимся, какие именно опыты и личные наблюдения дают ему основание говорить о Рише, Ломброзо и Круксе как о невежественных дикарях. Должно быть, уважаемый оппонент самостоятельно проводил

эксперименты, с которыми он не соизволил познакомить мир, — в таком случае хорошо бы обнародовать их результаты. Пока же этого не произошло, его заявления являются ненаучными и весьма сомнительными с этической точки зрения, поскольку не очень порядочно прилюдно высмеивать людей, ничем не уступающих ему по своей научной репутации, которые подобные опыты произвели и доложили об их результатах широкой общественности.

Что же касается постулата о независимости и самостоятельном существовании этого лучшего из миров, то, конечно, столь удачливый человек, как профессор, обладающий хорошим пищеварением, может позволить себе придерживаться подобных взглядов на данный вопрос, но человек, умирающий от рака желудка где-нибудь в лондонской трущобе, скорее всего, усомнится в доктрине, предлагающей ему отказаться от стремления к лучшей доле, нежели та, которую судьба уготовила ему на земле. Это была достойнейшая речь, подкрепленная фактами, цифрами и датами. Хотя она и не отличалась красноречием, в ней содержались вопросы, на которые, как это ни прискорбно, Челленджер ответить не смог. Он зачитал собственную речь, но не придавал значения выступлению противника, уподобившись тем легковерным писателям, которые пишут о предмете, как следует его не изучив. Вместо ответа по существу Челленджер вышел из себя. Лев начал рычать. Его черная грива встала дыбом, глаза сверкали, а голос грохотал под сводами зала. Кто все эти люди, прикрывающиеся несколькими известными именами ученых, пошедших по ложному пути? И по какому праву требуют они от серьезного исследователя, чтобы тот приостановил свои собственные изыскания и стал тратить драгоценное время на исследование их безумных фантазий? Есть вещи настолько очевидные, что они не нуждаются в доказательствах! Бремя доказательства лежит на том, кто выдвигает гипотезу. Если же этот джентльмен, чье имя мало кому что говорит, утверждает, будто может вызывать духов, то пусть вызовет хоть одного — прямо сейчас, здесь, перед здравомыслящей и непредубежденной аудиторией. Он заявляет, что получает послания, — так пусть тогда познакомит нас с последними событиями, о которых еще не сообщил телеграф. (Выкрики спиритуалистов: Это уже делалось, и не раз!) А я не верю! Слишком много я слышал ваших диких утверждений, чтобы принимать их всерьез. (Шум в зале, и судья Гейверсон вскакивает со своего места.) В конце концов, если его посещают откровения свыше, пусть раскроет тайну убийства Пекема Рая. Если он входит в контакт с высшими силами, пусть подарит миру философию, которая была бы выше той, что может создать человеческий

разум. Все эти лженаучные опыты, скрывающий простое невежество, антураж, болтовня об эктоплазме и подобной мифической чепухе — не что иное, как обскурантизм, ублюдоочное порождение дикости и предрассудков. И всегда, лишь только дело доходит до тщательного расследования, сталкиваешься с научной нечистоплотностью и интеллектуальной распущенностью. Любой медиум на поверку оказывается злостным шарлатаном. (Вы лжете! — слышался женский голос из того угла, где сидели Линдены.) Голоса покойников вечно несут какой-то вздор. Психиатрические клиники переполнены теми, кто исповедует этот культ, и могли бы стать еще полнее, если бы каждый из последователей спиритизма получил по заслугам.

Речь вышла страстная, но малоубедительная. Было ясно, что великий ученый сбит с толку и выведен из себя. Он наконец осознал, что к разговору на таком уровне не готов, поэтому в качестве единственного средства защиты избрал брань и огульные утверждения, которые можно было бы себе позволить в кругу единомышленников, но ни в коем случае не противников, только и ищущих повода за что-нибудь зацепиться. Казалось, его гневная отповедь только позабавила спиритуалистов, а материалисты между тем беспокойно заерзали на своих местах. Затем поднялся Джеймс Смит, чтобы нанести оппоненту решающий удар. На устах его играла озорная улыбка, но во всем облике чувствовалась скрытая угроза.

Он попросил бы своего прославленного соперника проявить более научный подход. Поразительно, но факт: многие ученые мужи, если вдруг затронуты их пристрастия и предвзятые суждения, начинают проявлять просто-таки смехотворное неуважение к собственным принципам, самый главный из которых требует прежде изучить предмет, и уж потом его клеймить. В последние годы на примере беспроволочного телеграфа и летательных аппаратов тяжелее воздуха мы убедились, какие на свете встречаются чудеса, поэтому крайне неосторожно заявлять а priori, будто какое-то явление абсолютно невозможно, а именно такую ошибку совершает профессор Челленджер. Он воспользовался той славой, которую по праву приобрел в определенных областях науки, для того чтобы скомпрометировать предмет, о котором ни малейшего понятия не имеет. Если человек является выдающимся физиком и физиологом, это еще не говорит о том, что он большой специалист в вопросах души.

Совершенно очевидно, что профессор Челленджер не удосужился прочесть даже основные труды по вопросу, в котором он объявляет себя знатоком. А между тем может ли он сообщить уважаемой публике, кто

является медиумом у Шренк-Нотцинга? (Пауза в ожидании ответа.) А имя медиума у доктора Кроуфорда? Нет? Может быть, профессор знает, какова была цель экспериментов профессора Цольнера из Лейпцига? Что, мы и этого не знаем? Но ведь это основные вопросы дискуссии! Оратор некоторое время сомневался, стоит ли переходить на личности, но сильные выражения, которые позволил себе профессор, требуют соответствующей откровенности с его стороны. Известно ли, например, профессору, что эктоплазма, над которой он позволяет себе так насмеяться, в последнее время была исследована двадцатью немецкими профессорами — вот список их имен, — которые единогласно подтвердили ее существование? Так как же профессор Челленджер может отрицать то, что доказано этими джентльменами? Или, может быть, он и их объявит дураками и преступниками? Но дело-то в том, что профессор явился сюда, не имея об этих фактах ни малейшего представления, — он впервые услышал о них лишь здесь. Ему невдомек, что наука о душе имеет свои законы, иначе он не стал бы требовать, чтобы создание из эктоплазмы появилось при полном свете на этой сцене, хотя любой начинающий изучать спиритизм знает, что эктоплазма при свете распадается. Что же касается убийства Пекена Рая, то раньше как-то не принято было считать, будто потусторонний мир — это филиал Скотленд-Ярда. Так что многоуважаемый профессор попросту пускал всем пыль в глаза...

Тут-то все и началось. Сперва Челленджер ерзал на стуле, тербил бороду, бросал свирепые взгляды на выступавшего, но вдруг неожиданно вскочил и, как раненый лев, одним прыжком подскочил к столу председателя. Сей джентльмен дремал, откинувшись в кресле и сложив пухлые ручки на довольно упитанном животе, но атака профессора заставила его вздрогнуть, при этом он чуть не свалился в оркестровую яму.

— Сядьте, сэр! Сядьте! — возопил он.

— И не подумаю! — пророкотал в ответ Челленджер. — Сэр, я обращаюсь к вам как к председателю! Что же, выходит, меня пригласили сюда, чтобы оскорблять! Это переходит всякие границы, и я больше не намерен терпеть! Коль скоро затронута моя честь, я имею полное право постоять за себя! Как все люди, не привыкшие считаться с мнением других, Челленджер весьма болезненно воспринимал всякое несогласие с его собственным. Каждое новое колкое замечание противника отзывалось в нем подобно бандерилье, вонзающейся в бок разъяренного быка. В бессильной ярости потрясал он огромным волосатым кулаком над головой председателя, хотя угрозы его предназначались непосредственному противнику, который отвечал насмешливой улыбкой, и эта улыбка в конце

концов толкнула нашего героя на самые решительные действия: он угрожающе двинулся на толстяка-председателя, а тот стал медленно отступать. Среди публики поднялся страшный шум. Часть рационалистов была шокирована, остальные же гневно кричали: Стыд! Позор!, желая поддержать своего любимца. Спиритуалисты отпускали ехидные замечания, а некоторые даже бросились на помощь Смиту, чтобы уберечь его от физической расправы.

— Надо спасти старика, — обратился к Мелоуну лорд Рокстон, — иначе он себя погубит. Похоже, он невменяем, — заедет кому-нибудь по физиономии, а его потом к суду привлекут.

На сцене тем временем началась настоящая потасовка, да и в зале обстановка была не лучше. Мелоун и Рокстон с трудом пробрались к сцене и, действуя частично силой, частично уговорами, потащили Челленджера из зала, а тот все продолжал осыпать проклятиями своего обидчика. Послышались мольбы, обращенные к председателю, и собрание закончилось — в суматохе и неразберихе.

Весь этот прискорбный эпизод, — писала на следующее утро Таймс, — убедительно доказывает опасность публичных дебатов, особенно если предмет спора может всколыхнуть страсти как ораторов, так и слушателей. Такие выражения, как безмозглый идиот и недоразвитая обезьяна, употребленные всемирно известным профессором по отношению к своему оппоненту, наглядно демонстрируют, до чего могут пойти участники подобных диспутов. Итак, после многословного отступления мы вновь возвращаемся к профессору Челленджеру, сидящему в самом дурном расположении духа с вышеупомянутым номером Таймс. в руках и хмурым выражением на лице. И угораздило же Мелоуна выбрать именно этот момент для того, чтобы задать профессору весьма деликатный вопрос.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что наш приятель этого момента не выбирал, — просто зашел удостовериться, что человек, к которому, несмотря на все его причуды, он питал глубокое уважение и даже любовь, в результате событий предыдущего вечера не пострадал. Но ему вряд ли стоило беспокоиться на этот счет.

— Это невыносимо! — орал профессор все тем же тоном, так что могло показаться, будто он кричал одно и то же всю ночь. — Мелоун, вы тоже были там и, несмотря на ваше необъяснимое и ничем не оправданное сочувствие к бессмысленным идеям этих людей, должны признать, что собрание велось из рук вон плохо и мой праведный гнев был вполне оправдан. Возможно, когда я швырнул стол председателя в президента Духовного колледжа, я несколько переусердствовал, но они меня довели.

Вы же помните, как этот Смит или Браун, как его там, — впрочем, это неважно, — осмелился обвинить меня в невежестве и в том, что я пускаю пыль в глаза.

— Это верно, — примирительно сказал Мелоун. — Но не беда, профессор, вы ведь тоже в долгу не остались.

Хмурое лицо Челленджера прояснилось, и он весело потер руки. — Да-а, лично мне кажется, что некоторые мои удары попали в цель и, полагаю, они не скоро забудутся. Эти людишки просто содрогнулись, когда я сказал, что по ним желтый дом плачет. Так и завизжали, помню, ну прямо как щенки. Хотя, признаюсь, безумная идея, будто я обязан читать их идиотские книжонки, немного вывела меня из себя. И все-таки, надеюсь, мой мальчик, что сегодняшним вашим появлением я обязан тому, что моя вчерашняя речь повлияла на вас и вы пересмотрели те взгляды, которые, должен признаться, подвергают серьезному испытанию нашу дружбу.

Мелоун отважно ринулся навстречу опасности.

— Я пришел, — выпалил он, — по несколько иному поводу. Вы, должно быть, заметили, что ваша дочь Энид и я последнее время тесно общались, и для меня, сэр, она стала единственной избранницей, поэтому я уже никогда не буду счастлив, если не смогу назвать ее своей женой. Я не богат, но мне недавно предложили в одном издании место заместителя главного редактора, так что я вполне могу позволить себе обзавестись семьей. Мы с вами знакомы довольно давно, и, я надеюсь, вы ничего против меня не имеете. Позвольте же рассчитывать на ваше согласие!

Челленджер погладил бороду, веки его угрожающе прикрыли глаза. — Мои чувства, — сказал он, — не настолько притупились, чтобы я не заметил, какие отношения установились между вами и моей дочерью. Но этот вопрос в значительной степени связан с проблемой, которую мы еще не закончили обсуждать. Боюсь, оба вы впитали яд тех опасных заблуждений, искоренению которых я готов посвятить жизнь. Хотя бы ради потомков я не могу дать согласие на союз, строящийся на подобном основании, поэтому мне нужны веские доказательства того, что ваши взгляды стали более взвешенными. Я буду просить о том и свою дочь.

Так неожиданно Мелоун оказался в ряду достойных мучеников идеи. Предстояло сделать трудный выбор, но Мелоун и тут не растерялся. — Боюсь, сэр, вы не стали бы относиться ко мне лучше, если бы я стал менять свои взгляды — не важно, верны они или нет, — под влиянием меркантильных соображений. И я не стану поступаться убеждениями, даже если без этого не смогу получить руки Энид. Уверен, что она разделяет мою точку зрения.



— Так, значит, вас не впечатлило мое блестящее выступление? — Напротив, сэр. Я считаю, что ваша речь была верхом красноречия. — Но я вас не убедил?

— Нет, поскольку для меня гораздо важнее доказательства, полученные при помощи моих собственных чувств.

— Но ваши чувства мог обмануть какой-нибудь мошенник-трюкач. — Боюсь, сэр, я уже сделал свой выбор.

— Ну, в таком случае, я тоже, — прорычал Челленджер, бросив на Мелоуна неожиданно враждебный взгляд. — А теперь вы покинете этот дом и вернетесь только тогда, когда вновь обретете рассудок. — Минуточку, — остановил его Мелоун. — Прошу вас, сэр, не принимайте скоропалительных решений. Я слишком дорожу вашей дружбой, чтобы рисковать ею. Возможно, под вашим руководством я бы скорее разобрался в вопросах, которые ставят меня в тупик. Если мне удастся все устроить, не согласитесь ли вы лично присутствовать на одном из сеансов, чтобы благодаря вашей невиданной наблюдательности пролить свет на вещи, которые я сам не могу понять?

Челленджер был невероятно падок на лесть. Он сразу почувствовал себя важной птицей, распустил перья и захорохорился.

— Если я, дорогой Мелоун, смогу помочь вам избавиться от этой заразы — назовем ее, скажем, **microbus spiritualensis**, — то я весь к вашим услугам. С радостью уделю часть своего свободного времени, чтобы разоблачить эти пагубные заблуждения. Не стану утверждать, что вам не хватает мозгов, но вы слишком добродушны, поэтому легко подпадаете под чужое влияние. Только предупреждаю, что я буду въедливым и дотошным инспектором и полностью использую возможности лабораторных методов, в которых я, по общему признанию, так преуспел.

— Именно об этом я и мечтал.

— Тогда вам остается лишь все подготовить, а уж я не заставлю себя ждать. Пока же я вынужден настаивать на том чтобы вы на время оставили в покое мою дочь.

Некоторое время Мелоун колебался.

— Обещаю вам ждать шесть месяцев, — наконец сказал он. — Что же вы собираетесь делать потом?

— Там видно будет, — дипломатично ответил Мелоун, тем самым с честью выйдя из довольно сложной ситуации.

Случилось так, что, покинув квартиру профессора, Мелоун столкнулся с Энид, которая возвращалась из магазина. Со свойственным ирландцам нахальством Мелоун рассудил, что отсчет обещанных шести месяцев

можно начать в любой момент, но не обязательно прямо сейчас, поэтому он уговорил Энид спуститься с ним в лифте. Лифт был из тех, что управляются изнутри, и одному лишь Мелоуну известно, каким образом он застрял между этажами, но факт тот, что, несмотря на стук и нетерпеливые звонки, он тронулся с места не раньше чем через пятнадцать минут. Когда же агрегат вновь заработал и Энид вернулась домой, а Мелоун оказался на улице, оба уже были морально готовы к шестимесячному ожиданию и надеялись, что им удастся благополучно пережить этот эксперимент.

## **Глава XIV В КОТОРОЙ ЧЕЛЛЕНДЖЕР НЕОЖИДАННО ВСТРЕЧАЕТ НЕОБЫЧНОГО КОЛЛЕГУ**

Профессор Челленджер трудно сходилась с людьми. Быть его другом одновременно означало и быть его вассалом. Он не терпел равных себе, но в роли покровителя был непревзойден. Тогда — при всей своей царственной осанке, гипертрофированном чувстве собственного достоинства, самодовольной улыбке и облике снизошедшего до простых смертных божества, — он мог держаться в высшей степени дружелюбно. Но много и требовал в благодарность за свое расположение: глупость внушала ему отвращение, физическое уродство отталкивало, независимость вызывала протест. Ему нужен был друг, которым бы восторгался весь мир, но тот должен был, в свою очередь, восторгаться одним-единственным сверхчеловеком, верховным существом. И такого друга Челленджер обрел в лице доктора Росса Скоттона, который одновременно стал и любимым его учеником.

А теперь этот человек смертельно заболел. Его пользовал доктор Аткинсон из клиники Святой Марии, который уже появлялся на страницах нашей повести, и его сообщения о состоянии больного были весьма удручающими. Болезнь называлась рассеянный склероз, и Челленджер знал, что Аткинсон не преувеличивает, говоря, что выздоровление почти невероятно. Как все-таки несправедлива судьба: молодой блестящий ученый, еще не достигший своего апогея, но уже написавший такие основополагающие труды, как Эмбриология симпатической нервной системы. и Ошибки справочника Обсоник, должен буквально превратиться в ничто, распавшись на отдельные химические элементы и не оставив следов своего существования. Что оставалось профессору: лишь пожимать своими широкими плечами, трясти своей огромной головой и готовиться к неизбежному. День ото дня вести, доходившие от ложа умирающего, становились все более печальными, а потом и вовсе наступила зловещая тишина. Однажды Челленджер навестил своего юного друга в его квартире на Гауэр-стрит, но то, что он увидел, так его потрясло, что он больше своих визитов не возобновлял. Судороги скручивали страдальца в бараний рог, и ему приходилось закусывать губы, чтобы подавить стон, — возможно, стоны и облегчили бы его мучения, но Россу Скоттону это казалось

недостойным мужчины. Он ухватился за руку учителя, как утопающий хватается за соломинку.

— Неужели все действительно так, как вы говорите, и меня не ждет ничего, кроме отпущенных мне шести месяцев пытки? И ни единого проблеска жизни в беспросветном мраке вечной смерти?

— Мужайтесь, мой мальчик, мужайтесь, — сказал Челленджер. — Лучше смотреть правде в глаза, чем искать утешение в бессмысленных фантазиях. При этих словах с губ несчастного сорвалось долго сдерживаемое стенание. Челленджер вскочил и опрометью кинулся прочь. Но затем события приняли неожиданный оборот. Все началось с появления мисс Делисии Фримен.

Однажды утром в квартиру профессора постучали. Открыв дверь, Остин, дворецкий, — суровый и молчаливый — на высоте своего роста не обнаружил никого. Лишь опустив взгляд, он заметил наконец миниатюрную женщину с тонкими чертами лица, которая смело глядела на него своими глазами-бусинками.

— Мне надо видеть профессора, — сказала она и нырнула в сумочку, чтобы выудить оттуда визитную карточку.

— Он не может вас принять, — ответил Остин.

— О, я уверена, что может, — невозмутимо парировала крохотная женщина. Ни редакционные лабиринты, ни кабинеты государственных мужей, ни высочайшие канцелярии не пугали ее, если она знала, что может сделать добро.

— Он никого не принимает, — повторил Остин.

— Но я должна его увидеть, — заявила мисс Фримен и вдруг нырнула дворецкому под руку, а затем с безошибочным инстинктом направилась к святилищу — кабинету профессора, — постучалась и вошла. Из-за бумаг, которыми был завален стол, поднялась львиная голова. Львиные глаза сверкнули.

— Как понимать это вторжение? — взревел лев.

Но маленькая женщина ничуть не смутилась — она ласково улыбнулась сердитому лицу.

— Я так рада с вами познакомиться, — сказала она. — Меня зовут Делисия Фримен.

— Остин! — заорал профессор. Бесстрастная физиономия дворецкого появилась в дверях. — Что происходит, Остин? Как сюда попала эта особа? — Я не смог ее удержать, — жалобно промямлил дворецкий. — Пожалуйста за мной, мисс, нам уже надоели подобные штучки.

— Нет, нет! Вы не должны сердиться, это вам не идет! — кокетливо

протянула женщина. — Мне говорили, что вы просто чудовище, но на самом деле вы — душа!

— Кто вы такая? Чего вам надо? И знаете ли вы, что я один из самых занятых людей в Лондоне?

Мисс Фримен вновь нырнула в сумочку: она вечно рылась у себя в сумке, выуживая оттуда то буклет об Армении, то памфлет о Греции, то брошюру о деятельности христианской миссии в Индии, то манифест какой-нибудь секты. На этот раз на свет Божий был извлечен свернутый вчетверо листок. — От доктора Росса Скоттона, — объявила она. Письмо было небрежно свернуто и настолько коряво написано, что его было трудно читать. Челленджер склонился над ним.

Дорогой друг и наставник, выслушайте, пожалуйста, то, что скажет эта дама. Я понимаю, что это противоречит вашим взглядам, и все равно я должен на это пойти. Вы сами говорили, что у меня нет надежды, но я испробовал один метод, и он мне помог. Знаю, что все это звучит дико, а я произвожу впечатление безумца, но слабая надежда лучше никакой. На моем месте вы поступили бы так же, посему не отбросить ли вам предубеждения, чтобы своими глазами во всем убедиться? Доктор Фелкин будет у меня в три. Дж. Росс Скоттон.

Челленджер прочитал письмо дважды и вздохнул: сознание писавшего было явно помрачено.

— Он пишет, чтобы я выслушал вас. Так что вы имеете сказать? Только прошу быть краткой.

— Это доктор-дух, — ответила женщина.

Челленджер так и подскочил.

— Боже милостивый, я никогда не избавлюсь от этой чепухи! — возопил он. — Ну неужели нельзя дать несчастному спокойно умереть? Нет, они и на нем начинают пробовать свои фокусы!

Мисс Делисия захлопала в ладоши, и в ее быстрых маленьких глазках засверкал радостный огонек:

— Но он не собирается умирать! Он поправляется!

— Кто это сказал?

— Доктор Фелкин, а он никогда не ошибается.

Челленджер в ответ только фыркнул.

— А давно ли вы видели нашего больного? — спросила дама. — Около месяца назад.

— Сейчас бы вы его не узнали: он почти здоров.

— Здоров? Вы хотите сказать, что он вылечился от рассеянного склероза за несколько недель?

— Приходите и сами убедитесь!

— Вы хотите вовлечь меня в какое-то неслыханное шарлатанство, противное роду человеческому. А потом мое имя появится в рекомендательных письмах этого мошенника. Уж я их породу изучил. Если я и приду, то просто возьму его за шиворот и спущу с лестницы.

Женщина от души рассмеялась:

— Он повторит вслед за Аристидом: Убей, но выслушай меня. И я уверена, вы не откажете ему в этой просьбе. Ваш ученик — копия вы. Мне кажется, его угнетает, что лечение проводится столь нетрадиционными методами. Это я пригласила доктора Фелкина, несмотря на его протест. — А, так это ваша затея? А не слишком ли много вы на себя берете? — Я готова нести ответственность за свои действия, если уверена, что права! Я беседовала с доктором Аткинсоном — он кое-что понимает в проблемах души и относится к ним с меньшей предубежденностью, чем все вы, служители науки, — так вот он согласился с мнением, что для умирающего все средства годятся. Тогда и появился доктор Фелкин.

— И какое же лечение предложил этот ваш шаман?

— Для того-то доктор Росс Скоттон и хочет видеть вас, — она взглянула на часы, которые извлекла из глубин своей необъятной сумки. — Через час он уже будет там. Я передам вашему другу, что вы собираетесь прийти, — уверена, что вы не станете расстраивать его. Ой! — Тут она вновь погрузилась в недра сумки. — Вот последняя информация по бессарабскому вопросу. Там все гораздо серьезнее, чем многие склонны полагать. У вас как раз хватит времени, чтобы ознакомиться с ней. Итак, прощайте, дорогой профессор, au revoir!

Она лучезарно улыбнулась сердитому льву и удалилась. Но ее миссия удалась — впрочем, так случалось всегда. Было что-то неизъяснимо привлекательное в бескорыстном энтузиазме этой крохотной женщины, которая могла в мгновение ока перетянуть на свою сторону любого — начиная со старшины общины мормонов и кончая албанским разбойником, — возлюбив преступника и скорбя о грехе. Челленджер не составил исключения и тоже пал жертвой ее чар. И вот вскоре после трех он, поднявшись по узкой лестнице, уже стоял в дверях скромной спальни, где прикованный к постели лежал его любимый ученик. Росс Скоттон был одет в красный халат, и его учитель с радостным удивлением заметил, что лицо больного округлилось, а в глазах вновь засветилась надежда и появился здоровый блеск. — Взгляните, я ее поборол! — воскликнул он. — Уже после первой встречи Фелкина с Аткинсоном я почувствовал, что силы возвращаются ко мне. О, учитель, если бы вы знали, как невыносимо

лежать без сна и чувствовать, что эти проклятые микробы подтачивают основы основ твоей жизни! Я буквально слышал их мерзкую возню! А эти судороги, когда твое тело сводит так, что оно скручивается в тугой узел, словно неправильно собранный скелет! Сейчас же боль почти прошла, если не считать некоторого расстройства пищеварения и волдырей на ладонях. И все благодаря этому чудному доктору, который так мне помог!

Он сделал жест рукой, будто желая на кого-то указать. Челленджер сердитым взглядом обвел комнату, ожидая обнаружить наглеца-шарлатана, но вокруг не было никакого врача. Лишь в углу дремала хрупкая девушка, похожая на сиделку, — тихая, скромная, с копною каштановых волос. Мисс Делисия, сдержанно улыбаясь, стояла в дверях.

— Я рад, что вам лучше, мой юный друг, — сказал Челленджер, — но не пытайтесь обманывать себя. Эта болезнь имеет собственные законы и естественный цикл.

— Поговорите с ним, доктор Фелкин, объясните ему все, — произнес больной.

Челленджер поднял взгляд к потолку, затем осмотрел пол. Его ученик со всей очевидностью обращался к какому-то врачу, который, по всем признакам, должен был находиться в комнате, но профессору никого обнаружить не удалось. Не настолько же Росс Скоттон помрачился рассудком, чтобы считать, будто его лечат некие бесплотные существа.

— Это на самом деле требует некоторых разъяснений, — раздался низкий мужской голос у профессора за спиной. Он обернулся. Голос явно звучал из уст хрупкой девушки, дремавшей в углу.

— Позвольте представить — доктор Фелкин, — сказала мисс Делисия с лукавой улыбкой.

— Что за чушь! — заорал Челленджер.

Девушка поднялась, неловко одергивая платье; затем она сделала нетерпеливый жест рукой.

— Было время, дорогой коллега, когда табакерка составляла столь же неотъемлемую часть моей экипировки, как инструменты для кровопусканий. Я жил в те времена, когда Лаэннек еще не изобрел стетоскоп, поэтому такого инструмента у меня не было, но небольшой хирургический набор был всегда под рукой. А табакерка умиряла страсти, и я с радостью предложил бы ее вам, но — увы! — ее время прошло.

Пока произносилась эта речь, Челленджер стоял, вытаращив глаза и открыв рот; затем он повернулся к больному.

— Вы хотите сказать, что это и есть ваш врач, то есть — вы пользуетесь советами этой особы?

Девушка держалась довольно неуклюже.

— Сэр, я не собираюсь с вами спорить. Очевидно, вы из тех, кто слишком много внимания уделяет материалистическому знанию, так что у них совершенно не хватает времени постичь возможности духа. — Разумеется, у меня нет времени на всякую ерунду, — отрезал Челленджер.

— Дорогой учитель! — раздался голос с постели. — Умоляю вас помнить о том, как много доктор Фелкин сделал для меня. Вы видели, что было со мной месяц назад, а сейчас можете собственными глазами убедиться, что с тех пор все изменилось. Надеюсь, вы не станете обвинять моего лучшего друга. — Я просто уверена, профессор, что вы должны принести доктору Фелкину свои извинения, — подхватила мисс Делисия.

— Сумасшедший дом! — недовольно проворчал Челленджер. А затем избрал свой излюбленный и наиболее эффективный метод воздействия на нерадивых студентов, — тяжеловесную и неуклюжую иронию: — Юная леди, — или мне лучше сказать, почтенный и многоуважаемый профессор? — надеюсь, вы разрешите скромному и мало в чем сведущему любителю научных занятий, который обладает лишь знанием, доступным простым смертным на земле, смиренно примоститься в уголке и хотя бы отдаленно постичь ваши методы и ваше учение.

Эту речь Челленджер произнес, втянув голову в плечи, полуприкрыв глаза и вытянув вперед руки ладонями вверх, всей своей позой выражая неизбывный сарказм.

Тем временем доктор Фелкин мерил комнату тяжелыми и нетерпеливыми шагами, не обращая на это ни малейшего внимания.

— Конечно, конечно, — рассеянно бросила она. — Можете расположиться где-нибудь в уголке, но только прошу вас молчать, ибо этот случай требует напряжения всех моих сил. — Тут ее лицо приобрело властное выражение, и она повернулась к больному. — Ну вот, вам уже лучше. Месяца через два сможете вернуться к преподавательской деятельности.

— Не может быть! — чуть не плача, воскликнул Росс Скоттон. — Ошибаетесь! Это говорю вам я, а я, как известно, слов на ветер не бросаю.

— Я прослежу, — вмешалась мисс Делисия. — А теперь умоляю вас, милый доктор, расскажите нам, кем вы были при жизни!

— Ну-ну-ну! Женщины неисправимы! Судачили в мои времена, судачат сейчас. Ну, уж нет! Осмотрим лучше нашего юного друга. Пульс: прерывистость прошла. Уже хорошо. Температура — нормальная. Давление — несколько выше, чем хотелось бы. Пищеварение — могло быть и лучше. Не повредило бы то, что вы сейчас называете голоданием. В



целом состояние неплохое. А теперь обратимся к непосредственному очагу болезни. Поднимите рубашку, сэр! Ложитесь на живот. Отлично! — Сильными и ловкими пальцами девушка прошла по верхней части позвоночника, а потом вдруг неожиданно резко надавила на него костяшками пальцев, так что пациент вскрикнул от боли. — Ну вот, так-то лучше. Я уже объяснял, что здесь необходимо некоторое выравнивание шейных позвонков, ибо сейчас мы имеем сужение каналов, через которые проходят нервные окончания. В результате они оказались ущемлены, а поскольку эти нервы — проводники жизненной силы, то их ущемление привело к нарушению взаимодействия частей организма. Глазами я вижу не хуже, чем вы с помощью ваших рентгеновских лучей, поэтому могу с уверенностью сказать, что практически восстановлено исходное положение позвонков и фатальное ущемление устранено. Надеюсь, сэр, — обратился он к Челленджеру, — вам понятны мои объяснения относительно данной патологии. Челленджер что-то пробурчал, из чего можно было сделать вывод о его несогласии и полной враждебности.

— Я готов дать исчерпывающие разъяснения по любому вопросу, который вызывает у вас затруднения. Ну, мой дорогой, вы моя гордость, и ваше выздоровление меня радует. Передайте от меня привет моему земному коллеге доктору Аткинсону и скажите ему, что я сделал все, что мог. Мой медиум немного устал — бедная девочка! — поэтому я больше задерживаться не могу. — Но вы обещали рассказать о себе!

— Да не о чем особенно рассказывать. Я был рядовым врачом. В юности служил под началом великого Абернетти и перенял некоторые из его приемов; в более зрелые годы продолжил свои штудии, что позволило мне, как бы это сказать, принести пользу человечеству. Вы, конечно, понимаете, что лишь благодаря самоотречению и беззаветному служению людям переходим мы в высшие сферы. Мое служение таково, и мне остается только возблагодарить судьбу, что в этой девушке я нашел человека, чьи жизненные импульсы совпадают с моими, благодаря чему я могу воплощаться в нее и управлять ее телом.

— А где сейчас ее душа? — спросил больной.

— Она находится возле меня и вот-вот вновь вселится в свою оболочку. Что же касается вас, сэр, — обратился он к Челленджеру, — то вы сильная личность и образованный человек, но погрязли в материализме, которым, словно проклятьем, отмечена ваша эпоха. Уверю вас, что профессия врача, которая превыше всех на земле в силу бескорыстного служения людям, в значительной степени подверглась воздействию догматизма, который навязывают подобные вам, и в результате духовное

начало в человеке оказалось незаслуженно забыто, а оно намного важнее, нежели все ваши зелья и минералы. Помните, сэр, что существует так называемая жизненная сила, и медицина будущего будет основываться на умении правильно ею управлять. Если же пренебрегать ею, то доверие пациентов постепенно будет утрачено, и они обратят свои взоры к тем, кто готов предложить им разнообразные методы лечения.

Никогда Росс Скоттон не забудет этой сцены. Профессор, Мастер, высочайший авторитет, к которому надо было обращаться, затаив дыхание, теперь сидел, слегка подавшись вперед, вытаращив глаза и приоткрыв рот от изумления, в то время как юная девушка с копной каштановых волос стояла перед ним, наставительно тыча в него пальцем, и говорила тоном, каким отец укоряет строптивого ребенка. Ее внутренняя сила была настолько велика, что Челленджер на какое-то время вынужден был подчиниться. Он глотал ртом воздух, пытаясь что-то произнести, но слова возражения так и не сорвались с его губ. Потом девушка повернулась и села на стул.

— Он собирается покинуть нас, — сказала мисс Делисия. — Но я пока еще здесь, — с улыбкой произнесла девушка. — Да, я должен уйти, ибо у меня еще масса дел. Это не единственный мой медиум, и через несколько минут меня ждут в Эдинбурге. Крепитесь, молодой человек. Я оставлю моей помощнице два запасных аккумулятора для подкрепления вашей жизненной силы в тех масштабах, в каких позволит ваш организм. А вы, сэр, — обращаясь к Челленджеру, — примите мой совет: не стоит слишком доверяться разуму, слишком полагаться на интеллект. Храните старое знание, но и будьте восприимчивы к новому, оценивая его с точки зрения божественного предназначения, а не так, как того хотелось бы лично вам. Девушка издала глубокий вздох и откинулась на стуле. На мгновение воцарилась полная тишина — пока она сидела неподвижно, свесив голову на грудь. Затем, вздрогнув и еще раз вздохнув, она открыла удивленные голубые глаза.

— Ну что, он приходил? — спросила она нежным девическим голоском. — Конечно! — воскликнул больной. — Он был великолепен и обещал, что через два месяца я уже смогу преподавать!

— Это просто прекрасно! А он оставил какие-нибудь указания для меня? — Как обычно — только массаж. К тому же он обещал подключить два новых энергетических источника для поддержания душевных сил, если мой организм справится с нагрузкой.

— Ну, теперь-то он не заставит себя долго ждать! — Внезапно взгляд девушки упал на Челленджера, и она, смутившись, осеклась. — Это сестра

Урсула, — поспешила ей на помощь мисс Делисия. — А это знаменитый профессор Челленджер.

С женщинами Челленджер был неподражаем, особенно если перед ним оказывалась молодая привлекательная девушка. Он приблизился к ней — так когда-то, должно быть, сам царь Соломон шел навстречу царице Савской, — взял за руку и отечески потрепал по волосам.

— Милочка, вы слишком юны и очаровательны, чтобы участвовать в подобном обмане. Откажитесь от этого раз и навсегда! Разве вам не довольно того, что вы прехорошенькая, и к тому же еще сестра милосердия, — так стоит ли претендовать на высочайшее звание врача? Откуда у вас этот жаргон: шейные позвонки, последующее сужение канала?

Сестра Урсула беспомощно оглядывалась по сторонам, словно человек, попавший в объятия гориллы.

— Она не понимает ни слова из того, что вы говорите! — воскликнул больной. — Учитель, вы должны постараться смотреть правде в глаза! Я понимаю, каких усилий это потребует от вас, — в меньшей степени, но я пережил это сам, — однако поверьте, вы будете воспринимать действительность в искаженном виде, пока не осознаете существование мира духов вне нас.

Но Челленджер продолжал в том же наставительном тоне, хотя перепуганная девушка начала потихоньку отодвигаться от него. — Ну, вот скажите, кто же тот ученый эскулап, на которого вы работаете и который обучил вас всем этим ученым словам? Вы же понимаете, что меня обманывать бесполезно! Милое дитя, вам самой станет легче, когда вы облегчите душу и мы вместе посмеемся над лекцией, которую вы мне прочли!

Но тут неожиданно вмешался больной, желая прекратить этот безобразный допрос: он сел в постели, ярким красным пятном выделяясь на фоне белых подушек, и заговорил с напором, который явно свидетельствовал о его близком выздоровлении.

— Профессор Челленджер! — возбужденно начал он. — Вы оскорбляете моего лучшего друга! Хотя бы в моем доме она должна быть избавлена от насмешек, которые подсказывают вам научные предрассудки. Прошу вас покинуть эту комнату, если вы не можете говорить с сестрой Урсулой в более сдержанной манере!

Челленджер было вспыхнул, но тут вмешалась Делисия, которая всегда выступала в роли миротворца.

— Вы слишком торопитесь, дорогой доктор Росс Скоттон! —

воскликнула она. — У профессора еще не было времени осмыслить то, что здесь произошло. Поначалу вы тоже воспринимали все скептически, так можем ли мы его винить?!

— Да, да, вы правы, — поспешил согласиться молодой врач. — Мне казалось, что это позволяет расцвести пышным цветом небывалому шарлатанству, — так и было, факт остается фактом.

— Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу, — изрекла мисс Делисия. — Профессор, вы, конечно, можете недовольно поднимать брови и пожимать плечами, но семя, брошенное сегодня в ваш мозг, обязательно прорастет; оно взойдет и даст свои плоды. — Тут она вновь погрузилась в свою сумку. — Вот, возьмите эту брошюрку, Разум против Души, прочтите и передайте другим.

## Глава XV В КОТОРОЙ ГОТОВИТСЯ КАПКАН НА КРУПНОГО ЗВЕРЯ

Хотя Мелоун и дал обещание не беседовать с Энид о любви, но взгляд тоже может говорить, поэтому их общение не прервалось. Во всем же остальном он строго соблюдал уговор, как ни трудно это ему давалось. Он был частым гостем в доме профессора, и к тому же желанным, особенно с тех пор, как страсти вокруг диспута несколько улеглись. Теперь целью жизни для Мелоуна стало заставить великого ученого с благосклонностью отнестись к тем сторонам жизни духа, которые так увлекли его самого. Он принялся за дело с усердием, но и с осторожностью, ибо понимал, что с вулканом шутики плохи и извержение может произойти в любой момент. Пару раз уже наблюдались незначительные вспышки, которые вынуждали Мелоуна отступить и затаиться на несколько недель, пока почва вновь не обретала достаточной твердости.

Каждый раз Мелоун изобретал все новые хитроумные подходы к профессору, хотя одним из его излюбленных приемов было обратиться к Челленджеру за консультацией по какому-нибудь научному вопросу, например, спросить об особенностях животного мира пролива Банда или о насекомых Малайского архипелага и поддерживать беседу до тех пор, пока Челленджер не заявлял, что всеми этими сведениями человечество обязано Альфреду Расселу Уоллесу.

— Кто бы мог подумать — Уоллесу-спиритуалисту! — восклицал тогда с невинным видом Мелоун, на что Челленджер сердито сверкал глазами и переводил разговор.

Иногда в качестве приманки выступал Лодж.

— Полагаю, вы о нем высокого мнения, — говорил Мелоун. — Первый ум в Европе, — отвечал Челленджер.

— Ведь он крупнейший специалист по свойствам эфира.

— Несомненно.

— Я-то знаю его только по работам в области спиритизма. Челленджер сразу умолкал. Тогда Мелоун выжидал денька два и словно невзначай ронял:

— А вам доводилось встречаться с Ломброзо?

— Да, на конгрессе в Милане.

— Я тут читал на досуге его сочинение.

— Что-нибудь по криминологии небось?  
— Нет. Называется После смерти — что?.  
— Я о таком не слыхал!  
— Трактует вопросы спиритизма.  
— Такой могучий интеллект, как Ломброзо, камня на камне не оставит от этих шарлатанов!  
— Да нет, книга скорее написана в их поддержку.  
— Что ж, даже величайшие умы имеют свои маленькие слабости. Так, с безграничным терпением и хитростью, сеял Мелоун свои семена в надежде, что постепенно профессор избавится от предубежденности, но видимых результатов пока не наблюдалось. Требовалось предпринять более решительные действия, и Мелоун счел вполне своевременным пригласить Челленджера на сеанс. Но как, где и когда? Без советов Алджернона Мейли тут не обойтись. И вот как-то весенним днем он вновь оказался в гостиной, где однажды катался по ковру, сцепившись с Сайласом Линденом. Там сидели преподобный Чарльз Мейсон и Смит, герой Куинз-Холла, — они оживленно обсуждали с Мейли вопрос, который, возможно, нашим потомкам покажется более важным, чем те проблемы, которые занимают публику сейчас. Речь шла ни больше ни меньше, как о том, воспримет ли спиритуалистическое движение в Великобритании догмат о Троице или же встанет на точку зрения унитариев. Подобно отцам движения и основателям нынешних спиритуалистических общин, Смит придерживался антитринитарной линии, а Чарльз Мейсон, верный сын англиканской церкви, выражавший взгляды своих сторонников, в частности, таких авторитетов, как Лодж и Баррет среди мирян и Уилберфорс, Хойс и Чамберс среди священнослужителей, свято чтит древние каноны, хотя и признавал возможность спиритических контактов. Мейли оказался между двух огней и, подобно рефери, разводящему на ринге противников, получал удары с обеих сторон. Мелоун старался не пропустить ни слова, ибо теперь, когда он осознал, что будущее человечества связано с этим движением, его интересовала каждая деталь. Когда журналист вошел, говорил Мейсон — в свойственной ему серьезной, но и не лишенной мягкого юмора манере. — Люди не созрели для серьезных перемен, да их и не требуется. Достаточно объединить наше знание и непосредственное общение с душами умерших с величественным ритуалом и традициями церкви, и мы получим могучий инструмент, способный вдохнуть новую жизнь в религию. Никогда нельзя рубить сплеча. Даже первые христиане это понимали и во всем шли на уступки религиям, в окружении которых оказались.

— Это-то их и сгубило, — вмешался Смит. — В этом и состоял крах церкви в ее изначальной силе и чистоте.

— Тем не менее она продолжала существовать.

— Но она уже не возродилась в полном объеме с тех пор, как этот негодяй Константин приложил к ней руку.

— Ну-ну-ну, — возразил Мейли. — Разве можно называть негодяем первого христианского императора?

Но Смит был упрямый противник, открытый и честный, не идущий на компромиссы.

— А как, по-вашему, следует назвать человека, почти истребившего собственный род?

— Мы сейчас не обсуждаем его личные качества, мы говорим о создании христианской церкви.

— Надеюсь, мистер Мейсон, вас не обидела моя прямота? Мейсон улыбнулся своей открытой улыбкой:

— До тех пор, пока вы не оспариваете существование Нового Завета, ваши слова меня не задевают. И даже если бы вы взялись доказывать, что Бог — всего лишь миф, я бы несколько не оскорбился, коль скоро существует эта священная книга, вместилище величайшего учения. Откуда-то из глубины веков оно дошло до нас, я принял его и говорю: Верую.

— Ну, тут между нами нет больших расхождений, — сказал Смит. — Я не встречал более цельного учения, и не стоит отказываться от него. Но мы желаем избавиться от разного рода излишеств и пышности. Кстати, откуда они взялись? Как раз из компромиссов с другими религиями, на которые пошел наш друг Константин, чтобы добиться религиозного единообразия во всей своей необъятной империи. Он превратил христианство в лоскутное одеяло. Так, из египетского культа были взяты церковное облачение, митра, епископский посох, tonsura, обручальные кольца. Пасха — языческое празднество, приуроченное к весеннему равноденствию; конфирмация заимствована из культа Митры, как, впрочем, и крещение, — только в митраическом ритуале использовалась кровь, а не вода. Что же касается жертвенной трапезы... Мейсон заткнул уши.

— Это какая-то ваша старинная лекция, — рассмеялся он. — Можете снять зал, но не тратьте свое красноречие в частных домах. Если же серьезно, Смит, то речь вовсе не о том. Пусть даже вы правы — это никоим образом не меняет моих убеждений: у нас есть величайшее и действенное учение, с благоговением принимаемое тысячами людей, в том числе и вашим покорным слугой, и было бы крайне неразумно от него отказываться. Уж с этим-то вы не можете не согласиться.

— Нет, — упорствовал Смит. — Вы слишком заботитесь о чувствах ваших драгоценных прихожан, но совершенно не думаете о тех девяти десятых населения, которые никогда не переступали порога церкви. А между тем их оттолкнуло то, что им, как, впрочем, и вашему покорному слуге, кажется фантастическим и неразумным в христианском учении. Так как же вы рассчитываете привлечь их на свою сторону, если не предлагаете ничего нового, а лишь механически привносите в христианство спиритизм? Но стоит лишь обратиться к этим безбожникам и атеистам с такими словами: Я согласен, что христианство — это сплошная ложь и к тому же оно запятнано веками насилия и обскурантизма, но вот мы предлагаем вам нечто новое, незамутненное и чистое. Придите и причаститесь его! — и вот тут-то можно легко обратить их к Богу и вере, не насилуя их разум христианскими догматами.

Слушая спор, Мейли теребил свою рыжеватую бороду. Он прекрасно знал этих людей и понимал, что расхождения между ними невелики, ибо Смит воспринимал Христа как богоподобного человека, а Мейсон считал, что это принявший человеческое обличье Бог, что по сути своей одно и то же. Но между их более радикальными последователями лежала пропасть, и компромисс был абсолютно невозможен.

— Почему бы вам, — вмешался Мелоун, — не задать эти вопросы представителям мира духов и не довериться полностью их мнению? — Все не так просто, как вы думаете, — ответил Мейли. — После смерти все мы сохраняем наши земные предрассудки, оказавшись в обстановке, которая в той или иной степени их отражает. Поэтому поначалу каждый живет своими прежними представлениями. Постепенно, с течением времени, дух расширяет свое представление о мире и в конце концов приобщается к всеобъемлющему символу веры, который подразумевает лишь братство людей и верховенство Господа. Но на это уходят годы. Во время сеансов мне доводилось слышать речи ярых фанатиков.

— И мне тоже, — поддержал Мелоун, — причем в этой самой комнате. Но что же души материалистов? Уж они-то не могут не перемениться! — Я думаю, что их представления существенно влияют на их состояние, и они годами не проявляют никакой активности, ошибочно полагая, что жизнь уже кончена. Но в конце концов они просыпаются, понимают, сколько времени потеряли, и оказываются порой в первых рядах, поскольку обладают легким характером и руководствуются возвышенными идеалами, сколь бы ни были ошибочны их взгляды.

— Да, часто материалисты — это лучшие представители человечества, — заметил священник с подкупающей искренностью.



— Из них-то и пополняются больше всего ряды нашего движения, — сказал Смит. — Случается порой, что чувства говорят им о существовании разумной силы помимо них, и тогда они с достойным рвением начинают пропагандировать свое открытие. Вы, люди, обладающие верой и лишь прибавляющие к ней новое знание, даже представить себе не можете, что испытывает человек, живший в вакууме и неожиданно обретший нечто, способное заполнить его. Когда я встречаю простого честного парня, тщетно блуждающего в темноте, у меня руки чешутся ему помочь.

В этот момент появилась миссис Мейли с чаем, но разговор не затих. Такова уж особенность людей, изучающих возможности духа, что, встретившись, они затевают самый горячий обмен мнениями, — настолько интересна и многогранна эта проблема. Мелуону стоило больших усилий перевести разговор на то, что являлось непосредственным поводом для его визита. Лучших советчиков ему было не найти, и все они сошлись на том, что для такого человека, как Челленджер, необходимо устроить показательный сеанс.

Где же лучше всего его провести? В этом вопросе не было разногласий: большая зала Духовного колледжа была самым изысканным, самым удобным и во всех отношениях самым подходящим местом в Лондоне. Но когда? Чем скорее, тем лучше. Да любой спиритуалист, любой медиум ради такого случая, без сомнения, отложит все остальные дела.

Но вот загвоздка — кто же будет медиумом? Конечно, наилучший вариант — это кружок Болсоувера: он находится в частных руках, за него не надо платить, но Болсоувер — человек вспыльчивый, а Челленджер наверняка будет вести себя вызывающе и всем надоедать, так что сеанс может окончиться дракой и таким образом потерпеть провал. А этого ни в коем случае нельзя допустить. Может быть, отвезти его в Париж? Но кто возьмет на себя смелость позволить этому слону разгуляться в изысканном салоне доктора Мопюи?

— Да он просто вцепится питекантропу в горло, поставив под угрозу жизнь всех, кто окажется там, — сказал Мейли. — Это не подойдет. — Вне всякого сомнения, самым лучшим медиумом в Англии, в которого могут воплощаться духи, является Бандерби, — заметил Смит. — Но некоторые его пристрастия... На него совершенно нельзя положиться! — А почему? — спросил Мелуон. — Что он за человек?

Характерным жестом Смит щелкнул себя по горлу:

— Он пошел по дорожке, по которой прошел не один медиум до него. — Но ведь это серьезный аргумент против нашего движения, — удивился Мелуон. — Разве может считаться благим дело, ведущее к

подобным последствиям?!

— Как вы считаете, можно назвать благим делом, скажем, поэзию? — Ну, разумеется!

— А вот, например, По был алкоголиком, Кольридж — наркоманом, Байрон — повесой, Верлен — извращенцем. Не следует смешивать дело и человека, призванного это дело воплощать. За талант подчас приходится расплачиваться неуравновешенностью характера, а выдающийся медиум еще более чувствителен, чем величайший талант. Некоторые медиумы — достойнейшие люди, а некоторые не вполне чистоплотны в быту, и не следует их за это порицать. Такая работа требует большой отдачи, поэтому им необходимы радикальные средства для восстановления сил. Порой они теряют контроль над собой, но профессиональные их свойства остаются неизменными.

— Это напомнило мне один эпизод, произошедший с Бандерби, — вмешался Мейли. — Вы, должно быть, его никогда не видели, — обратился он к Мелону. — Он очень забавный — маленький, кругленький, неуклюжий и такой толстый, что уже много лет не видел собственных башмаков. Когда выпьет, он еще забавнее. И вот как-то пару недель назад мне сообщают, что он напился где-то в баре и не может без посторонней помощи добраться домой. Мы с приятелем поспешили ему на выручку. С некоторыми приключениями, но все же дотащили его до дому, и тут ему взбрело в голову устроить сеанс! Мы пытались его остановить, да куда там, — он схватил с приставного столика рупор и неожиданно погасил свет. И только он это сделал, как сеанс немедленно начался, да так все хорошо у него выходило! Но тут вмешался Принсепс, его дух-проводник, — он выхватил рупор и начал колотить медиума, приговаривая: Ах ты, негодяй! Пьяница несчастный! Да как ты смеешь!... Рупор теперь весь во вмятинах. Бандерби с воплями бросился вон из комнаты, а мы пошли по домам.

— Ну уж, медиум вовсе не виноват, — сказал Мейсон. — Так вернемся к профессору Челленджеру — такой случай нельзя упускать! — Как насчет Тома Линдена? Может быть, его пригласить? — предложила миссис Мейли.

Мейли покачал головой:

— После тюрьмы с Томом что-то произошло. Эти дуболомы не просто преследуют наших лучших медиумов, они к тому же разрушают их бесценный дар. С тем же успехом можно поместить бритвенное лезвие во влажное место и после этого надеяться, что оно сохранит остроту.

— Как же так? Неужели он утратил свои способности?

— Ну, я бы так категорично не стал утверждать, но они уже не те, что были раньше. Теперь он в каждом подозревает переодетого полицейского, и

это его отвлекает. Но если уж он возьмется за дело, то доведет его до конца. Да, лучше всего обратиться к Тому.

— А кого мы пригласим на сеанс?

— Я полагаю, что профессор придет не один.

— Он со своими спутниками создаст ужасающую волну колебаний, поэтому нам следует пригласить людей, разделяющих наши идеи, чтобы ему противостоять. Например, Делисию Фри-мен — она с удовольствием придет. Еще буду я. А как вы настроены, Мейсон?

— Разумеется, я приду.

— Мистер Смит?

— Нет, нет! На мне газета, к тому же на той неделе я должен провести три службы, две панихиды, свадебный обряд и пять деловых встреч. — Ну, я надеюсь, нам не составит труда выбрать еще одного-двух гостей. Любимое число Линдена — восемь. Так что теперь, Мелоун, дело за малым — получить согласие нашего исполина мысли и назначить дату. — И подтверждение мира духов, — серьезным тоном добавил Мейсон. — Мы должны посоветоваться с нашими партнерами.

— Всенепременно, святой отец. Это весьма существенное дополнение. Ну что ж, Мелоун, мы обо всем условились, и нам остается только ждать этого события.

Но случилось так, что этим вечером Мелоуна ожидали события совсем иного рода и на его пути возникло одно из тех препятствий, которые то и дело подстерегают человека на его жизненном пути. Появившись, как всегда, в редакции Газетт, он узнал, что его желает видеть мистер Бомон. Непосредственным начальником Мелоуна был заместитель главного редактора, старый шотландец по имени Мак-Ардл, и должно было произойти нечто экстраординарное, чтобы сам главный снизошел со своего Олимпа, откуда он наблюдал земные дела, и обратил внимание на кого-нибудь из своих скромных сотрудников, копошащихся где-то внизу. Этот вершитель судеб, всегда подтянутый, процветающий и могущественный, восседал в своем роскошном кабинете, обставленном старинной дубовой мебелью и диванами, обитыми кожей цвета сургуча. Когда Мелоун вошел, он продолжал что-то писать, и лишь после некоторой паузы поднял на журналиста пронизательные серые глаза. — А, добрый вечер, мистер Мелоун! У меня к вам небольшое дельце. Не угодно ли присесть? Речь идет о ваших статьях по спиритизму. Хочу напомнить, что вы начинали в духе здорового скептицизма, изрядно сдобренного юмором, что весьма устраивало и меня, и наших читателей. Теперь я — увы! — с сожалением вынужден признать, что по мере углубления в вопрос ваши взгляды

существенно изменились и вы, похоже, готовы оправдывать подобного рода деятельность. Думаю, не стоит говорить, что это расходится с позицией Газетт., и мы бы немедленно прекратили печатать ваши статьи, если бы заранее не объявили, что эта серия будет написана беспристрастным исследователем. Так что мы вынуждены продолжать, но тон статей должен быть изменен.

— Что же я должен сделать, сэр?

— Вы должны вновь обратиться к забавной стороне вопроса. Это нравится публике. Взгляните на все с юмором, придумайте какую-нибудь старую деву, и пусть она болтает всякий вздор. Вы понимаете, что я имею в виду? — Боюсь, сэр, все это больше не кажется мне смешным. Напротив того, я все больше и больше убеждаюсь, насколько это серьезно. Бомон величественно покачал головой.

— К сожалению, так же считают и многие подписчики. — Он взял со стола письмо.

— Вот, послушайте: Я всегда считал вашу газету изданием, которое не осмеливается гневить Бога, поэтому хочу вам напомнить, что деятельность, которую ваш корреспондент склонен оправдывать, предана анафеме в Левите и Второзаконии. Так что если я останусь вашим подписчиком, мне придется взять на душу ваш грех.....

— Проклятый фанатик, — пробормотал Мелоун.

— Не стану спорить, но пенни, которое платит этот фанатик, ничуть не хуже любого другого. Или вот еще: Надеюсь, что в наше время просвещения и свободомыслия вы не станете поддерживать движение, которое пытается вернуть нас к отжившей свой век идее о существовании ангельской и дьявольской сущности вне нас! Если же я ошибаюсь, то прошу исключить меня из числа ваших подписчиков.

— Вот бы запереть этих господ где-нибудь вместе и заставить их самих урегулировать свои разногласия!

— Возможно, это и будет забавно, мистер Мелоун, но меня в данном случае интересует тираж Газетт.

— А не кажется ли вам, сэр, что вы недооцениваете интеллектуальный уровень наших читателей и что помимо кучки экстремистов всех сортов существует большая масса людей, на которых произвели впечатление свидетельства стольких известных и уважаемых людей? И разве не в том наш долг, чтобы знакомить подписчиков с реальными фактами, а не высмеивать таковые?

Мистер Бомон пожал плечами:

— Пусть спиритуалисты сами отстаивают свои убеждения. Мы не

пропагандистская газета и не собираемся поучать читателей, во что им верить, а во что нет.

— Конечно, конечно, но я имел в виду лишь необходимость придерживаться фактов. А между тем они неизменно замалчиваются. Ну, когда это в лондонской газете появлялась серьезная статья, посвященная эктоплазме? Да никто даже не подозревает о том, что эта важнейшая субстанция была изучена и описана учеными, а ее существование было подтверждено многочисленными фотографиями!

— Довольно, — нетерпеливо перебил Бомон, — боюсь, я не располагаю временем, чтобы углубляться в данный вопрос. Я пригласил вас для того, чтобы сообщить, что мистер Корнелиус требует немедленно изменить нашу линию.

Мистер Корнелиус стал владельцем газеты не в силу каких-то личных заслуг, а лишь потому, что его отец оставил ему миллионное состояние, часть которого тот пустил на приобретение Газетт. Он редко появлялся в редакции, но газета регулярно публиковала сообщения о том, что его яхта пришвартовалась в Ментоне, или что его видели в Монте-Карло за игорным столом, или что его ждут в Лестершире на охотничий сезон. Он не обладал ни ярким умом, ни сильным характером, но время от времени вторгался в общественную жизнь, публикуя какой-нибудь манифест на первой полосе собственной газеты. Он не был распутником, но жил в свое удовольствие, окруженный роскошью, постоянно балансируя на грани порока, а изредка и переступая эту грань. При упоминании об этом ничтожестве кровь ударила Мелоуну в голову. Эта жалкая тварь, подумал он, смеет становиться между человечеством и откровением, ниспосланным свыше! Грязные руки человека, так и не сумевшего повзрослеть, способны перекрыть людям доступ к божественному источнику, пусть даже он может пробить себе и другое русло. — Таково мое последнее слово, мистер Мелоун, — заключил Бомон с видом человека, который не намерен продолжать дискуссию.

— Очень хорошо! — заявил Мелоун. — И оно будет означать конец моей работы в вашей газете. У меня контракт на полгода, и уж после его окончания ноги моей здесь не будет!

— Как вам угодно, мистер Мелоун, — с этими словами мистер Бомон вернулся к своим бумагам.

А Мелоун, возбужденный спором, вернулся в кабинет Мак-Ардла и все ему рассказал. Старый шотландец был крайне обеспокоен.

— Э-э, молодой человек, это все ваша ирландская кровь. Хорошо бы ее разбавить шотландским виски. Вот что я вам скажу: возвращайтесь назад и скажите, что передумали.

— Ну уж нет! Не хватало еще, чтобы этот ублюдок Корнелиус, жирный, краснорожий, — я уж не говорю про его личную жизнь, — позволял себе диктовать, во что кому верить, а мне приказывал глумиться над самыми святыми вещами на земле!

— Ох уж вам не поздоровится!

— И более достойные люди жертвовали собой ради идеи! А я найду себе другую работу.

— Боюсь, что нет, если вмешается Корнелиус. Стоит вам заслужить репутацию человека несговорчивого — и для вас не найдется места на Флит-стрит.

— Да это стыд и позор! — вскричал Мелоун. — То, как здесь относятся к проблеме спиритизма, — позор для журналистики! И Англия — не исключение, в Америке дела обстоят еще хуже! Похоже на то, что в наших газетах служат самые низкие и бездушные люди, а если там и есть пара порядочных ребят, то это уникамы, которых нужно в специальных институтах изучать. И это светочи нации! Глядеть тошно!

Мак-Ардл отечески положил руку Мелоуну на плечо.

— Ну ладно, ладно, так уж устроен мир. Не мы его создали и не нам за него отвечать. Дайте срок, а то мы все спешим, все спешим. А сейчас вот что: идите-ка вы домой, хорошенько все обдумайте, и не забывайте о карьере да о своей молоденькой леди, а потом снова впрягайтесь в лямку, которую всем нам приходится тянуть, если мы хотим остаться на плаву.

## Глава XVI В КОТОРОЙ ЧЕЛЛЕНДЖЕР ИСПЫТЫВАЕТ САМОЕ СИЛЬНОЕ ПОТрясение В ЖИЗНИ

Итак, капканы были расставлены, ловушки вырыты, и охотники готовились заполучить большую добычу, — вопрос заключался лишь в том, согласится ли зверь дать себя заманить. Если бы Челленджеру сказали, что истинная цель встречи — представить ему убедительные доказательства общения с духами и таким образом обратить его в спиритуализм, он бы рассвирепел или рассмеялся им в лицо. Но хитрый Мелоун при поддержке Энид убедил профессора, что его присутствие необходимо для того, чтобы разоблачить мошенничества и объяснить, как и почему их водят за нос. Пребывая в этом заблуждении, Челленджер в присущей ему надменной и снисходительной манере согласился удостоить своим присутствием собрание, которое, по его мнению, больше подходило бы для пещерных дикарей эпохи неолита, чем для человека, представляющего всю культуру и мудрость, накопленные человечеством. Энид сопровождала отца, который привел с собой какого-то странного субъекта, ни Мелоуну, ни остальным собравшимся не известного. Это был большой угловатый шотландец с веснушчатым лицом и мощной фигурой, крайне неразговорчивый. От него так и не удалось добиться, какие именно аспекты духовных проблем его интересуют; единственное, что из него вытянули, — это что зовут его Николл. Мелоун и Мейли пришли в Голландский парк вместе; там их уже ждали Делисия Фримен, преподобный Чарльз Мейсон, мистер и миссис Огилви как представители колледжа, мистер Болсоувер из Хаммерсмита и лорд Рокстон, который чрезвычайно увлекся спиритуализмом и весьма в нем преуспел. Всего собралось девять человек, компания разношерстная и неоднородная, от которой трудно ожидать хороших результатов. Когда все вошли в комнату, где должен был проводиться сеанс, Линден восседал в кресле, возле него расположилась жена; его представили собравшимся, многих из которых он уже хорошо знал. Челленджер тут же взялся за дело с видом человека, который не потерпит всякой там чепухи.

— Это медиум? — спросил он, глядя на Линдена с явной неприязнью. — Да.

— А его обыскали?

— Нет еще.

— Кто будет обыскивать?

— Кто-нибудь из нас, лучше вдвоем.

Челленджер недоверчиво хмыкнул:

— Кто именно, позвольте спросить?

— Лучше, чтоб это сделали вы и ваш друг мистер Николл. Можете пройти в спальню — это рядом.

Несчастливого Линдена вывели из комнаты словно под конвоем, неприятно напомнив ему о пребывании в тюрьме. Он и без того волновался, а это новое испытание и присутствие Челленджера совсем выбили его из колеи. Вернувшись, он посмотрел на Мейли и печально покачал головой. — Боюсь, сегодня у нас ничего не получится. Может, лучше отложим? Мейли приблизился и потрепал его по плечу, миссис Линден взяла за руку.

— Все в порядке, Том, — сказал Мейли. — Помните, что вы под охраной друзей, которые не допустят, чтобы вами манипулировали. Затем он обратился к Челленджеру — более сурово, чем это было в его правилах:

— Прошу вас не забывать, сэр, что медиум — это столь же чувствительный инструмент, сколь и любой из тех, какими вы пользуетесь в своей лаборатории. Бережно обращайтесь с ним. Надеюсь, вы не нашли у него ничего подозрительного?

— Нет, сэр, не нашел. Наверное, поэтому он говорит, что сегодня ничего не получится?

— Просто его взволновало ваше поведение. Вам следовало бы более деликатно с ним обращаться.

Однако выражение лица Челленджера не предвещало ничего хорошего. Его взгляд упал на миссис Линден.

— Я так понимаю, что эта особа — его жена. Ее также необходимо обыскать.

— Разумеется, — согласился Огилви. — Это могут сделать ваша дочь вместе с моей женой. Только умоляю вас, держитесь как можно дружелюбнее и помните, что мы не меньше вашего заинтересованы в хороших результатах, и все пострадают, если вы разрушите необходимую среду.

Тут поднялся мистер Болсоувер, бакалейщик, да с таким важным видом, словно он председательствовал на собрании общины.

— Я требую, — заявил он, — чтобы профессора Челленджера тоже обыскали!

От гнева борода профессора встала дыбом.

— Обыскать меня?! Да как вы смеете, сэр!



Но Болсоувера не так-то просто было запугать.

— Вы пришли сюда как враг и торжествовали, если бы вам удалось показать обман, — улавливаете мою мысль? Вот я и говорю, что надо бы вас обыскать!

— Это гнусная инсинуация, сэр! Значит, вы намекаете, что я способен на обман! — проревел Челленджер.

— Увы, профессор, нас всех по очереди в этом обвиняют, — с улыбкой произнес Мейли. — И мы все сначала негодуем, а потом, со временем, привыкаем. Меня называли лжецом, сумасшедшим, — да Бог знает как еще! И что же из того?

— Ваше предложение переходит всякие границы! — заявил Челленджер, бросая вокруг свирепые взгляды.

— Ну что ж, сэр, — вмешался Огилви, который был весьма неуступчивым шотландцем, — никто вас силой не держит, можете в любую минуту уйти. Но если уж решите остаться, мы должны быть уверены в научной чистоте опыта. Сами посудите, можно ли говорить о научности эксперимента, если среди нас находится человек, известный своим враждебным отношением к нашему движению, который не желает предъявить нам свои карманы. — Ладно, ладно, — предпринял попытку примирения Мелоун, — конечно же, мы можем поверить профессору на слово.

— Не берусь спорить с вами, молодой человек, — сказал Болсоувер, — но что-то сам профессор не очень верил на слово мистеру и миссис Линден. — У нас есть все основания соблюдать меры предосторожности, — заметил Огилви. — Смею вас уверить, что мошенничества, направленные против медиумов, случаются ничуть не реже, чем те, что практикуются ими самими, и я могу привести тому множество примеров. Нет, сэр, вас необходимо обыскать!

— Было бы о чем говорить! — воскликнул лорд Рокстон. — Да мы с Мелоуном мигом произведем осмотр!

— Вот и прекрасно, давайте! — поддержал Мейли.

Челленджера, всем своим видом напоминавшего быка с налитыми кровью глазами и раздувающимися ноздрями, вывели из комнаты. Через несколько минут приготовления были закончены, все расселись кружком, и сеанс начался.

Однако настрой был разрушен. Ох уж мне эти допотопные исследователи! — они требуют, чтобы медиума связали по рукам и ногам, словно какого-нибудь цыпленка, или еще до начала сеанса высказывают ему свои подозрения прямо в глаза! Да это все равно что подмочить порох,

а потом надеяться, что он не утратил своих свойств и в нужный момент сможет взорваться! Из-за них все усилия медиума сводятся на нет, а когда сеанс оканчивается провалом, приписывают это своей проницательности, не подозревая даже, что во всем виновато их нежелание вникнуть в суть. Вот и получается, что во время сеансов, собирающих вокруг себя скромных, но дружелюбных и благожелательных людей, происходят события, которые холодным и беспристрастным служителям науки увидеть не суждено. Все были возбуждены, а уж как препирательства подействовали на человека, которого они касались прежде всего! Для него комната была наполнена разнонаправленными потоками и завихрениями психической энергии, и ему было так же трудно ими управлять, как, например, быстринной в низовьях Ниагары. От отчаяния он даже застонал. Началось, как всегда, с ясновидения, но имена, которые улавливал тончайший слух Линдена, казалось, не имели смысла и сливались в однообразный гул. Отчетливее всего звучало имя Джон, и он произнес его вслух. Значит ли оно что-нибудь для присутствующих? Ответом был лишь глухой смешок Челленджера. Затем возникла фамилия Чэпмен. Да, у Мейли был приятель с такой фамилией, но он умер много лет назад, и его появление казалось странным и неуместным. К тому же Мейли не мог вспомнить, как того зовут по имени. Бадуорт. — тоже нет. До медиума доносились вполне отчетливые фразы, но они не имели никакого отношения к присутствующим. Все складывалось из рук вон плохо, и Мелоун совсем пал духом. Челленджер хмыкал так откровенно, что Огилви возмутился. — Вы только осложняете дело, сэр, — заявил он, — когда так явно выражаете свои эмоции. Я уже десять лет практикую спиритизм, но никогда еще не видел, чтобы медиум находился в столь затруднительном положении. По моему мнению, во всем виноваты вы.

— Именно так, — Челленджер довольно кивнул.

— Боюсь, будет мало толку, Том, — вмешалась миссис Линден. — Как ты себя чувствуешь, дорогой? Не пора ли прекратить?

Но Линден, несмотря на свой кроткий вид, по натуре был боец. Природа наградила его теми же качествами, благодаря которым его брат еще немного и получил бы Пояс Лонздейла.

— Может, я слегка перевозбужден, и, если погружусь в транс, это пройдет? Сейчас, мне кажется, лучше задействовать телесную оболочку. Пожалуй, я попытаюсь.

Приглушили свет, и теперь в комнате лишь едва мерцал красноватый огонек. Шторы, огораживающие кабину, были задернуты; по одну сторону от кабины смутно виднелся силуэт Тома Линдена, впавшего в транс, — он

тяжело дышал — с другой стороны за всем происходящим наблюдала его жена. Но ничего не произошло.

Прошло четверть часа, потом еще пятнадцать минут. Все терпеливо ждали, и только Челленджер начал ерзать на стуле. Воцарилась мрачная и холодная атмосфера, — всем казалось, что ничего уже и не может произойти. — Все без толку! — в конце концов воскликнул Мейли.

— Боюсь, что так, — согласился Мелоун. Медиум шевельнулся и застонал — он начал приходить в себя. Челленджер демонстративно зевнул. — По-моему, мы только зря тратим время, — изрек он.

Миссис Линден гладила мужа по голове. Он открыл глаза. — Ну, что? — спросил он.

— Это бесполезно, Том. Мне кажется, лучше отложить.

— И я того же мнения, — поддержал Мейли.

— Это для него слишком большая нагрузка, учитывая сложившиеся неблагоприятные обстоятельства, — заметил Огилви, сердито сверкнув глазами на Челленджера.

— Я думаю, — отозвался тот с самодовольной улыбкой.

Но Линден не привык легко сдаваться.

— Конечно, условия неподходящие, — сказал он, — и колебания непривычные, но я попробую изнутри кабины. Она способствует концентрации энергии.

— Это наш последний шанс, — сказал Мейли. — Действительно, почему бы не попробовать еще раз?

Кресло внесли внутрь кабины, туда же проследовал медиум и задернул за собой занавеску.

— Кабина конденсирует потоки эктоплазмы, — пояснил Огилви. — Вне всякого сомнения, — согласился Челленджер, — однако должен заявить, что в интересах истины исчезновение медиума из нашего поля зрения весьма огорчительно.

— Ради всего святого, прекратите! — воскликнул Мейли, теряя терпение. — Давайте прежде получим результат, а потом уж будем дискутировать относительно его научной ценности!

И вновь потянулись томительные минуты. Потом вдруг из кабины послышался глухой стон. Все напряглись в ожидании.

— Эктоплазма, — прошептал Огилви. — Возникая, она всегда причиняет боль.

Только он это произнес, как занавеска резко распахнулась, громко звякнули кольца. На темном фоне возникли очертания какой-то белой фигуры. Медленно и неуверенно она вышла на середину комнаты. В

красноватом сумраке ее контур оказался и вовсе размыт, и она выглядела в темноте движущимся белым пятном. С большой осторожностью, за которой скрывался страх, видение приблизилось к профессору.

— Ага! — громовым голосом проревел профессор.

Раздались шум, крик, треск.

— Поймал! — заорал кто-то.

Чей-то голос потребовал:

— Включите свет!

— Осторожнее! Вы же медиума убьете!

Все вскочили. Челленджер бросился к выключателю и зажег огни. Переход из темноты к яркому свету был настолько резким, что понадобилось время, прежде чем ошарашенные и ослепленные зрители смогли понять, что же произошло.

Когда они обрели способность видеть, их взору открылась удручающая картина. Том Линден, бледный, больной, не успевший прийти в себя, сидел на полу, а над ним стоял здоровяк-шотландец, который и сбросил его вниз. Миссис Линден, опустившись на колени возле мужа, с негодованием глядела на обидчика. Все застыли в молчании, наблюдая эту сцену, как вдруг заговорил профессор Челленджер:

— Ну что ж, господа, полагаю, вам нечего добавить к происшедшему. Ваш медиум, как он того и заслуживает, разоблачен. Теперь вы сами убедились, что такое ваши призраки. Я должен поблагодарить мистера Николла, знаменитого футболиста, за то, что он исполнил свои обязанности грамотно и точно.

— Я быстро его скрутил, — сказал детина. — Он и сопротивляться не стал.

— У вас это здорово получилось. Вы исполнили свой общественный долг, помогая разоблачить бессовестный обман. Думаю, нет нужды говорить, что по этому делу будет возбуждено судебное преследование.

Но тут вмешался Мейли. Он говорил с таким напором, что заставил Челленджера слушать себя.

— Вы допустили весьма распространенную ошибку, сэр, хотя избранные вами методы, которые свидетельствуют только о вашем невежестве, могли иметь для медиума роковые последствия.

— И вы смеете говорить о невежестве! В таком случае я заявляю вам, что отныне стану рассматривать вас не как жертв обмана, а как соучастников!

— Минуточку, профессор! Я задам вам прямой вопрос и хотел бы получить на него такой же прямой ответ. Фигура, которую мы все видели,

прежде чем произошел этот инцидент, была белой, не так ли?

— Да, именно так.

— Но ведь медиум одет в черный костюм. Так где же белое одеяние? — Для меня это несущественно. Не сомневаюсь, что он и его жена готовы к любого рода неожиданностям и уж наверняка знают способ быстренько спрятать куда-нибудь простыню или что это там было. Подробности будут выясняться в суде.

— Нет уж, давайте сейчас. Обыщите комнату, может, и найдете что-нибудь белое.

— Я впервые нахожусь в этой комнате, она мне незнакома. Я руководствуюсь лишь здравым смыслом: человека разоблачили, когда он переоделся духом, а уж в какое потайное место он спрятал свой костюм, для меня значения не имеет.

— Напротив, это имеет принципиальное значение. То, что вам посчастливилось наблюдать, — это не обман и не надувательство, это совершенно достоверное явление.

Челленджер хмыкнул.

— Да, сэр, самое что ни на есть истинное. Вы видели так называемое предвоплощение, переход к материализации. Поймите же вы, что духи-проводники, которые управляют этими вещами, не принимают в расчет ваши подозрения. Они настраивают себя на определенный результат, и если слабости участников сеанса не дают им возможности достичь его одним способом, они избирают другой путь, не считаясь с вашими предрассудками, мало заботясь о вашей выгоде. В данном случае вы сами создали столь неблагоприятные условия, что им не удалась попытка оформить эктоплазматическую фигуру, и вместо этого они обернули находящегося в трансе медиума в оболочку из эктоплазмы и выбросили его вон из кабины. Он так же непричастен к обману, как и вы.

— Клянусь всем святым, — сказал Линден, — что не помню ничего с того момента, как вошел в кабину. Очнулся я уже на полу.

Пошатываясь, он поднялся; его была нервная дрожь, так что он едва удерживал стакан с водой, который подала жена.

Челленджер пожал плечами.

— Ваши объяснения, — произнес он, — лишь показывают, насколько далеко может простираться человеческое легкоеверие. Я знаю свой долг и исполню его до конца. Все, что вы имеете сообщить, будет, без сомнения, в должной мере оценено судьей.

С этими словами профессор повернулся, чтобы уйти, — с видом человека, с честью выполнившего миссию, ради которой пришел.

— Идем, Энид! — бросил он.

Но тут возникло обстоятельство настолько неожиданное, настолько драматическое, что оно навеки запечатлелось в памяти тех, кто его наблюдал.

Челленджеру никто не ответил.

Все уже поднялись, и лишь Энид оставалась сидеть. Голова ее склонилась на плечо, глаза были закрыты, из прически выбилась прядь волос, — вид, достойный кисти художника.

— Она уснула, — удивился Челленджер. — Энид, проснись! Я ухожу! Но девушка не ответила. Тогда Мейли склонился над ней. — Тсс! Не трогайте ее — она в трансе!

Челленджер бросился к дочери.

— Что вы наделали! Ваши гнусные проделки испугали ее, и она лишилась чувств!

Мейли приподнял ей веко.

— Нет, нет, у нее глаза закатились. Она в трансе. Ваша дочь, сэр, — медиум, обладающий большими возможностями.

— Медиум! Да вы с ума сошли! Проснись, дочка, проснись! — Ради Бога, оставьте ее, иначе вам придется сильно пожалеть. Очень опасно внезапно прерывать транс.

Челленджер был явно озадачен. Впервые присутствие духа изменило ему. Его дитя подстерегает какая-то неведомая опасность, так неужто он ее и подтолкнет?!

— Что же мне делать? — беспомощно спросил он.

— Не бойтесь, все будет в порядке. Садитесь! Все садитесь! Ага, она собирается заговорить.

Девушка выпрямилась на стуле. Губы ее дрожали, одна рука была вытянута вперед.

— Это ему! — воскликнула она, указывая на Челленджера. — Он не смеет обижать моего медиума! Это послание. Ему.

Все затаили дыхание.

— Кто говорит? — спросил Мейли.

— Виктор говорит. Виктор. Пусть не обижает моего медиума! У меня послание — для него!

— Да-да. Так что за послание?

— Здесь его жена.

— Да!

— Она говорит, что уже приходила к нему — с помощью этой девушки. Это случилось сразу после кремации. Она стучит, он слышит ее

стук, но не понимает, что происходит.

— Профессор Челленджер, вам это о чем-нибудь говорит? Из-под нахмуренных бровей с подозрением глядели глаза, в которых застыл немой вопрос, — как загнанный зверь, профессор свирепо озирался по сторонам. Это обман, подлый обман, и они вовлекли в него его собственную дочь. Это отвратительно! Но он им покажет! Он выведет их на чистую воду! Нет, у него нет вопросов: он видит их насквозь! Они ее совратили. Конечно, он от нее такого не ожидал, но, к сожалению, так и есть. Она пошла на это ради Мелоуна. Ради любимого человека женщина готова на все! Да, отвратительная история! Он не смягчился, напротив, он жаждал мести. Разъяренный вид и отрывистая речь отчетливо выражали его настрой. Девушка вытянула руку.

— Еще одно послание!

— Кому?

— Снова ему. Человеку, который хотел обидеть моего медиума. Он не должен его обижать! Вот мужчина — двое мужчин — они хотят ему что-то сообщить!

— Да, мы слушаем, Виктор.

— Первого зовут... — Девушка слегка наклонила головку, словно прислушиваясь. — Ага, понял! Ол... Олдридж.

— Вам это имя что-нибудь говорит?

Челленджер вздрогнул; на его лице отразилось безграничное удивление. — А кто же второй?

— Уэр. Да-да, Уэр.

Внезапно Челленджер сел и провел рукой по лбу. Он был смертельно бледен, на лице выступил пот.

— Вы их знаете?

— Я знал людей с такими именами.

— Они хотят нам что-то сказать, — промолвила девушка. Челленджер словно подготовился к удару.

— Что же это?

— Слишком личное. Нельзя сказать, пока все здесь.

— Мы можем подождать за дверью, — сказал Мейли. — Пойдемте, друзья, пусть профессор услышит, что ему должны передать.

Все направились к двери, оставив профессора наедине с дочерью. Внезапно им овладела непривычная робость.

— Мелоун, не уходите!

Дверь закрылась; в комнате остались трое.

— Так что же это за послание?

— Оно касается порошка.

— Да, слушаю.

— Серого порошка.

— Да, ясно.

— Эти двое хотят, чтобы я передал: Вы не убили нас.

— Тогда спросите их — да-да, спросите их, как они умерли, — профессор едва мог говорить, он весь дрожал от волнения.

— Они умерли от болезни.

— От какой болезни?

— Нев... нев... Что бы это могло быть? ...От пневмонии!

Челленджер, издав вздох облегчения, откинулся на стуле. — Боже мой! — вскричал он, отирая пот со лба. — Мелоун, позовите остальных!

Все устремились в комнату. Челленджер поднялся им навстречу. Первым делом он обратился к Тому Линдену. По его тону было видно, что он глубоко потрясен и готов — хоть на миг — смирить гордыню.

— Имею ли я право судить вас, сэр! Сейчас со мной произошло нечто настолько странное и в то же время не подлежащее сомнению, — если мои чувства на этот раз не изменили мне, — что я не могу не принять объяснений, проливающих свет на ваши поступки. Прошу вас не принимать на свой счет оскорбительные замечания, которые я, возможно, позволил себе. Том Линден был истинным христианином. Он без долгих колебаний от всей души простил профессора.

— Теперь я вижу, что моя дочь обладает удивительными способностями, и у меня нет оснований сомневаться во многом из того, о чем вы говорили, мистер Мейли. Надеюсь, вы не станете оспаривать мое право на научный скептицизм, но сегодня вы представили мне настолько неопровержимые доказательства, что их нельзя ставить под сомнение.

— Все мы через это прошли, профессор. Сначала сомневаемся мы, потом сомневаются в нас.

— Вряд ли кто-нибудь усомнится в моем свидетельстве на этот счет, — с достоинством ответил Челленджер. — У меня есть все основания утверждать, что сегодня я получил такие сведения, какими не может располагать ни один из живущих на земле: уж слишком все сходится.

— Наша юная леди приходит в себя, — сказала миссис Линден. Энид в недоумении озиралась вокруг.

— Папа, что случилось? Кажется, я спала.

— Все в порядке, любовь моя, мы после об этом поговорим. А сейчас идем домой, мне нужно многое обдумать. Мелоун, не составите ли вы нам компанию? Мы должны объясниться.



Придя домой, профессор отдал распоряжение Остину ни под каким предлогом никого к себе не пускать и прошел в библиотеку. Там он расположился в своем огромном кресле: Мелоун сел слева, а Энид — справа от него. Профессор протянул руку и накрыл маленькую ручку дочери своей огромной клешней.

— Любовь моя, — начал он после долгого молчания, — сегодня я убедился, что ты обладаешь поразительными способностями, которые открылись мне с удивительной ясностью и полнотой. Но раз они есть у тебя, значит, могут быть и у других, и вот благодаря тебе я расширил свои представления о реальном и постиг роль медиума в спиритизме. Я не готов пока обсуждать этот вопрос, поскольку сам еще не во всем разобрался и мне нужно будет кое-что обсудить с вами и вашими приятелями, Мелоун, чтобы составить окончательное суждение по данному поводу. Скажу лишь, что мой разум получил новый импульс и передо мной открылись новые научные перспективы. — Для нас большая честь помочь вам, — отозвался Мелоун. Челленджер криво усмехнулся:

— Да уж, не сомневаюсь, что заголовок Обращение профессора Челленджера в вашей газетенке произведет фурор. Не обольщайтесь, это не так.

— Мы не будем торопиться с оглаской, и ваша точка зрения останется в полной тайне.

— У меня всегда хватало мужества открыто заявить о своих убеждениях, когда они окончательно оформлялись, но в данном случае этого еще не произошло. И тем не менее сегодня я получил два послания и склонен приписывать их происхождение нематериальным факторам. Конечно, я исхожу из того, что ты, Энид, действительно была в бессознательном состоянии. — Уверяю тебя, отец, я ничего не знаю.

— Охотно верю. Ты не способна на обман. Сначала было послание от твоей матери. Помнишь, я говорил тебе, что слышал характерный стук — так могла стучать только она. Так вот, она сказала, что это она и была. Теперь-то я понял, что ты тогда не спала, ты находилась в трансе. Все это невероятно, непостижимо, поразительно — но похоже на правду. — Крукс, помнится, выражался примерно так же, — заметил Мелоун. — Он писал, что все это абсолютно невозможно и вместе с тем совершенно реально. — Я очень виноват перед ним. Впрочем, я должен извиниться перед многими людьми.

— В этом нет нужды, — успокоил его Мелоун. — Эти люди устроены иначе, чем мы.

— Позвольте мне остановиться и на другом послании, — профессор

беспокойно повернулся в кресле. — Дело это очень деликатное, я о нем никогда и никому не говорил, и о нем не может знать ни один человек на земле. Раз уж вы столько знаете, я могу вам доверить и его. Случилось все еще в те годы, когда я был начинающим врачом, и не будет преувеличением сказать, что эта история омрачила все мое дальнейшее существование вплоть до сего дня. Кто-нибудь объяснил бы случившееся телепатией, причудами подсознания, да чем угодно, но у меня нет ни малейшего сомнения в том, что послание пришло с того света.

В те времена обсуждали свойства нового лекарства. Сейчас нет смысла вдаваться в подробности, которые вам все равно не дано понять. Скажу лишь, что делали его из дурмана, из которого можно приготовить и смертельный яд, и целебное снадобье. Я одним из первых получил образцы этого лекарства, ибо хотел, чтобы меня знали как человека, впервые применившего его в медицинской практике. Я прописал его двум больным, Уэру и Олдриджу, как мне казалось, в неопасных дозах (они, как вы понимаете, были моими пациентами в клинике), — так вот, наутро оба были мертвы. Я дал лекарство тайком, никто об этом не знал. Все обошлось без последствий, поскольку их состояние было критическим и ничего удивительного в том, что они умерли, не было. Но в глубине души я очень переживал, я боялся, что ускорил их смерть, и мысль об этом с тех пор омрачала мою жизнь. А сегодня вы своими ушами слышали их признание, что умерли они от болезни и лекарство тут ни при чем.

— Бедный мой папочка, — прошептала Энид, глядя его волосатую лапу. — Бедный папочка! Ты так страдал!

Челленджер был слишком горд, чтобы позволить кому-либо, даже собственной дочери, себя жалеть, — он отдернул руку.

— Я служил науке, — сказал он, — а в ней без риска не обойтись, поэтому я не считаю, что меня можно в чем-то обвинять. И все же... все же у меня сегодня как-то особенно легко на душе!

## Глава XVII В КОТОРОЙ ТУМАН ОКОНЧАТЕЛЬНО РАССЕИВАЕТСЯ

Мелоун лишился работы и обнаружил, что путь на Флит-стрит ему теперь заказан из-за распространившихся слухов о его независимой позиции. На его место в газету взяли молодого пьяницу-еврея, который сразу же завоевал популярность серией веселеньких статей, посвященных проблемам спиритизма, от души одобренных уверениями в непредвзятости и объективности подхода. Большой успех также имела его идея предложить пять тысяч фунтов духу, который угадает трех призеров предстоящего дерби, а также предпринятая им попытка доказать, что эктоплазма — это не что иное, как пивная пена, искусно спрятанная медиумом. Все эти его шутки еще на памяти читателей. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Челленджеру, с головой погруженному в свои эксперименты и воплощение самых дерзких своих замыслов, уже давно был нужен энергичный помощник со светлой головой, который вел бы его дела и контролировал использование изобретений. А таковых у профессора было предостаточно — плоды многих лет неустанного труда, они приносили неплохой доход, но за соблюдением авторских прав нужно постоянно следить. Автоматическое устройство, предупреждающее капитана о том, что корабль попал на мелководье, приспособление для отражения торпеды, новый и весьма экономичный способ выделения азота из воздуха, значительные усовершенствования беспроводного телеграфа и оригинальный способ обогащения уранита, — все это было весьма прибыльно. Возмущенный поведением Корнелиуса, профессор вверил все эти дела будущему зятю, который ревниво охранял интересы патрона.

Сам Челленджер сильно изменился. Его знакомые и коллеги заметили перемену, хотя и не могли объяснить ее причин. Он стал скромнее, деликатнее, душевнее. Поборник научной методологии и точного знания, в глубине души он чувствовал, что долгие годы напрасно тратил силы, чиня препятствия попыткам человеческого разума разобраться в тайнах неведомого. Он сурово себя осуждал за прежние заблуждения, и произошедшая переоценка ценностей сильно изменила его. К тому же с присущей ему увлеченностью он погрузился в изучение трактатов по данной проблеме, и теперь, избавившись от прежних предрассудков, постигал выдающиеся труды Гейра, де Моргана, Крукса, Ломброзо,

Баррета, Лоджа и многих других и поражался, как это он раньше мог полагать, что столь удивительное единодушие основывается на заблуждении. Страстный и открытый по натуре, он теперь стал отстаивать спиритуализм с тем же рвением и, как ни удивительно, с той же непримиримостью, с какой прежде его отвергал. Старый лев огрызался и рычал на тех, кого еще недавно считал единомышленниками.

Его выдающаяся статья в Спектейторе. начиналась так: Идиотское неверие и тупое упрямство церковников, которые не желали даже взглянуть в телескоп Галилея и своими глазами увидеть спутники Юпитера, в наши дни намного превзойдены крикливыми полемистами, позволяющими себе высказывать поспешные суждения по поводу тех связанных со сферой духа проблем, о которых они даже не удосужились прежде узнать. В заключение он писал, что его оппоненты .не только не являются истинными представителями научной мысли XX века, но выражают идеи, больше подходящие для эпохи раннего плейстоцена. Критики тут же, по своему обыкновению, подняли шум, протестуя против резкого тона статьи, хотя прежде считали это вполне дозволенным по отношению к противной стороне. Итак, мы можем теперь покинуть Челленджера, чья буйная шевелюра уже подернулась сединой, но чей разум лишь окреп и возмужал. Отныне профессор смело смотрит в будущее, ибо оно сулит ему не смерть, но вечную жизнь — с безграничными возможностями и перспективами. Сыграли свадьбу. Церемония была скромной, и никакой провидец не смог угадать, кого именно счастливый отец пригласит в Уайтхолл-Румз. Собралась дружная и веселая компания, кружок посвященных, которым противостоял остальной мир. Там был преподобный Чарльз Мейсон: он венчал молодых, — в своем черном одеянии, но сияющий белозубой улыбкой, он обходил собравшихся, пробуждая в душах мир и любовь. Мейли, закаленный в боях, но жаждущий новых сражений, стоял подле жены, своего верного оруженосца, в трудную минуту всегда готового его поддержать. Приехал из Парижа доктор Мопюи; он долго пытался втолковать официанту, что желал бы выпить чашечку кофе, но тот принес ему пачку зубочисток, к вящему удовольствию лорда Рокстона. Пригласили и милейшего Болсоувера, и кое-кого из Хаммерсмитского кружка. Тома Линдена с супругой, Смита, этого бойцового петуха, доктора Аткинсона, издателя Марвина с его добрейшей женой, чету Огилви, миниатюрную мисс Делисию с ее бездонной сумкой и бесконечными брошюрами, доктора Росса Скоттона, ныне исцелившегося, и даже доктора Фелкина, который немало способствовал его излечению, по крайней мере в тех пределах, в каких его земной представитель, сестра Урсула, могла его заменить. Их и

немало других вполне можно было различить в пределах цветового спектра, воспринимаемого человеческим глазом, и звукового диапазона, различимого ухом. Но кто знает, сколько еще гостей, не включенных в эти узкие рамки, почтили молодых своим присутствием и осенили благословением!

Прежде чем мы закончим наше повествование, хотелось бы остановиться еще на одном эпизоде. Перенесемся мысленно в один из номеров гостиницы Империял., что в Фолкстоне. Мистер и миссис Мелоун сидят у окна и смотрят на хмурое вечернее небо над проливом. Из-за горизонта, извиваясь, ползут по небу огромные пунцовые щупальца, таящие угрозу посланцы мира невидимого и загадочного. А внизу, выбиваясь из последних сил, стремится к родным берегам утлый челн. Чуть дальше видны большие океанские корабли — словно чуя опасность, они застряли посреди пролива. Смутное чувство опасности, исходящее от этого неба, подсознательно подействовало на молодых людей. — Энид, — начал Мелоун, — расскажи мне, какие из наших спиритических впечатлений больше всего подействовали на тебя?

— Так удивительно, что ты спросил именно об этом, Нэд, ведь я только что сама о том же подумала. Мне кажется, что эти мысли нам наваяло небо, такое оно жуткое, пугающее. Я размышляла о Миромаре, таинственном человеке с его мрачными пророчествами.

— И я тоже.

— А ты слышал о нем что-нибудь с тех пор?

— Лишь однажды. Как-то воскресным утром я забрел в Гайд-парк, и там, перед небольшой группкой слушателей, выступал он. Я тихо подошел и прислушался. Он говорил все те же жуткие слова.

— А как его восприняли окружающие? Они не рассмеялись? — Но ты же сама слышала, что он говорит. Разве тебе хотелось смеяться?

— Да нет, конечно. Но ведь не станешь же ты воспринимать все серьезно, правда, Нэд? Посмотри, на какой твердой почве стоит старушка Англия! Или взгляни на наш величественный отель, на людей, живущих здесь, на эти нудные утренние газеты, да на весь уклад жизни цивилизованной нации. Неужели ты и правда веришь, будто что-то это все может уничтожить? — Кто знает? Миромар ведь не единственный, кто так говорит. — Что ж, выходит, по его мнению, грядет конец света? — Нет-нет, это будет возрождение мира, мира истинного, такого, каким замыслил его Господь.

— Тогда это величайшее предсказание! Но чем провинился мир, если все-таки должен свершиться столь страшный суд?

— Причиной всему грубый материализм, косность церковных обрядов, пренебрежение духовными помыслами, отрицание существования невидимого мира, осмеяние, которому подвергается это новое откровение, — так считает он.

— Но ведь раньше мир был еще хуже.

— Но тогда не было нынешних достижений — ни образования, ни науки, ни того, что мы называем цивилизацией, которые, казалось бы, должны вести к новой духовности. К сожалению, все это обратилось во зло. Появились самолеты, но с их помощью бомбят города. Мы учимся создавать подводные лодки и губим моряков. Мы познаем мир химических веществ, превращая их во взрывчатку и ядовитые газы. И дела становятся хуже день ото дня. Сейчас нет такой страны, где втайне не обдумывали бы, как испортить жизнь всем остальным. Разве для этого Бог создал нашу планету, и допустит ли Он, чтобы мир шел по такому пути?

— Это кто говорит: ты или Миромар?

— Как тебе сказать? Я и сам размышлял над этим и пришел к тем же выводам, что и он. Однажды я прочитал записанное Чарльзом Мейсоном послание: Самое опасное для человека или даже для целого народа — это когда интеллект развит сильнее духовности. Как будто специально сказано о сегодняшнем дне!

— А как все произойдет?

— Тут я могу сослаться только на Миромара. Он говорит, что придет конец смутам и войнам, голоду и чуме, землетрясениям, потопам и наводнениям и воцарятся несказанные гармония и покой.

Огромные пунцовые полосы опоясали небо. На западе пылал огненно-красный закат, постепенно переходивший в тусклое красноватое сияние. Энид вздрогнула, взглянув туда.

— Мы знаем только одно, — вновь нарушил молчание Мелоун. — Две любящие души вместе проходят через все сферы. Так стоит ли нам бояться смерти или тех испытаний, что уготовит нам жизнь?

Она улыбнулась и вложила в его руку свою ладонь.

— А ведь верно, — сказала она.